Проверено 1964 г.
-- МАЙ 2008

1266.

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

ЮРИДИЧЕСКІЙ
КАБИНЕТЪ
В. Ж. К.

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

1876

КНИЖКИ ОСЬМАЯ И ДЕВЯТАЯ.

АВГУСТЪ И СЕНТЯБРЬ

Проверено 1948 г.

МОСКВА.
Типографія Московскаго Университета (М. Катковъ).
На Страстномъ бульварѣ.

КНИЖКИ ОСЬМАЯ и ДЕВЯТАЯ. — АВГУСТЪ и СЕНТЯБРЬ.

I. — ТЮРЕМНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ ЕГО СОСТОЯНІИ.—ТЮРЕМНАЯ ЛИТЕРАТУРА ИЛИ ТЮРЬМОВѢДѢНІЕ.—Д. Тальберга. 3

II. — МѢРЫ ПРИЗРѢНІЯ ПОРОЧНЫХЪ И БЕЗПРІЮТНЫХЪ ДѢТЕЙ. (Переводъ съ французскаго К. Т.) 33

III. — О КОДИФИКАЦІИ И ЕЯ ВЛІЯНІИ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И НА НАУКУ ПРАВА. Профессора юридическаго факультета въ Тулузѣ С. Жинульяка. (Перев. съ франц. А. М. Фальковскаго) *(Окончаніе)*. 57

IV. — О ФОРМѢ УНИВЕРСИТЕТСКАГО ПРЕПОДАВАНІЯ НАУКИ ПРАВА.—П. Л. Карасевича. 81

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

V. — О ПРЕСТУПЛЕНІИ СКОТОЛОЖСТВА ПО УЛОЖЕНІЮ О НАКАЗАНІЯХЪ. — Н. М. Пузанова. 1

VI. — КОГДА ПЕРЕХОДИТЪ ПРИ ПУБЛИЧНОЙ ПРОДАЖѢ СЪ ТОРГОВЪ НЕДВИЖИМОСТЕЙ ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НА ПРОДАННОЕ НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО ОТЪ ПРЕЖНЯГО СОБСТВЕННИКА ЕГО НА ПОКУПЩИКА. — А. Ливена. 20

VII. — СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА:

1) Дѣло по иску Гринчакъ о признаніи недѣйствительнымъ завѣщанія жены истца Варвары Гринчакъ (рѣшеніе Московскаго Окружнаго Суда по V отд.). 32

(см. на оборотѣ).

ЮРИДИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ЮРИДИЧЕСКІЙ
КАБИНЕТЪ
В. Ж. К.

1876

ГОДЪ ОСЬМЫЙ

АВГУСТЪ И СЕНТЯБРЬ

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1876.

Кабинет
В. Ж. К.

ТЮРЕМНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ ЕГО СОСТОЯНІИ.

ГЛАВА III.

ТЮРЕМНАЯ ЛИТЕРАТУРА ИЛИ ТЮРЬМОВѢДѢНІЕ.

(Продолженіе).

Но не смотря на общее признаніе громадной важности цифръ рецидивистовъ при оцѣнкѣ дѣятельности извѣстной тюрьмы, въ настоящее время существуетъ рядъ условій, которыя дѣлаютъ почти безполезнымъ обильный статистическій матеріалъ о рецидивистахъ; этимъ обстоятельствомъ объясняется главнымъ образомъ крайне скептическое отношеніе многихъ тюрьмовѣдовъ къ цифрамъ рецидивистовъ. *)

*) „Dass dieser Maasstab (процентъ рецидива) stets unsicher bleiben wird brauch hier nicht näher nachgewiesen zu werden..." замѣчаетъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ изслѣдователей по тюремному вопросу—Брунъ. Bruun. Ueber die Vollziehung der Strafarbeit etc. Heidelberg, 1869, S. 517, а также S. 382. (прибавленіе къ 4-му тому Bl. fur G.-de, 1870). Впрочемъ, почтенный авторъ иногда пользуется цифрами рецидива, но весьма осторожно; въ его изслѣдованіи мы найдемъ только цифры рецидива въ датскихъ тюрьмахъ, гдѣ этотъ статистическій матеріалъ, какъ будетъ указано ниже, отличается наибольшею достовѣрностью. Далеко не ту строгую послѣдовательность видимъ мы у Миттермайера по вопросу о значеніи процента рецидива въ тюрьмовѣдѣніи; такъ въ одномъ изслѣдованіи упомянутый авторъ говоритъ: „*Die Zahl der Rückfälligen* nahm überhaupt zu, was *klar genug* den mangelhaften Zustand der Strafanstalten *beweist*," а въ другомъ: „Macht man das Urtheil über den Werth eines Gefängnissystems davon abhängig, ob unter den aus einer Anstalt Entlassenen mehr oder weniger Rückfälle vorkommen, *so ist dies sehr*

Нѣкоторые изъ изслѣдователей категорически высказываются въ пользу того, что основывать то или другое мнѣніе въ тюрьмовѣдѣніи на основаніи извѣстнаго процента рецидива крайне ошибочно, такъ какъ этотъ процентъ опредѣляется дѣйствіемъ многихъ другихъ причинъ помимо тюрьмы.

Не подлежитъ сомнѣнію, что тотъ или другой процентъ рецидива регулируется общими соціальными и экономическими причинами, вліяющими вообще на число преступленій въ обществѣ; «воспитаніе юношества, экономическое и моральное

---

trüglich, weil etc." Срав. стр. 17, 133 — 134 и стр. 47, 58 — 59, 132 въ соч. Die Gefängnissverbesserung etc." или стр. 104—105 и стр. 11, 15, 17, 26, 28, 37 и т. д., въ соч. „Der gegenwärtige Zustand der Geffängnissfrage etc.", а также стр. 156 въ ст. „Der gegenwärtige Stand der Ansichten und Leistungen etc." Blätter für Gefängnisskunde, 2 Bd. 3 H, 1867. Этотъ рядъ противорѣчій, намъ кажется объясняется именно тѣмъ полемическимъ характеромъ тюремной литературы того времени, о которомъ было говорено нѣсколько выше. *M. Howe.* Essai sur la discipline des prisons etc. Paris, 1848, p. 106—108. *Dr. Löser* Kritiche Beleuchtung der über den Einflüs der Einzelhaft auf die Gesundheit der Strafgefangenen gemachten Erfahrungen etc. Der Gerichtssaal. Band. XXVIII, Stuttgart, 1875, S. 455. *Elvers.* Erfahrungen der dänischen Gefängniss-verwaltung, Der Gerischtssaal. H. 1. Band. XXVIII, 1876, S. 70—72. Матеріаломъ для статьи Эльверса послужилъ отчетъ датскихъ тюрьмъ за 1868—73 года; въ отчетѣ высказывается мнѣніе, что исправительное дѣйствіе наказанія болѣе опредѣляется поведеніемъ заключеннаго въ тюрьмѣ, нежели тѣмъ или другимъ числомъ рецидивистовъ. Съ этимъ мнѣніемъ можно бы согласиться, еслибы только возможно было бы предположить, что администрація тюремная обладаетъ большою житейской опытностью, знаніемъ людей и тонкимъ психологическимъ чутьемъ, или, что арестанты люди простодушные и наивные безъ всякой маски и лицемѣрія. Но въ дѣйствительности далеко не то мы видимъ; большая часть заключенныхъ глубоко понимаютъ, что тѣ или другія льготы въ скучной и однообразной тюремной жизни обусловливаются ихъ поведеніемъ, что передъ начальствомъ слѣдуетъ казаться благонамѣренными, прилежными, набожными, честными и т. д. Лица же, стоящія во главѣ администраціи, не всегда разберутъ чистую монету отъ фальшивой. Все это факты неоспоримые. Читая послѣдній отчетъ датскихъ тюрьмъ, мы невольно припомнили то мѣсто въ изслѣдованіи Брунна (Bruun über die Vollziehung etc., ibid. S. 400), гдѣ авторъ дѣлаетъ совершенно

состояніе рабочаго класса, говоритъ д'Оливекронъ *), несомнѣнно участвуютъ въ томъ или другомъ измѣненіи процента рецидива"; но кромѣ этихъ общихъ причинъ существуютъ еще спеціальныя, которыя имѣютъ непосредственное и прямое вліяніе на число рецидивистовъ. Къ числу этихъ непосредственно дѣйствующихъ причинъ принадлежитъ тюрьма со всѣми ея послѣдствіями. Рѣшая какой либо вопросъ въ принципѣ—мы необходимо должны предположить, что отправленіе дѣятельности извѣстнаго, положимъ, общественнаго учрежденія совершается при здоровыхъ, нормальныхъ условіяхъ. При такой постановкѣ вопроса о значеніи процента рецидива, всякій изслѣдователь, отрѣшившійся отъ практическихъ соображеній, имѣющихъ силу во времени, долженъ логически прійти къ тому выводу, что тотъ или другой процентъ рецидива въ состояніи показать, на сколько тюрьма достигаетъ цѣлей, положенныхъ въ основу ея дѣятельности. Соображенія слѣдующія: современная тюрьма имѣетъ задачею исправить человѣка по крайней мѣрѣ на столько, чтобы онъ не попалъ опять въ нее; тюрьма обязана дать заключенному нравственный и матеріальный капиталъ, необходимый для затратъ на борьбу съ неблагопріятными условіями жизни личной и общественной. Если преступникъ, вышедшій изъ исправительной тюрьмы, снова совершитъ преступленіе, то это служитъ доказательствомъ того, что воля его не окрѣпла, энергія и силы для борьбы съ жизнью недостаточны, что онъ не съумѣлъ жить такъ, какъ живутъ тысячи бѣдныхъ, но честныхъ людей; отсюда выводъ—что тюрьма не достигаетъ цѣли, не выполняетъ своего назначенія. Иначе будетъ рѣшенъ вопросъ, если мы

основательно разницу между „gute Gefangene" и „gute Bürger". Мы думаемъ, что наблюденія за дѣйствіемъ наказанія въ самой тюрьмѣ можетъ показать, сколько на общее число заключенныхъ было „хорошихъ арестантовъ" и сколько „дурныхъ", между тѣмъ какъ процентъ рецидивистовъ можетъ при извѣстныхъ условіяхъ показать сколько выпустила тюрьма хорошихъ, говоря разумѣется относительно, гражданъ.

*) *K. d'Olivecrona.* De cause de la récidive etc. ibid. p. 13.

станемъ на практическую почву, если мы пожелаемъ узнать не «*что можетъ*» вообще показать извѣстный процентъ рецидива, а то «что показываетъ» онъ или что можетъ показать при сохраненіи существующихъ условій наблюденій; при такой постановкѣ вопроса не можетъ быть спора въ томъ, что число рецидивистовъ не можетъ служить въ настоящее время сколько нибудь вѣрнымъ масштабомъ достоинства или недостатка извѣстной тюрьмы, такъ какъ констатированіе чиселъ рецидивистовъ совершается при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, о которыхъ рѣчь будетъ нѣсколько ниже. Задача науки и жизни въ сферѣ тюремной дѣятельности заключается въ томъ, чтобы устранить по возможности эти неблагопріятныя условія, которыя лишаютъ наше время одного изъ самыхъ драгоцѣнныхъ доказательствъ въ оцѣнкѣ той или другой тюремной системы, и заставляютъ идти ощупью какъ людей науки, такъ и законодателей и администраторовъ. Возможное устраненіе всѣхъ тѣхъ причинъ, которыя дѣлаютъ статистическій матеріалъ о рецидивистахъ, почти безполезнымъ, подвинетъ значительно впередъ дѣло тюремной реформы. *) Слѣдующія обстоятельства

---

*) Говоря о значеніи рецидива въ тюрьмовѣдѣніи нельзя пройти молчаніемъ оригинальное мнѣніе генеральнаго инспектора Англійскихъ военныхъ тюрьмъ *дю—Кэна* (брошюра подъ заглавіемъ „An Account of the Manner in which sentences of penal servitude are carried out in England), который говоритъ слѣдующее: „Наказанія назначаются гораздо болѣе съ цѣлью удержать отъ преступленія безчисленное множество *возможныхъ* преступниковъ, чѣмъ для произведенія какого либо вліянія на самаго наказываемаго. И если ежегодно должно быть совершено опредѣленное число преступленій, то, по моему мнѣнію, гораздо болѣе желательно, чтобъ они совершались одною и тою же группою лицъ, чѣмъ постоянно различными лицами. Поэтому, если намъ когда либо удастся свести число осужденій до минимума, то статистическія таблицы, которыя дадутъ въ такомъ случаѣ наибольшій процентъ рецидива, будутъ лучшимъ доказательствомъ успѣшной дѣятельности полиціи и предупредительной силы карательной системы". Письма изъ заграницы. И. Ф. (Суд. Вѣст. 1872 г. № 141) Изложенный взглядъ дю-Кэна основывается на той неправильной мысли, что существуетъ фаталистическая цифра преступленій, неподвергающаяся измѣненіямъ не смотря на то, что

вызываютъ затрудненіе въ пользованіи числами рецидивистовъ:

А) Въ ряду условій, дѣлающихъ крайне-затруднительнымъ пользованіе цифрами рецидивистовъ, первое мѣсто занимаетъ та путаница во взглядахъ на рецидивъ, которая существуетъ въ уголовныхъ кодексахъ Европы; эта путаница лишаетъ изслѣдователя всякой возможности сравнивать цифры рецидивистовъ между собой. Разнообразіе во взглядахъ на рецидивъ различныхъ уголовныхъ кодексовъ *) выражается въ слѣдующемъ:

а) Самое представленіе о томъ, что должно понимать подъ рецидивомъ или повтореніемъ преступленія не одинаково; такъ, одна группа законодательствъ **) подъ рецидивомъ по-

---

условія жизни безпрерывно измѣняются и вмѣстѣ съ ними измѣняются причины, создающія преступленія. Здѣсь кстати будетъ припомнить слова Джонъ Стюартъ Милля (Система логики, т. II, стр. 516—517): „По представленію нѣкоторыхъ лицъ изъ ученія о законоподчиненности слѣдуетъ..., что индивидуальный убійца есть, такъ сказать, орудіе въ рукахъ общихъ причинъ. Подобныя заключенія, конечно, уличаютъ *въ нелѣпости* всякую теорію, которая необходимо ведетъ въ нимъ.“ Заключеніе, выводъ изъ взгляда дю-Кэна крайне оригиналенъ, что бы не сказать больше: чѣмъ меньше новыхъ жертвъ будетъ похищено преступленіемъ, тѣмъ лучше, выгоднѣе для общества, или чѣмъ больше число рецидивистовъ тѣмъ болѣе тюрьма удовлетворяетъ требованіямъ въ интересахъ общества. Отсюда слѣдующій силлогизмъ: тюрьма должна преслѣдовать интересы общества; въ интересѣ общества, что бы было возможно больше рецидивистовъ и возможно меньше новыхъ жертвъ; слѣдов. тюрьма должна содѣйствовать увеличенію рецидива. Такимъ образомъ—чѣмъ вреднѣе вліяніе тюрьмы и заключеннымъ въ ней, тѣмъ лучше, тѣмъ больше будетъ рецидивистовъ. Таковы выводы изъ теоріи дю-Кэна; они слишкомъ нелѣпы, что бы можно было принять эту теорію, которая, кажется, не требуетъ болѣе обстоятельнаго и подробнаго опроверженія.

*) *Кистяковскій.* Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. Кіевъ, 1875 г., стр. 227—238.

**) Кодексы Ольденбургскій ст. 116, Баварскій ст. 111, Брауншвейгскій, ст. 58, Ганноверскій, ст. 111, Вюртембергскій, ст. 124, Гессенскій, ст. 94, Баденскій ст. 183, Нассаускій, ст. 90, Тюрингенскій ст. 46, Саксонскій ст. 82.

нимаютъ повтореніе преступленія *одновиднаго* или *однороднаго* съ первымъ преступленіемъ, при чемъ одни изъ этихъ кодексовъ не опредѣляютъ какія преступленія считать однородными, а какія одновидными, а другія или устанавливаютъ особую классификацію преступленій или даютъ общія руководящія правила для руководства судей при опредѣленіи однородности преступленій въ каждомъ данномъ случаѣ. Другая группа законодательствъ *) видитъ рецидивъ въ повтореніи какого бы то нибыло преступленія безотносительно къ его роду и виду; наконецъ — третья группа **) вовсе не даетъ опредѣленія рецидива въ общей части уголовныхъ кодексовъ, а устанавливаетъ большую наказуемость, въ случаяхъ повторенія нѣкоторыхъ преступленій.

Благодаря этому разнообразію въ опредѣленіяхъ рецидива таблицы рецидивистовъ не могутъ быть сравниваемы. Гдѣ, напр. подъ рецидивомъ разумѣется повтореніе всякаго преступленія, и гдѣ такимъ образомъ понятіе рецидива очень широко, тамъ процентъ рецидива несомнѣнно долженъ быть больше, чѣмъ тамъ, гдѣ рецидивъ понимается въ болѣе ограниченномъ смыслѣ.

б) Далѣе—далеко не всѣ законодательства согласны въ вопросѣ, какое значеніе для рецидива имѣетъ исполненіе присужденнаго судомъ наказанія?

Въ то время, какъ одни уголовные кодексы для понятія рецидива требуютъ отбытія наказанія за предшествующее преступленіе въ полной его цѣлости, т. е. въ мѣрѣ опредѣленной судомъ ***), другіе считаютъ рецидивистомъ того, относительно котораго наказаніе вслѣдствіе какихъ либо причинъ было выполнено только въ части его ****); наконецъ,

---

*) Французскій кодексъ 1810 г., ст. 56—58, Баварскій 1848 г.

**) Баварскій 1861 г., и Сѣверо-Германскій уголовный кодексъ 1871 года.

***) Напр. кодексы старый Баварскій, ст. 111, Ольденбургскій, ст. 116, Саксонскій (1855 г.) ст. 82, и наше уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ (ст. 131).

****) Напр. кодексы Саксенъ-Альтенбургскій, ст. 58, Брауншвейгскій,

нѣкоторые уголовные кодексы для наличности понятія рецидива ограничиваются лишь требованіемъ вступленія приговора въ законную силу *)

Понятно, что указанное разногласіе современныхъ уголовныхъ кодексовъ по вопросу о значеніи исполненія наказанія для наличности рецидива также лишаетъ таблицы рецидивистовъ той однородности данныхъ, при которой эти таблицы только и могутъ быть полезны; понятіе рецидива съуживается или расширяется, смотря потому—считаетъ ли законодательство необходимымъ для наличности рецидива отбытіе наказанія въ цѣлости или въ части, или вовсе не принимаетъ во вниманіе началось-ли исполненіе наказанія или нѣтъ. Гдѣ, напр. видятъ рецидивъ въ повтореніи преступленія до начала наказанія или требуютъ отбытія наказанія только въ части, тамъ число рецидивистовъ будетъ больше нежели тамъ, гдѣ существуетъ требованіе для понятія рецидива отбытія наказанія въ цѣлости его.

в) Дѣйствіе и впечатлѣніе всякой репрессивной мѣры необходимо имѣетъ предѣлъ во времени; трудно допустить, какъ общее правило, что это дѣйствіе и впечатлѣніе будетъ неизгладимо. Въ виду этихъ соображеній, нѣкоторыя законо-

---

ст. 58, Ганноверскій, ст. 111, Гессенскій ст. 95, Нассусскій ст .91, п. 2 Тюрингенскій ст. 46 и Общегерманскій, ст. 245.

*) Напр. кодексы Французскій, ст. 56, Прусскій, ст. 58, Вюртембергскій ст. 124 и Баденскій ст. 184 п. 1. Самый правильный взглядъ на значеніе для понятія рецидива исполненія наказанія съ точки зрѣнія уголовной политики разумѣется тотъ, который требуетъ для наличности рецидива отбытіе наказанія въ цѣлости его; этотъ взглядъ основывается на той совершенно вѣрной мысли, что всякое наказаніе назначается судомъ въ мѣрѣ, необходимой для достиженія цѣли правосудія. Пока не истекъ полный срокъ наказанія, до тѣхъ поръ нельзя рѣшить насколько воля преступника оказала сопротивленіе уголовной репрессіи. Видѣть рецидивъ въ повтореніи преступленія до начала наказанія не логично, такъ какъ рецидивистъ въ данномъ случаѣ еще не испыталъ дѣйствія наказанія и тѣмъ самымъ, совершая новое преступленіе, не выразилъ закоснѣлости злой воли и неисправности, на чемъ главнымъ образомъ и основывается все ученіе большей наказуемости повторенія преступленій.

дательства, преимущественно германскіе кодексы, устанавливаютъ давность для рецидива, т. е. устанавливаютъ срокъ, по истеченіи котораго всякое повторенное преступленіе не считается рецидивомъ; Французскій и Итальянскій кодексы, а также и уложеніе о наказаніяхъ у насъ не знаютъ давностнаго срока въ рецидивѣ, вслѣдствіи чего во Франціи, Италіи и Россіи всегда число рецидивистовъ будетъ больше нежели въ другихъ государствахъ, гдѣ давность относительно рецидива существуетъ. *)

г) Наконецъ—нѣкоторые уголовные кодексы **) видятъ рецидивъ въ тѣхъ случаяхъ, когда наказанный за извѣстное преступленіе за границей, совершитъ новое преступленіе въ своемъ отечествѣ; между тѣмъ какъ другіе кодексы (напр. Прусскій ст. 60 и Общегерманскій ст. 244, а также и наше уложеніе о наказаніяхъ) не придаютъ никакого значенія иностраннымъ приговорамъ при опредѣленіи рецидива.

Понятно, что взглядъ первой группы уголовныхъ кодексовъ значительно расширяетъ понятіе рецидива сравнительно со второю группою.

В) Кромѣ указаннаго разнообразія во взглядахъ и опредѣленіяхъ различныхъ законодательствъ по вопросу о реци-

---

*) Для тюрьмы вопросъ о давности въ рецидивѣ имѣетъ существенное значеніе. Токвиль совершенно справедливо замѣчаетъ (Système pénitentiaire etc. p. 344) il est certain qu'en général les récidives ont lieu peu de temps après la sortie de prison. Si le condamné libéré triomphe des premières tentations, qui se presentent..... on peut croire qu'il ne succombera plus." Во многихъ другихъ изслѣдованіяхъ и тюремно-статистическихъ отчетахъ можно найти подтвержденіе этой мысли.

**) Напр. кодексы Вюртембергскій, ст. 124, Баденскій, ст. 184, п. 1 Гессенскій, ст. 95, Нассаускій, ст. 91 но изъ перечисленныхъ кодексовъ кодексы Гессенскій и Нассаускій принимаютъ во вниманіе при опредѣленіи рецидива лишь приговоры государствъ входящихъ въ составъ Германскаго Союза, а Вюртембергъ ограничиваетъ значеніе иностранныхъ приговоровъ только по отношенію къ разбою, воровству и обману. Это разнообразіе законодательныхъ взглядовъ также не можетъ остаться безъ вліянія на колебаніе въ числѣ рецидивистовъ.

дивѣ, сравненію цифръ рецидивистовъ препятствуетъ еще то обстоятельство, что при вычисленіи отношенія числа рецидивистовъ къ общему числу заключенныхъ употребляются различные пріемы вычисленія. Въ тюремной литературѣ и въ офиціальныхъ отчетахъ до сихъ поръ практиковались слѣдующіе четыре метода: а) первый заключается въ томъ, что процентное, положимъ, отношеніе опредѣляется между числомъ *осужденныхъ* за рецидивъ и общимъ числомъ *приговоренныхъ* къ наказанію, такъ напр. въ 1870 году къ каторжнымъ работамъ въ Швеціи приговорено 2.653 человѣка, изъ нихъ 1.029 за рецидивъ, что составитъ 38,8%; *) б) второй пріемъ вычисленія состоитъ въ томъ, что опредѣляется отношеніе между числомъ *содержащихся* въ тюрьмѣ рецидивистовъ и *общимъ числомъ тюремнаго населенія* за извѣстный періодъ времени, такъ напр. въ 1830 году въ центральныхъ тюрьмахъ Франціи находилось 16.000 заключенныхъ, изъ коихъ 4000 было рецидивистовъ, т. е. 1 рецидивистъ на 4 заключенныхъ или 25%; **) с) третій пріемъ исчисленія заключается въ опредѣленіи отношенія между числомъ рецидивистовъ, *отбывшихъ наказаніе* въ извѣстной тюрьмѣ, и общимъ *числомъ поступившихъ* въ эту тюрьму заключенныхъ за извѣстный періодъ времени, такъ напр. въ Филадѣльфейской тюрьмѣ съ 1829 года по 1841 поступило 1.480 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было 140 человѣкъ рецидивистовъ, отбывшихъ первое наказаніе въ Филадельфійской тюрьмѣ, т. е. 9,4%. ***) и наконецъ, д) четвертый пріемъ состоитъ въ слѣдующемъ: берется отношеніе между числомъ

---

*) *D'Olivecrona*, ibid., p. 9. *Mittermaier* (1860), ibid., S. 11, 17 и *Ducpetiaux*, ibid. т. III p. 296—298, *Berenger* ibid. t. II. p. 179. Отчеты: Прусскихъ тюрьмъ (Blatter fur G-de, 8 Bnd. 4 H. 1873, S. 237) Вюртембергскихъ (Bl. fur G-de, 5 Bd. 4 H. 1871, S. 127), Астрійскихъ (Bl. fur G-de, 9 Bd. 3 H., 1874, S. 255), Bonneville, Traité de diverses institutions complementaires du régime pénitentiaire, Paris, 1847, p. 297—299. Valentini, ibid., S. 68 и т. д.

**) См. *Toqueville*, ibid. 343; *Ducpetiaux*, ibid., 304—308. *Charles Lucas.* Du système pénitentiaire etc., t. II, p.p. 40,

***) *Varentrapp*, ibid. 33.

рецидивистовъ,—и числомъ заключенныхъ получившихъ свободу за то же самое время, напр. за 8 лѣтъ (съ 1860 г. по 1868) въ Выборгской (Viborg—въ Даніи) тюрьмѣ выпущено было 375 человѣкъ, изъ нихъ впали въ рецидивъ 114, т. е. 19,63%; въ Горсенской (Horsens) выпущено 388 человѣкъ, изъ нихъ впало въ рецидивъ 81, что составитъ 20,88%. *)

Изъ всѣхъ перечисленныхъ методовъ наиболѣе правильный послѣдній; если нельзя сказать, что всякое число, вычисленное по этому способу выражаетъ дѣйствительное число рецидивистовъ за извѣстный періодъ, то во всякомъ случаѣ наибольшая достовѣрность на сторонѣ этаго метода. Что касается перваго способа исчисленія числа рецидивистовъ, пользующагося наибольшею популярностью въ тюрьмовѣдѣніи, то всякое цифровое отношеніе полученное при помощи его, вполнѣ безполезно и непригодно для оцѣнки дѣятельности *извѣстной* тюрьмы; всякое подобное отношеніе можетъ въ общей сложности показать вообще состояніе и дѣйствительность уголовной репрессіи въ государствѣ за данный періодъ времени, но отнюдь не можетъ служить масштабомъ дѣятельности извѣстной тюрьмы. Возьмемъ слѣдующій случай: на 1000 человѣкъ поступившихъ въ теченіи года въ извѣстную тюрьму, приходится, положимъ 300 человѣкъ рецидивистовъ, получимъ 30%. Если бы всѣ эти рецидивисты отбыли свое первое наказаніе въ этой же тюрьмѣ, то мы готовы были бы признать *извѣстную* достовѣрность за этимъ числомъ, но вѣдь среди этихъ 300 человѣкъ большая половина, если не всѣ, отбыли свое наказаніе за первое преступленіе въ другихъ тюрьмахъ; какимъ же образомъ цыфра 30, выражающая собою въ данномъ

---

*) *Bruun.* Ueber die Vollziehung der Strafarbeit, 1870, S. 518, 390; *Berenger*, ibid. p. 176, *d'Olivecrona*, ibid. p. 8, *Mittermaier* (1860) ibid. S. 15, 26, 104, 107, 174; *Ducpetiaux*, ibid. p. 299—303; *Toqueville*, ibid. p. 344. *Ducpetiaux*, Notice statistique sur la maison pénitentiaire des jeunes déliquants á S. Hubert, Bruxelles, 1852, p. 38. *M. Bonneville*, ibid., p. 211; *Herpin*, ibid. p. p. 31, 45, 78, и т. д.

случаѣ процентное отношеніе числа рецидивистовъ можетъ служить доказательствомъ достоинства или недостатка тюрьмы?

Второй пріемъ, опредѣляя процентное отношеніе между числомъ рецидивистовъ и общимъ числомъ заключенныхъ въ теченіи извѣстнаго періода, грѣшитъ противъ того общепризнаннаго правила статистики, въ силу котораго среднія числа предпочитаются общимъ, валовымъ цифрамъ. По третьему пріему рецидивисты, поступающіе въ тюрьму, такъ сказать сортируются; тюрьма разбираетъ *своихъ* рецидивистъ отъ *чужихъ* и затѣмъ опредѣляется отношеніе между числомъ своихъ рецидивистовъ (т. е. рецидивистовъ отбывшихъ первое наказаніе въ той же тюрьмѣ) и общимъ числомъ поступившихъ. Какое значеніе могутъ имѣть данныя, полученныя при помощи этаго пріема исчисленія, трудно понять; число рецидивистовъ или можетъ показать общее дѣйствіе уголовной репрессіи въ государствѣ или показать дѣйствіе извѣстной тюрьмы, извѣстной тюремной системы. Разсматриваемый нами пріемъ не даетъ ни тѣхъ, ни другихъ чиселъ.

Послѣдній пріемъ исчисленія самый правильный, мы сказали; при извѣстныхъ условіяхъ онъ можетъ дать весьма цѣнный статистическій матеріалъ. *) Но при существующемъ въ настоящее время порядкѣ регистраціи чиселъ рецидивистовъ, трудно основывать то или другое заключеніе на данныхъ, вычисленныхъ по этому способу. **) Для того

---

*) Въ Даніи, при ея весьма небольшой территоріи и незначительномъ числѣ тюремъ, констатированіе чиселъ рецидива получило возможную правильность; со второй половины 60-хъ годовъ всѣ тюрьмы Даніи (числомъ 4) обмѣниваются ежемѣсячно свѣдѣніями о рецидивистахъ. Такимъ образомъ каждая тюрьма имѣетъ полныя и своевременныя свѣдѣнія о числѣ рецидивистовъ между выпущенными изъ нея заключенныхъ.—См. Bruun, ibid., S. 390.

**) Способъ констатированія числа рецидивистовъ повсюду не даетъ вѣрныхъ данныхъ; часто только въ тюрьмахъ узнаютъ, что лице, осужденное, какъ за первое преступленіе, уже совершило одно или два и больше преступленій, и было уже наказано. Такихъ фактовъ не мало въ исторіи тюрьмъ; см. напр. Berenger, ibid., p. 180.

чтобы эти данныя получили извѣстную достовѣрность, выражали дѣйствительное число рецидивистовъ той или другой тюрьмы необходимо, что бы свѣдѣнія о рецидивистахъ были возможно полны, что бы о жизни и поведеніи выпущеннаго на свободу заключеннаго въ теченіи опредѣленнаго времени имѣлись всѣ необходимыя свѣдѣнія. Только при этихъ условіяхъ дѣятельность каждой тюрьмы въ отдѣльности получила бы сравнительную оцѣнку въ процентѣ рецидива, такъ какъ извѣстно было-бы сколько изъ общаго числа заключенныхъ, получившихъ свободу въ теченіе опредѣленнаго періода времени (положимъ 5 лѣтъ) умерло, сколько эмигрировало и сколько впало въ рецидивъ. Степень точности, правильности свѣдѣній относительно жизни заключенныхъ по выходѣ изъ тюрьмы опредѣляется организаціею и дѣятельностью полицейскаго надзора и порядкомъ регистраціи данныхъ о рецидивистахъ.

Въ виду громадной важности для общеуголовной политики правильной регистраціи данныхъ о рецидивистахъ особенное значеніе получаетъ та или другая система «справокъ о судимости» принятая въ различныхъ государствахъ. Во Франціи циркуляромъ 6 ноября 1850 года, по идеи Bonneville организованы были, такъ называемые «chaires judiciaires» *); въ настоящее время французская система справокъ слѣдующая: **) въ канцеляріи каждаго суда составляется алфавитный списокъ лицъ, родившихся въ томъ же округѣ и осужденныхъ приговорами судовъ: уголовнаго, исправительнаго, военнаго и морскаго. „Свѣдѣнія объ осужденныхъ иностранцахъ и о лицахъ, мѣсторожденіе которыхъ не извѣстно, сосредоточиваются въ центральномъ бюро при министерствѣ юстиціи. Извлеченія изъ этихъ списковъ при-

*) Berenger, ibid. 180—181.

**) Вопросъ о существующихъ системахъ справокъ о судимости былъ предметомъ реферата г. Утина и занятій V отдѣла С.-Петербургскаго международнаго статистическаго-Конгресса. См. Восьмая сессія международнаго статистическаго конгресса въ С.-Петербургѣ. Доклады и постановленія. С.Пб. 1873, стр. 105—106.

соединяютъ ко всякому уголовному производству, такъ что при обсужденіи степени наказанія судья имѣетъ все прошлое передъ собою. Съ другой стороны центральная администрація министерства юстиціи получаетъ въ такихъ извлеченіяхъ надлежащія свѣдѣнія о рецидивистахъ. Русская система справокъ о судимости, введенная въ 1871 году, состоитъ въ сосредоточеніи въ министерствѣ юстиціи свѣдѣній о прежній судимости подсудимыхъ въ криминальномъ отношеніи и въ изданіи алфавитныхъ списковъ, періодически передаваемыхъ въ уголовные суды. Въ концѣ каждаго года составляется алфавитный списокъ, содержащій въ себѣ имена и фамиліи всѣхъ лицъ, судившихся въ теченіи года, и дающій возможность, посредствомъ № ссылки, отыскать въ прежде составленныхъ спискахъ необходимыя свѣдѣнія о рецидивистѣ".

Принятіе той или другой системы справокъ о судимости опредѣляется съ одной стороны территоріальными условіями, съ другой судебной и административной организаціею всякаго государства; въ виду этаго, послѣдній международный статистическій конгрессъ совершенно основательно уклонился отъ рѣшительнаго приговора о сравнительномъ достоинствѣ той или другой системы.

Сравненіе цифръ, полученныхъ различными способами вычисленія, конечно, безполезно, хотя въ тюремной литературѣ нерѣдко можно встрѣтить сравненіе таблицъ рецидивистовъ, при чемъ читатель не находитъ объясненія, какимъ путемъ полученъ тотъ или другой процентъ рецидива. Однообразіе пріемовъ вычисленія нарушается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ однихъ тюрьмахъ въ числѣ рецидивистовъ считаютъ только тѣхъ, которые отбыли первое наказаніе въ этихъ же тюрьмахъ (напр. въ Моабитской тюрьмѣ *), въ американскихъ тюрьмахъ **) и т. д.—въ другихъ своихъ рецидивистовъ не отдѣляютъ отъ чужихъ; далѣе

*) *H. Ortlcff.* Das Zellengefängniss zu Moabit in Berlin. Gohta 1861, 8. 155.

**) Toqueville, ibid. p. 354.

одни тюрьмы ведутъ счетъ всѣмъ рецидивистамъ вообще, другія—вносятъ въ таблицы рецидивистовъ только заключенныхъ, осужденныхъ за повтореніе кражи или вообще имущественнаго преступленія (напр. Брухсальская тюрьма).

С. Топографическое положеніе той мѣстности, гдѣ находятся тюрьмы, оказываетъ весьма существенное вліяніе на число рецидива; близость границы, легкость перехода изъ одной территоріи въ другую, отсутствіе или дурная организація паспортной системы и т. д. составляютъ условія увеличивающія или уменьшающія число рецидива; сравненіе напр. процента рецидива въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи или штатовъ Сѣверной Америки *) съ таковымъ въ государствѣ, находящемся въ иныхъ территоріальныхъ условіяхъ едва-ли дастъ правильный научный выводъ.

V. Заключенный, вышедшій изъ тюрьмы, не рѣдко встрѣчаетъ въ обществѣ недовѣріе, почти враждебное отношеніе; при всей искренности желанія честно заработать кусокъ хлѣба, онъ нигдѣ не можетъ найти работу, онъ ослабѣваетъ въ этой неравной борьбѣ съ гнетущими его обстоятельствами, озлобляется противъ общества, не желающаго принять въ среду свою его, твердо рѣшившаго начать новую жизнь по новому пути; правительство преслѣдуетъ его постоянно полицейскою опекою, и этимъ полицейскій надзоръ клеймитъ его вездѣ, гдѣбы онъ не показался, гдѣ бы не поселился. Всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства даютъ въ итогѣ—рецидивъ. Мы не говоримъ, что-бы указанное объясненіе можно было примѣнить ко всякому случаю повторенія преступленія, но что

*) Въ Соединенныхъ Штатахъ переходъ изъ штата въ штатъ совершается вполнѣ свободно, а потому понятно, что всякій выпущенный изъ тюрьмы старается уйти въ другой штатъ (См. *Toqueville*, ibid. p. p. 165, 198). По поводу сравненія между процентомъ рецидива между Францію и Женевою—*M. Taillandier* совершенно справедливо указываетъ на топографическое положеніе Женевы между Франціею, Италіею и Швейцаріею. См. *Ducpetiaux*, De la reforme pénitentiaire etc. 1838, t. II, p. 47—49.

такихъ случаевъ очень много, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Это фактъ, отмѣченный многими практическими и летературными дѣятелями по тюремному вопросу. Въ виду этого, существованіе попечительныхъ тюремныхъ обществъ, которыя на первое время позаботились бы поддерживать несчастнаго узника пріисканіемъ работъ, правильная организація полицейскаго надзора, который бы отправлялъ свою функцію осторожно, безъ огласки и институтъ возстановленія правъ (такъ назыв. rehabilitation) —вотъ три учрежденія, которыя въ значительной степени обусловливаютъ то или другое число рецидивистовъ. При сравненіи таблицъ рецидивистовъ нельзя забывать—существуетъ ли или нѣтъ попечительное тюремное общество, хорошо-ли организованъ полицейскій надзоръ и существуетъ-ли возстановленіе правъ?

Этимъ мы заканчиваемъ изложеніе исключительныхъ обстоятельствъ, вліяющихъ на тотъ или другой процентъ рецидива. Всѣ эти обстоятельства, помимо непосредственнаго вліянія тюрьмы, понижаютъ или повышаютъ число рецидивистовъ, и только при равенствѣ условій наблюденія мы можемъ воспользоваться сравненіемъ таблицъ рецидива, не рискуя построить зданіе на никуда негодномъ фундаментѣ. *) Сравненіе же этихъ таблицъ въ настоящее время немыслимо; съ одной стороны полное разнообразіе законодательныхъ взглядовъ и опредѣленій, съ другой — отсутствіе при констатированіи числа рецидивистовъ однообразныхъ пріемовъ исчисленія лишаютъ изслѣдователя всякой научной почвы. **) Изложенными обстоятельствами объясняется то

*) Въ одномъ только случаѣ таблицы рецидивистовъ могутъ имѣть *приблизительную* достовѣрность: когда сравниваются таблицы рецидивистовъ за разное время въ одной и той же тюрьмѣ, такимъ образомъ здѣсь цифры рецидивистовъ могутъ показать дѣйствіе тюрьмы за разное время ея дѣятельности.

**) Valentini (ibid. s. 66) замѣчаетъ „die bisherige Statistik der Rückfälle nicht geeignet ist, einen zufriedenstellenden Standpunkt zur Beurtheilung des Effectes der Strafrechtspflege darzubieten, eben weil sie nicht das Wesen der Sache, sondern nur äusserliche Zufälligkeiten bezeichnet".

явленіе, что въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ по тюремному вопросу очень рѣдко попадаются сравнительныя таблицы рецидивистовъ; скептицизмъ къ цыфрамъ рецидивистовъ, указываетъ на то, что тюремная литература приняла новое, болѣе правильное направленіе, выразившееся въ болѣе строгомъ и осторожномъ выборѣ сыраго матеріала, а также на то, что нашему времени слѣдуетъ позаботиться о томъ, что бы сдѣлать въ высшей степени важныя таблицы рецидивистовъ годными для болѣе или менѣе точныхъ выводовъ въ области тюрьмовѣдѣнія. Достичь послѣдняго можно лишь путемъ международнаго соглашенія; только этимъ путемъ можно уничтожить всѣ тѣ рѣзкія черты законодательныхъ опредѣленій о рецидивѣ, которыя дѣлаютъ сравненіе таблицъ рецидивистовъ невозможнымъ, а также установить одинъ общій пріемъ вычисленія или принять одновременно два или три способа, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые отчеты.

III. *Составъ тюремнаго населенія.* Опредѣленіе взаимнаго отношенія различныхъ частей тюремнаго населенія по полу, возрасту, классу, занятію, роду преступленія и т. д.— можетъ въ значительной степени содѣйствовать правильной постановкѣ тюремнаго вопроса. Чѣмъ больше познакомится тюрьма съ характеромъ ея населенія, чѣмъ больше она выяснитъ себѣ причины приведшія въ стѣны ея цѣлыя группы заключенныхъ и отдѣльныхъ субъектовъ, тѣмъ вѣрнѣе будутъ ея средства для борьбы съ преступностью въ лицѣ тюремнаго населенія, тѣмъ ближе, слѣд. она будетъ къ выполненію своей уголовно-политической задачи. Мысль о необходимости изученія уголовной статистики для правильной постановки тюремнаго вопроса, все больше и больше получаетъ право гражданства въ тюрьмовѣдѣніи. Многіе изслѣдователи (D-r Jullius, Toqueville, Grellet-Wammu, Lepeletier, Bonneville, Mary Karpenter, Mittermaier, Valentini, Berenger, Herpin и др.) стараются установить извѣстную связь между выводами уголовной статистики и мѣрами тюремной дѣятельности; одни изъ этихъ изслѣдователей высказываютъ эту мысль категорически, другіе, предпосылая из-

ложенію мѣръ тюремной дѣятельности уголовно-статистическое изслѣдованіе, косвенно поддерживаютъ и проводятъ ту же мысль. Наиболѣе отчетливую постановку тюремнаго вопроса на уголовно-политическую почву мы нашли въ прекрасномъ соч. *Valentini* «Das Verbrecherthum in Preussischen Staate» *).

IV. *Санитарное состояніе тюрьмы.* Статистическія таблицы заболѣвающихъ и умершихъ въ тюрьмахъ служатъ обыкновенно маштабомъ для опредѣленія вліянія тюрьмы на жизнь и здоровье заключенныхъ.

Со времени возникновенія тюремнаго вопроса громадная цифра смертности между заключенными въ тюрьмахъ постоянно обращала на себя вниманіе изслѣдователей; дѣйствительно, смертность въ тюрьмахъ очень велика, она значительно превышаетъ смертность между чернорабочими, рудокопами, солдатами и т. д. **) Изслѣдованію вопроса о вліяніи тюрьмы на жизнь и здоровье заключенныхъ посвященъ цѣлый рядъ спеціальныхъ монографій и статей; кромѣ того въ рѣдкомъ сочиненіи по тюремному вопросу не затронутъ этотъ вопросъ. Такимъ образомъ собранъ обильный матеріалъ; сдѣланы были попытки опредѣлить санитарное вліяніе тюрьмы на ея

---

*) Авторъ названнаго сочиненія не принадлежитъ къ числу сторонниковъ одной какой либо системы размѣщенія заключенныхъ для всѣхъ арестантовъ по той простой причинѣ, что никакая система заключенія, какъ бы ни была правильна она, не можетъ быть универсальнымъ элекспромъ; авторъ старается дать психологическій анализъ каждой группѣ преступниковъ. Этотъ анализъ открываетъ въ каждой группѣ, наиболѣе рѣзкія, выдающіяся черты; согласно этому анализу для однихъ авторъ считаетъ возможнымъ примѣнять систему общаго заключенія (напр. для дѣтоубійцъ, поджигателей, убійцъ, у которыхъ убійство является цѣлью и т. д.) для другихъ—одиночное заключеніе въ смягченной формѣ (напр. для убійцъ, у которыхъ убійство является средствомъ для достиженія извѣстной цѣли), для третьихъ, наконецъ, абсолютное изолированіе (напр. для клятвопреступниковъ по профессіи, которые составляютъ по мнѣнію автора „der Schreken einer Strafanstalt)“ *Valentini*, Das Verbrecherthum im Preussischen Staate etc. Leipzig 1869, Cap. 6, § 13, S. 110—137.

**) По изслѣдованіямъ *Шассина* (Chassinat) въ одномъ и томъ же возрастѣ, за тотъ же періодъ времени въ центральныхъ тюрьмахъ Франціи

населеніе по полу, возрасту, сроку и продолжительности наказанія и т. д., опредѣлить сравнительное вліяніе въ санитарномъ отношеніи различныхъ системъ размѣщенія заключенныхъ, числа и рода дисциплинарныхъ наказаній, пищи арестантской и т. д. Но не смотря на все обиліе матеріала, не смотря на то, что вопросу о санитарномъ вліяніи тюрьмы посвящены труды такихъ изслѣдователей, какъ Villermé, Chassinat'a, Marc d'Espine'a, Varrentrapp'a, Wappaeus'a, Engel'я, Marcard'a, Baer'a и др., санитарная тюремная статистика далека еще отъ той степени совершенства, которая давала бы право дѣлать какія либо рѣшительные, научные выводы на основаніи данныхъ ея. Относи-

---

умираетъ 5%, въ каторжныхъ—3, 8%, а въ свободномъ населеніи 1%. По изслѣдованію *Энгеля*, среди горныхъ рабочихъ смертность въ три раза меньше, нежели между заключенными (1,3% и 3,15%); по изслѣдованію *Бэра* въ прусской арміи смертность 0,98% (или 9,8 pro mille), а въ прусскихъ тюрьмахъ 3,16% (31, 6 pro mille). Въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ процентъ смертности достигалъ до 12, 20 (въ Raisheim'ѣ 1839—47 г. г.) 13, 15%, 15,38% (въ тюрьмѣ „Limoges" въ 1853 и 1855 годахъ) и 15,68 (въ Мюнхенѣ въ 1832—41 гг.). Обыкновенная средняя смертность, по Эстерлену, 2. 5—3%; въ худшихъ тюрьмахъ 4—6%. Интересныя цифры можно найти у *Toqueville* ibid. p. p. 136, 336, 341, 375, 400 и 408. *Ducpetiaux*, De la réforme pénitentiaire, 1838, t. I, p. p. 15, 153 и 185; t. II. p. p. 80, 96 и 122; t. III. p. p. 216 и 311. *Ducpetiaux*, Notice statistique etc. ibid. p. 32. *Pappenheim* Handbuch des Sanitäts-polizei. 1858, t. III S. 617—655; *Berenger*, ibid. t. I, p. p. 302, 331, 356, 364 и 405; t. II, p. p. 268—270. *Moreau-Christophe*, Resumé de la question pénitentiaire, p. p. 90—102. *Marcard*. Beitrage zur Gefängnisskunde, 1864, S. 31—60. *Herpin*, ibid. p. 197: *Mittermaier* (1858) ibid., S. 125; (1860) ibid., S. 97; *Varrentrapp*, ibid. p. p. 8—13. *Baer*, Die gefängnisse, strafanstalten und strafsysteme in hygienischer Beziehung. Berlin-1871. *Baer*. Statistik der Sterblichkeit unter den Gefangenen etc. Bl. fur G-de, 7 Bd. 3 H. 1873, S. 185—219. *Кетле*. Человѣкъ и развитіе его способностей или опытъ общественной физики, т. I, Спб. 1865 г., стр. 183—189. *Oesterlen*. Handbuch der Medicinischen Statistik. Tübingen 1874, s. 289—293. *Maurice Block*. Statistique de la France, comparée avec les divers pays de l'Europe, tome premier, Paris, 1874, p. 179; *Kolb*. Handbuch der vergleichenden Statistik etc. Leipzig 1875, s. 853—855. *Dr. Löser*. Kritische Beleichtung der über den Einfluss der Einzel haft auf die Gesundheit etc. Der Gerichtstaal. Bd. XXVII, 1875 и т. д.

тельно этой важной отрасли тюремной статистики одинъ изслѣдователь говоритъ: Die Sterblichkeitszahl wird auch aus leicht ersichtlichen Gründen nicht der richtige Masstab sein für die grössere oder geringere Güte der Verwaltnng einer Anstalt, wie man anzunehmen gewohnt ist. (Baer, ibid, s. 14), другой замѣчаетъ „Von allen am unsichersten sind die Zahlen über die Morbilitäts verhälttnisse". (Löser, Ibid, s. 438), наконецъ третій замѣчаетъ „die Berechnung der Sterblichkeit nichimmer nach derselben Methode und oft auf unrichtige Weise geschah". (Oesterlen, Ibid, s. 291).

Подробное изложеніе всѣхъ тѣхъ причинъ, которыя обусловливаютъ несовершенное состояніе санитарной тюремной статистики завело бы насъ далеко за предѣлы настоящей работы, а потому мы ограничимся только нѣкоторыми замѣчаніями.

Въ методахъ исчисленія числа умершихъ и заболѣвающихъ можно указать на двѣ слѣдующія капитальныя ошибки: первая—заключается въ томъ, что нерѣдко, какъ изслѣдователи, такъ и составители тюремныхъ отчетовъ, опредѣляютъ процентъ смертности къ общему числу тюремнаго населенія за извѣстный періодъ времени, вмѣсто того, чтобы при опредѣленіи этого процента брать среднее число тюремнаго населенія; продолжительность наказанія, а потому число и возрастъ заключенныхъ представляетъ нѣчто случайное, измѣняющее, высчитывать число смертныхъ случаевъ по отношенію къ общему числу тюремнаго населенія въ теченіи положимъ одного года—значитъ сокращать срокъ заключенія многихъ; понятное дѣло, что всякое процентное отношеніе, вычисленное по этому способу, будетъ ниже дѣйствительнаго (Вилерме, Эстерленъ и др.).

„Всего лучше опредѣлять ежегодное число смертныхъ случаевъ, говорятъ Виллерме и Кетле*), не относительно

---

*) *Кетле.* Опытъ общественной физики. С.-пб. 1865, стр. 189. Авторъ цитируетъ *Виллерме.* То же правило высказываютъ: Vappacus, Varrentrapp, Oesterlen, Kolb и др. См. *Varrentrapp*, Ibid, p. 61 — 62; *Oesterlen*, Ibid, § 291; *Kolb*, Ibid, p. 854—855.

общаго количества арестантовъ, но относительно средней величины ихъ ежегоднаго числа". Между тѣмъ въ тюремной литературѣ не всегда помнятъ и знаютъ это правило великихъ статистиковъ; такъ напр. Фислинъ (Fuesslin, Die Einzelhaft, Heidelberg, 1855), при опредѣленіи процента смертности беретъ общее число тюремнаго населенія. Въ отчетѣ италіанскаго правительства на послѣднемъ международномъ тюремномъ конгрессѣ приведены цифры смертности по обоимъ методамъ, показывающія наглядно разницу между числами, полученными по одному и по другому методу.

	При среднемъ числѣ тюремнаго населенія.		При общемъ числѣ тюремнаге населенія.
	муж.	жен.	
Арестныя дома. . . .	2,97%	1,77%	0,34%
Пенитенціарн. завед.	5,09%	3,41%	3,44%
Каторжныя тюрьмы.	2,77%		2,28%

Другая ошибка въ методѣ изслѣдованія процента смертности заключается въ сравненіи между числомъ смертныхъ случаевъ въ тюрьмѣ, и числомъ смертныхъ случаевъ въ свободномъ населеніи безъ всякаго отношенія къ различнымъ возрастамъ. Замѣчательно то, что въ означенную ошибку впадаютъ такіе почтенные изслѣдователи, какъ Моро-Кристофъ, Токвиль и Бомонъ, Маркардъ и Дюкпесьё *), Срав-

*) *La Rochefoucauld—Liancourt.* De la mortalité cellulaire. p. 73—74. Toqueville, Ibid 137—138; *Marcard*, Ibid, § 52. Ducpetiaux, Ibid, t. I, p. 187, t. II, p. 316; послѣдній изъ названныхъ авторовъ, сравнивая смертность въ тюрьмахъ съ смертностью въ свободномъ населеніи, беретъ цифру смертности въ свободномъ населеніи (1 ум. на 40 жит.) изъ соч. Кетле. Желая удостовѣриться беретъ ли авторъ общую цифру смертности въ свободномъ населеніи или только въ извѣстномъ возрастѣ, мы справились въ источникѣ, указанномъ авторомъ, при чемъ оказалось, что отношеніе 1 умер. на 40 жит. у Кетле выражаетъ об-

неніе смертности въ тюрьмахъ и въ свободномъ населеніи возможно лишь въ томъ случаѣ, когда, взятая для сравненія цифра смертности, относится къ извѣстному возрасту, соотвѣтствующему возрасту тюремнаго населенія.

Еще большую правильность можетъ получить сравненіе смертности въ свободномъ населеніи и въ тюрьмѣ, если для означенной цѣли берутся цифры изъ тѣхъ классовъ свободнаго населенія, которые по силѣ неблагопріятныхъ условій ихъ жизни болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ тюремному населенію; такъ, напр. Энгель сравниваетъ смертность между арестантами и рудокопами, Бэръ—дѣлаетъ подобное же сравненіе между арестантами прусскихъ тюрьмъ и солдатами прусской арміи и т. д. Сравненіе же числа смертныхъ случаевъ въ тюрьмахъ съ таковымъ въ свободномъ населеніи вообще, безотносительно къ тому или другому возрасту, никогда не можетъ дать даже приблизительно вѣрное понятіе о томъ, насколько велика смертность въ тюрьмахъ; это мнѣніе основывается на томъ, что наибольшая смертность наблюдается въ дѣтскомъ (до 5 лѣтъ) и старческомъ возрастахъ *), между тѣмъ какъ maximum въ тюремномъ населеніи составляютъ заключенные отъ 20 до 40 лѣтъ приблизительно. Такимъ образомъ сравненіе допускается между величинами совершенно разнородными.

То или другое число заболѣвающихъ, говоритъ Бэръ, зависитъ не только отъ всего, такъ сказать, внутренняго строя тюремной жизни, но также отъ большей или меньшей внимательности и пониманія тюремнаго врача, отъ степени искренности жалобъ арестантовъ на ту или другую болѣзнь и т. д. Затѣмъ, въ однѣхъ тюрьмахъ въ таблицы заболѣвающихъ вносятся только тяжелыя, такъ называемыя, лазаретныя болѣзни (eine-schwere Lazarethkranker), въ другихъ—всякое малѣйшее нездоровье; въ однѣхъ тюрьмахъ въ лазаретъ

щую смертность, безотносительно къ тому или другому возрасту. См. Кетле, Ibid., стр. 170; Франц. изданіе 1869 года „Physique sociale etc.“ t. I. 1869. p. 388.

*) *Oesterlen*, Ibid, § 116—119, 135—136, 140 etc.

принимаютъ только въ крайнихъ случаяхъ, часто „jeder Kranke zu erst mit Yesicator und Haarseil tractirt"—въ другихъ тюрьмахъ, напротивъ, принимаютъ въ лазаретъ съ предупредительною и боязливою заботливостью всякаго притворщика; въ однѣхъ тюрьмахъ, всякаго больнаго, для котораго опасность смерти миновала, выписываютъ изъ лазарета, въ другихъ тюрьмахъ ждутъ полнаго возстановленія силъ больнаго и т. д.

Относительно рубрикъ въ таблицахъ заболѣванія нѣтъ никакого соглашенія, между тѣмъ это обстоятельство лишаетъ возможности сравнивать статистическія санитарныя таблицы различныхъ тюрьмъ между собой. Какъ число заболѣвающихъ, такъ и число смертныхъ случаевъ опредѣляется цѣлымъ рядомъ весьма сложныхъ причинъ; при сравненіи двухъ или нѣсколькихъ тюрьмъ въ санитарномъ отношеніи слѣдуетъ принять во вниманіе назначеніе тюрьмы—предназначена ли она для подслѣдственныхъ или для осужденныхъ, для краткосрочныхъ арестантовъ или долгосрочныхъ и т. д., характеръ тюремнаго населенія—какой элементъ преобладаетъ въ тюремномъ населеніи: сельскій, земледѣльческій или городской, фабричный; плотность населенія, состояніе тюремныхъ помѣщеній, степень суровости наказанія, занятіе и пищу арестантовъ, родъ и учащенность дисциплинарныхъ наказаній, продолжительность заключенія и т. д. Независимо отъ изложенныхъ обстоятельствъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ необходимо принять во вниманіе прошлую жизнь индивидуума, состояніе здоровья его при поступленіи въ тюрьму, такъ какъ то или другое состояніе здоровья заключеннаго есть нерѣдко продуктъ вліянія всей предшествующей жизни; большинство преступниковъ поступаютъ въ тюрьму съ разстроеннымъ здоровьемъ, съ надорванными силами, что обусловливается лишеніями, невоздержанностью, разгуломъ и упорною борьбой съ неблагопріятными условіями жизни пролетарія.

Таковы въ общихъ чертахъ условія констатированія числа заболѣвающихъ и умершихъ въ тюрьмахъ. Принимая во вниманія эти условія, нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что

вліяніе тюрьмы въ санитарномъ отношеніи можетъ показать не столько тотъ или другой процентъ заболѣванія и смертности, сколько тщательное изслѣдованіе здоровья заключенныхъ въ началѣ и въ концѣ наказанія. «Ein klareres Bild würde sich über Einfluss der Haft auf die Gesundheit der Sträflinge ergeben, wenn der gesundheitliche Zustand jedes Gefangenen bei seiner Aufnahme und Entlassung verglichen würde» замѣчаетъ *Dr. Löser*. *).

Вопросъ о числѣ больныхъ и умершихъ въ тюрьмахъ наиболѣе интересовалъ тюрьмовѣдовъ въ эпоху горячаго спора о сравнительномъ достоинствѣ различныхъ системъ размѣщенія заключенныхъ; то или другое число больныхъ и умершихъ было обоюдуострымъ орудіемъ въ рукахъ сторонниковъ различныхъ системъ. На сколько эластичны цифры, констатирующія вліяніе тюрьмы въ санитарномъ отношеніи, доказываетъ между прочимъ тотъ фактъ, что обѣ спорящія стороны прибѣгаютъ къ цифрамъ и равно убѣдительно отстаиваютъ при помощи ихъ защищаемую систему; такимъ образомъ безпристрастный изслѣдователь едва ли рѣшитъ вопросъ—какая система наиболѣе вредна для здоровья тюремнаго населенія? **).

---

*) *Dr. Löser*, ibid., S. 265. Подобный пріемъ опредѣленія вліянія тюрьмы въ санитарномъ отношеніи принятъ въ Филадельфійской тюрьмѣ (1829—48 г.г.) а также въ датскихъ тюрьмахъ; всѣ заключенные дѣлятся на три класса: 1) первый классъ составляютъ заключенные, на которыхъ наказаніе никакого дѣйствія не оказало; 2) второй классъ составляютъ заключенные, на психическое и физическое состояніе которыхъ наказаніе оказало вредное вліяніе, и наконецъ 3) третій классъ составляютъ тѣ, которые поступили въ тюрьму съ надорваннымъ здоровьемъ. См. отчеты датскихъ тюрьмъ за 1863—68 и 1868—73 годъ въ соч. *Bruun'a* ibid. 544 etc. *Löser*, ibid., S. 267 etc. *Elvers*, ibid., Der Geristssaal 1876 Bd. XXVIII, H. 2, S. 125 etc.

**) Quand les partisans de chaque système réclament la superiorité de celui qu'ils défendent sur ses points de salubrité et de saineté d'esprit; lorsque chaque partie fait appel avec tant de confiance aux statistiques, la difference doit être bien insensible. L'esprit de partie a été si prononcé dans cette matière qu'il est difficile d'affirmer quel a été le resultat des experiences, faites dans les differentes prisons". *Howe*, ibid., p. 104, 105.

Вопросъ о числѣ помѣшательствъ въ той или другой тюрьмѣ представляется особенно спорнымъ вопросомъ, а потому отчасти благодаря полемической постановкѣ вопроса, отчасти вслѣдствіе другихъ причинъ, *) такая важная рубрика тюремной статистики, какъ число помѣшательствъ, наименѣе удовлетворительна. Подобно проценту смертности процентъ душевно-больныхъ въ тюрьмахъ очень великъ; онъ почти въ 56 разъ больше, нежели въ свободномъ населеніи. **).

Пониженіе жизненной энергіи въ дѣятельности человѣческаго организма, нервное разстройство, угнетенное настроеніе духа, вслѣдствіе впечатлѣнія прошлаго и настоящаго, раскаяніе, тоска по семьѣ, родинѣ—вотъ тѣ часто неизбѣжныя слѣдствія тюремнаго заключенія; но есть кромѣ того много исключительныхъ условій, усиливающихъ неблагопріятное вліяніе тюрьмы на процентъ душевно-больныхъ:

---

*) Въ числѣ этихъ причинъ главную роль играетъ недостатокъ номенклатуры въ статистикѣ душевно-больныхъ; психіатрія находится еще въ младенческомъ сстоояніи и знанія врачей неспеціалистовъ очень скудны. Потому невсегда различаютъ въ тюрьмахъ истинно больныхъ отъ притворщиковъ, трудно и серьезно больныхъ отъ страдающихъ легкимъ видомъ душевнаго разстройства. См. *Baer*, ibid., S. 214 *Löser* ibid., S. 296.

**) Вотъ нѣкоторыя цифры: въ 1839 году во Франц. тюрьмахъ на 18000 челов. заключенныхъ приходилось 359 душевно-больныхъ, т. е. 1 больной на 50 ч. здоровыхъ. Лелю (Lelut), изслѣдуя франц. тюрьмы въ санитарномъ отношеніи, пришелъ къ тому выводу, что между заключенными въ 4—6 разъ больше душевно-больныхъ нежели въ свободномъ населеніи. Въ тюрьмахъ Англіи и Валисса 6, 3 душевно-больныхъ на 1000 заключенныхъ; въ Пентонвильской и Мильбанкской—13 на 1000. Въ Брюссальской тюрьмѣ за 12 лѣтній періодъ 3% душевно-больныхъ; въ лазаретѣ—въ общ. зак. 3,408%, въ одиночномъ—10,588%; въ Гентѣ —4,55%, (1825—1836 г.г.) 6.49% (1826—41 г.) и т. д. Въ тюрьмахъ съ общимъ заключеніемъ можно принять, по мнѣнію д-ра Бэра, 2%, какъ среднее число душевно-больныхъ; между тѣмъ какъ въ свободномъ населеніи 1 на 500 человѣкъ (0,2%) (по Гризингеру), 1 на 710 (по Oesterlen'y), 1 на 847 (въ Берлинѣ), 1 на 239 (въ Гамбургѣ), 1 на 446 (въ Бременѣ) 1 на 305 (въ Люблекѣ) и т. д.

такъ черезчуръ строгіе порядки въ тюрьмѣ, безразличное обращеніе съ арестантами, не принимающее во вниманіе индивидуальныя особенности каждаго даннаго случая, слишкомъ сильное религіозное вліяніе, продолжительное заключеніе, дурныя гигіеническія условія и т. д.

Разсматриваемая нами рубрика тюремной статистики особенно важна и возбуждаетъ глубокій интересъ въ виду все болѣе и болѣе распространяющагося ученія о сродствѣ между преступленіемъ и помѣшательствомъ. *).

---

*) Сущность этого въ высшей степени интереснаго ученія въ слѣдующемъ: умопомѣшательство и преступленіе тождественны, разница между этими симптомами душевной болѣзни лишь въ степени проявленія: умопомѣшательство является въ хронической формѣ, преступленіе—въ острой (*Зайцевъ*, Естествознаніе и юстиція. Русское слово 1863 г., іюль, стр. 116 и слѣд.) Подобно физическимъ особенностямъ, психическія свойства людей переходятъ изъ рода въ родъ, а потому преступленіе наслѣдственно, говоритъ шотландскій докторъ *Томсонъ*: многіе факты указываютъ на то, что одни члены одного и того же семейства идутъ въ тюрьму, а другіе въ домъ умалишенныхъ. Въ классѣ преступниковъ по профессіи (professionellen Verbrechen) „die ab und zugehen im Gefängniss, die geboren sich im Verbrechen, davon leben und darin sterben", замѣчаются признаки физическаго и психическаго вырожденія. Всѣ эти преступники или большая часть ихъ имѣютъ нахальныя, угловатыя, тупыя и грубыя лица, непріятное, отталкивающее выраженіе глазъ, часто между ними встрѣчаются заики (Stottern) калѣки (Klumyfoss), глухіе (Taubheit), природные слѣпцы, разбитые параличемъ, страдающіе падучею (Ephilepsie), залотушные (Scrophulose) и т. д. (Beaer, ibid. 216). Англійскій врачъ Гюи (Gui). On insanity, and crime въ Journal of the statistical society of London, 1869, за іюль; нижеслѣдующія данныя взяты нами изъ литографированнаго курса „тюрьмовѣдѣнія", читаннаго доцентомъ *Фойницкимъ* въ С.-Петерб. Университетѣ въ 1873 году, дѣлаетъ попытку при помощи цифръ доказать однородность преступленія и умопомѣшательства. Уголовная статистика Англіи (1836—1865) показываетъ, что на 100.000 челов. совершившихъ преступленіе несомнѣнно помѣшанныхъ было 14.500 убійцъ, 2.175 — покусившихся на убійство, 950—поджигателей, 150—совершившихъ преступленіе противъ здоровья, 74—совершившихъ подлоги, 56—совершившихъ имущественное преступленіе съ насиліемъ, 59—безъ насилія и т. д. По свидѣтельству же д-ра Джона Баурнига, въ Шотландіи 1 изъ 9 преступниковъ болѣе или менѣе душевно разстроенъ, а 1 на 140 несомнѣнно

Правильное и строго-научное констатированіе числа душевно-больныхъ въ тюрьмахъ можетъ пролить свѣтъ на это ученіе, которому нельзя отказать въ будущемъ; во всякомъ случаѣ, психологическія и психіатрическія познанія нашего времени на столько еще несовершенны, что едвали возможно относительно этаго ученія сдѣлать какой-либо рѣшительный выводъ.

Изложенными замѣчаніями о тюремной статистикѣ мы закончимъ наши посильныя замѣтки о тюремной литературѣ; весьма возможная вещь, что въ нихъ много пробѣловъ, но да послужитъ автору извиненіемъ то обстоятельство, что вопросъ о тюремной литературѣ почти не затронутъ ни у насъ, ни на западѣ.

Изъ всего сказаннаго о тюремной статистикѣ можно сдѣлать заключеніе, что въ большинствѣ случаевъ данныя ея въ настоящее время могутъ имѣть весьма ограниченное значеніе въ тюрьмовѣдѣніи. Сравненіе этихъ данныхъ, кажется намъ, ограничено райономъ наблюденій; сравненіе статистическихъ таблицъ одной и той же тюрьмы за разные періоды времени, различныхъ тюрьмъ одного и того же города, одного и того же государства, различныхъ государствъ—имѣетъ различную степень точности, такъ какъ чѣмъ уже районъ наблюденій, тѣмъ болѣе схожи и однообразны условія извѣстнаго явленія, тѣмъ легче выдѣлить одну причину изъ многихъ и тѣмъ большую точность и правильность получаетъ сравненіе.

Въ обществѣ и литературѣ часто замѣтно крайнее скептическое отношеніе къ тюремному вопросу, къ тюрьмѣ и ея задачѣ; не рѣдко приходится слышать даже слова сожалѣнія къ тѣмъ лицамъ, которые тратятъ время на изученіе во-

---

помѣшанъ. По изслѣдованіямъ Гутша (Gutch) въ Бруксальской тюрьмѣ изъ совершившихъ преступленіе въ страстномъ порывѣ было 10,24 % помѣшанныхъ, а изъ привычныхъ преступниковъ—1,77 %. Этотъ выводъ нѣсколько противорѣчитъ выводу Томсона. См. Преступленіе и сумасшествіе. Пособіе къ діагностикѣ сомнительныхъ случаевъ душевныхъ болѣзней. *Зольбрихъ*. Спб. 1868 г.; *Таганцевъ*. Курсъ русскаго уголовнаго права. Кн. 1-я, вып. 1, Спб. 1874 г., стр. 47—48.

проса *неразрѣшимаго*. Въ литературѣ страны наиболѣе цивилизованной, но гдѣ тюрьмы сравнительно въ плохомъ состоянiи, отъ времени до времени заявляются энергичныя требованiя полнаго упраздненiя всѣхъ тюрьмъ; такъ напр. одинъ изъ публицистовъ Франціи, а именно: Эмиль Жирарденъ („Le droit penit“ Paris, 1871) требуетъ замѣны тюремъ смертною казнею, другой — Эдуартъ Деспре („De l'abolition de l'emprisonnement“ Paris, 1868 предлагаетъ устройство земледѣльческихъ колонiй съ семейною жизнью. *)

Причины этаго скептицизма отчасти объясняютъ слѣдующiя таблицы рецидивистовъ. Безсильныя тамъ, гдѣ идетъ дѣло о сравненiи результатовъ тюремной дѣятельности, эти таблицы могутъ констатировать съ достаточною наглядностью общее, прогрессивное увеличенiе процента рецидива въ различныхъ государствахъ.

Нижеслѣдующая таблица показываетъ процентъ рецидива въ Европѣ за послѣднее время:

Государства.	Процентъ рецедива.	
	м.	ж.
Бельгiя.	78	
Пруссiя.	60—70.	
Австрiя.	58,7	54.
Англiя.	30—55.	
Франція.	42,49.	
Голландiя.	25—36.	
Италiя.	30	17.
Швецiя.	28.	

*) Оба произведенiя написаны съ свойственнымъ французамъ остроумiемъ и увлекательностью; первый изъ упомянутыхъ авторовъ отличается послѣдовательностью и логикою: требуя полнаго упраздненiя тюремъ, Эмиль Жирарденъ предлагаетъ возобновить смертную казнь. Деспре менѣе послѣдователенъ; вооружаясь противъ тюрьмъ, (съ которыми онъ нужно замѣтить, очень мало знакомъ) отрицая исправительность ихъ и доказывая напротивъ вредъ, Деспре предлагаетъ устроить земледѣльческiя колонiи съ семьями, съ обязательными работами, шко-

Сообщая эти цифры на Лондонскомъ международномъ тюремномъ конгрессѣ нѣкоторые офиціальные делегаты сами не ручались за достовѣрность этихъ данныхъ. Въ прусскихъ тюрьмахъ за 1870 г. согласно отчету прусскаго правительства показано 60—70 % рецидива, между тѣмъ какъ по другому тоже офиціальному источнику рецидивистовъ было 74% *). Во Франціи въ процентѣ рецидива замѣчается постепенное увеличеніе въ 1867-69 годахъ онъ достигъ до 85, 30%. **) Въ тюрьмахъ Вюртембергскихъ за періодъ съ 1828 года по 1870 годъ въ процентѣ рецидива замѣчается слѣдующее колебаніе: въ 1826-38 было 36, 6%, въ 1838-54 г.г.—45, 5%, въ 1854-64 г.г.—48,1% ***), въ 1865—66 г.г.—45, 54%; въ 1866-67 г.г.—45, 48%; въ 1867-68 и 1868-69 годахъ процентъ рецидива въ Вюртембергскихъ тюрьмахъ нѣсколько упалъ, а именно: до 36, 44% и 34, 75%,а въ 1869-70 году снова поднялся до 37, 08%, ****) т. е. достигъ цифры

лами и т. д. Но, читая Деспре невольно является, вопросъ: что авторъ будетъ дѣлать съ преступниками въ колоніи, куда онъ будетъ дѣвать людей, которые будутъ совершать кражи, убійства и т. д. О смертной казни и рѣчи не можетъ быть; Деспре даже тѣлесныя наказанія совершенно изгоняетъ изъ колоніи. На заданный вопросъ мы только *отчасти* нашли отвѣтъ у Деспре (на стр. 184—185), гдѣ авторъ для совершившихъ проступки предлагаетъ одиночныя келліи (?!!) Такимъ образомъ, авторъ въ концѣ концовъ призналъ необходимость отрицаемой имъ тюрьмы!

*) Statistik der preussischen Straf-und Gefangen-Anstalten vom Iahre 1870. Bl. fur G-de, 1873, 8 Bd. s. 216 etc.

**) Statistik des prisons et établissements pénitentiaires, 1866, Tabl. XIV, p. LXXV; Statistik de prisons etc. 1869. Tabl. X, p. XXXV. Не имѣя въ настоящую минуту этаго рѣдкаго въ библіографическомъ отношеніи изданія, не рѣшаемся привести имѣющіяся у насъ выписанныя цифры безъ провѣрки. Тиссо (*I. Tissot.*) Introduction philosophique à l'etude du droit pénal et de la reforme pénitentiaire, Paris, 1874, p. 392 свидѣтельствуетъ, что процентъ рецидива во Франціи всего 33, 40—48%; а по Щуровскому (Тюрьмы во Франціи и покровительство освобожденнымъ арестантамъ, пер. съ французскаго, Юрид. Вѣст. за 1875 г., Кн. 4, 5 и 6, стр. 37—38.)—34% (въ 1864 году).

***) *Köstlin.* Das Württembergische Gesetz etc. Bd. für G—de, 1867, 2 Bl., s. 221, 223 и 227.

****) Отчеты Вюртембергскихъ тюрьмъ, помѣщенные въ Bl. fürG—de, 1871 г. 5 Bd., 4 H., s. 127; 5 H., s. 220.

немного большей, нежели въ 1826-38 годахъ. Такимъ образомъ, почти за полстолѣтія процентъ рецидива въ Вюртембергскихъ тюрьмахъ повысился только на одну единицу. Еще болѣе неутѣшительную картину представляетъ сравнительная статистика числа рецидива въ тюрьмахъ Бельгіи, въ чемъ можетъ служить доказательствомъ слѣдующаятаблица:

	Года.	Рицидивъ.
Бельгійскія тюрьмы. . .	1840—49	31%.
	1850—55	33%. *)
	1850—58 (?)	57%. **)
	1858	50%. ***)
	1860	70%. ****)
	1870	78%. †)

Разумѣется, въ такомъ быстромъ и прогрессивномъ увеличеніи числа рецидива не послѣднюю роль играетъ то обстоятельство, что чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ констатированіе числа рецидивистовъ получаетъ все большую и большую правильность; на увеличеніе рецидива могутъ имѣть вліяніе также тѣ или другія законодательныя преобразованія, наконецъ цѣлый рядъ случайныхъ обстоятельствъ. Тѣмъ не менѣе картина подобнаго увеличенія процента рецидива весьма неутѣшительна и можетъ вселить духъ скептицизма къ тюрьмамъ и тюремному вопросу.

Не слѣдуетъ-ли изъ приведенныхъ цифръ и изъ рѣдкихъ фактовъ исправленія въ тюрьмахъ, что тюрьмы слѣдуетъ уничтожить, что намъ слѣдуетъ сознаться въ безсиліи нашей цивилизаціи и повернуть назадъ, что намъ слѣдуетъ

*) *Mittermaier*, ibid. (соч. 1860 г.) s. 27—28.

**) *Ducpetiaux.* Du patronage des comdamnés libérés. 1858. Съ этимъ изслѣдованіемъ мы не знакомы; ссылка на него см. у Mittermaier'a ibid. s. 28—29.

***) *Tissot*, ibid. p. 482.

****) *Mittermaier*, Die gegenwärtige Stand etc. Bl. für G—de, 1867. 2 Bd. s. 326.

†) *Филипповъ*, ibid. стр. 69—71.

бросить изученіе и изслѣдованіе тюремнаго вопроса? Отнюдь нѣтъ; всякое общественное явленіе, а тѣмъ болѣе такое сложное, какъ тюремная реформа, переживаетъ время колебаній и ошибокъ, такъ же какъ и развитіе всякаго знанія идетъ не скачками, а постепенно проходя послѣдовательно, по ученію позитивистовъ, три ступени развитія человѣческихъ знаній. Тюрьмовѣдѣніе еще очень молодо; оно не пережило еще столѣтняго юбилея со времени появленія въ Европѣ перваго, спеціально относящагося къ тюрьмамъ, сочиненія безсмертнаго Говарда; смѣшно ожидать и требовать, чтобы тюрьмовѣдѣніе сразу стало въ разрядъ положительныхъ наукъ и чтобы тюремная дѣятельность, при всей необъятной сложности ея получила достаточную правильность и устойчивость. Примѣненіе къ тюрьмовѣдѣнію болѣе правильныхъ методовъ изслѣдованія, улучшеніе тюремной статистики внутри каждаго государства и установленіе международныхъ соглашеній для устраненія всѣхъ тѣхъ условій, которыя препятствуютъ пользованію данными статитики различныхъ государствъ—значительно подвинетъ впередъ дѣло тюремной реформы. Изъ предыдущаго изложенія видно, что починъ въ этомъ направленіи уже сдѣланъ.

Роль тюрьмовѣдѣнія въ общей массѣ человѣческихъ знаній подчиненная; то или другое состояніе ея зависитъ настолько же отъ только-что изложенныхъ условій, на сколько и отъ степени развитія и усовершенствованія наукъ антропологическихъ. Тюрьма имѣетъ дѣло съ внутреннимъ міромъ человѣка, съ нравственными болѣзнями и аномаліями, а потому знанія психологическія безусловно необходимы для успѣха тюрьмовѣдѣнія и тюремной реформы. Едва ли будетъ сказано много, если мы замѣтимъ, что сумма и качество человѣческихъ знаній въ сферѣ психологіи составляютъ базисъ, на которомъ покоится будущее тюремнаго вопроса.

Д. Тальбергъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МѢРЫ ПРИЗРѢНІЯ ПОРОЧНЫХЪ И БЕЗПРІЮТНЫХЪ ДѢТЕЙ.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО).

Тюремная реформа скоро готовится праздновать свой столѣтній юбилей; съ конца прошлаго столѣтія по настоящее время было сдѣлано много попытокъ къ возможному усовершенствованію тюрьмъ, затрачено немало энергіи, силъ, чтобы достичь исправленія преступниковъ въ тюрьмахъ. Но до сихъ поръ результатъ далеко не соотвѣтствуетъ затраченнымъ силамъ; тюрьмы по прежнему далеки отъ идеала исправительной тюрьмы, число рецидивистовъ не только не уменьшается, но напротивъ увеличеніе ихъ даетъ поразительныя цифры, а общая сумма преступленій постепенно увеличивается. Общее увеличеніе тюремныхъ вопросовъ въ началѣ настоящаго столѣтія значительно ослабѣло подъ вліяніемъ изложенныхъ обстоятельствъ и ряды скептиковъ стали быстро пополняться. Все чаще и чаще раздаются голоса, вовсе отрицающіе полезность и необходимость тюрьмъ; одинъ французскій публицистъ предлагаетъ замѣнить тюрьмы смертною казнею, другой — земледѣльческими колоніями. Но подобное скептическое отношеніе къ тюрьмѣ, ея задачѣ и дѣятельности слишкомъ односторонне, близоруко. Дѣйствительно фактъ увеличенія числа рецидивистовъ и преступленій внѣ сомнѣній, но кто можетъ съ полною научною несомнѣнностью утверждать, что причина означеннаго явленія безсиліе тюрьмы? Это явленіе слишкомъ сложно, что бы

его можно было объяснить дѣйствіемъ одной причины. Существуетъ цѣлый рядъ причинъ, парализирующихъ дѣйстіе исправительной тюрьмы. Подъ исправительной тюрьмой должно понимать такое учрежденіе, которое преслѣдуетъ цѣль исправленія преступниковъ, какъ мѣрами положительными, такъ и отрицательными. Такимъ образомъ тюрьмы подслѣдственныя и краткосрочныя не могутъ быть названы исправительными тюрьмами, такъ какъ дѣятельность ихъ чисто отрицательная, направленная къ тому, чтобы лица, содержащіяся въ тюрьмѣ не подвергались нравственному разложенію. Прежде чѣмъ попасть въ собственно исправительную тюрьму преступникъ зачастую проходитъ цѣлую школу, цѣлый рядъ учрежденій, отъ дѣятельности которыхъ зависитъ дѣятельность тюрьмы, дѣтство свое преступникъ часто проводитъ безъ призрѣнія въ вертепѣ разврата, въ подслѣдственной и краткосрочной тюрьмѣ онъ находитъ общество людей себѣ подобныхъ или болѣе развращенныхъ. Въ тюрьму онъ поступаетъ съ такими задатками, съ которыми трудно бороться ей, но вотъ онъ выходитъ изъ тюрьмы, выходитъ съ мыслью стать честнымъ человѣкомъ, начать новую трудовую жизнь; его берутъ подъ полицейскій надзоръ, который, при дурной организаціи, вездѣ и открыто преслѣдуетъ его. Онъ ищетъ работы, но не получаетъ ее, во первыхъ потому, что къ нему относятся съ недовѣріемъ, во вторыхъ потому, что въ данной мѣстности нѣтъ общества, которое бы взяло на себя трудъ поддержать несчастнаго, дать ему работу, помочь ему въ первую, тяжелую минуту его жизни, послѣ выхода изъ тюрьмы, изъ которой онъ вынесъ немало хорошихъ сѣмянъ, не нашедшихъ себѣ почвы на свободѣ. Можно ли винить послѣ этого одну только тюрьму? Не слѣдуетъ ли прежде всего обратить вниманіе на причины, дѣйствующія на преступниковъ до поступленія въ исправительную тюрьму и по выходѣ изъ тюрьмы на свободу? Тюрьма сама по себѣ, предоставленная собственнымъ ея силамъ не въ состояніи достигнуть ея цѣли; необходимо, чтобы учрежденія, находящіяся въ связи съ тюрьмою, дополняли ея дѣятельность, стояли бы на извѣстной

степени совершенства. Эти учрежденія — заведенія для порочныхъ и безпріютныхъ дѣтей, заведенія для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, тюрьмы подслѣдственныя, краткосрочныя, полицейскій надзоръ и общества попеченія о выпущенныхъ заключенныхъ. Цѣль настоящей статьи познакомить съ учрежденіями для порочныхъ и безпріютныхъ дѣтей; у насъ въ Россіи не знаютъ пока подобныхъ спеціальныхъ заведеній. Для ознакомленія съ организаціею этихъ учрежденій, на западѣ мы избрали соч. Robin'a (La question pénitentiaire, Paris). Монографія эта составлена исключительно на основаніи данныхъ послѣдняго международнаго тюремнаго конгресса и потому обилуетъ интересными фактами, но написана языкомъ тяжелымъ и очень неблагодарнымъ для перевода. Означенное свойство языка въ подлинникѣ можетъ послужить объясненіемъ шероховатости слога въ предлагаемомъ переводѣ.

Общественныя учрежденія съ чисто предупредительнымъ характеромъ могли бы служить дополненіемъ дѣйствующаго закона противъ преступниковъ. По уголовному закону исправительными признаются только учрежденія, имѣющія цѣлью наказать и исправить виновныхъ безъ различія возраста — будетъ ли это молодой преступникъ, сдѣлавшій первый еще шагъ на пути къ преступленію, или человѣкъ, который прошелъ весь путь, ведущій къ нему, и оставилъ за собой кровавые слѣды. Конечно, установить разницу между человѣкомъ, готовящимся къ этому опасному пути и преступникомъ, который уже вступилъ на него, весьма трудно. Черта, раздѣляющая области кажущейся добродѣтели и законной виновности, очень неопредѣленна, и различіе между исправительными заведеніями и учрежденіями, имѣющими предупредительную цѣль, должно установиться скорѣе съ точки зрѣнія административной, нежели съ нравственной.

Государство въ великомъ дѣлѣ общественнаго воспитанія собираетъ дѣтей, покинутыхъ тотчасъ послѣ ихъ рожденія и устраиваетъ пріюты и школы для подростающихъ въ семейной средѣ. Съ извѣстной точки зрѣнія подобныя мѣры могутъ быть названы предупредительными. Для малолѣтнихъ

съ дурными наклонностями и совершившихъ проступки или преступленія подъ вліяніемъ неудовлетворительнаго воспитанія, государство учреждаетъ pénitenciers или исправительныя воспитательные дома. Здѣсь уже начинаются мѣры репрессивныя.

Между начальной школою и исправительно-воспитательными домами необходимо посредствующее звено, какимъ можетъ быть учрежденіе, предназначенное для людей порочныхъ, но невиновныхъ еще въ преступленіяхъ.

1. Ремесленныя или рабочія школы. Учрежденіе этого рода существуютъ въ Америкѣ подъ названіемъ Refuges (пріютовъ); это—школы для дѣтей, предоставленныхъ самимъ себѣ, для бродягъ (Pruants-Schools). Въ Массачусетѣ существуетъ нѣсколько такихъ учрежденій, гдѣ содержатся цѣлыя сотни дѣтей. Подобныя же учрежденія находятся и въ другихъ городахъ.

Но наибольшаго совершенства достигли эти учрежденія въ Англіи. Здѣсь существуютъ три рода учрежденій, назначенныхъ или для искорененія порока въ дѣтяхъ или для предупрежденія его: исправительныя заведенія (Réformatories), ремесленныя школы (Industrials Schools) и пріюты (Homes).

Исправительныя заведенія предназначены для молодыхъ преступниковъ и соотвѣтствуютъ исправительнымъ домамъ во Франціи. Но два другихъ рода учрежденій, извѣстныхъ подъ названіемъ ремесленныхъ школъ и пріютовъ—нѣтъ во Франціи; по крайней мѣрѣ законъ не знаетъ ихъ. Эти заведенія служатъ для порочныхъ дѣтей, оставленныхъ родителями на произволъ, и для сиротъ. Вся разница между ремесленными школами и пріютами заключается въ томъ, что однѣ получаютъ содержаніе отъ государства, другіе же всецѣло поддерживаются частною благотворительностью. Первыя имѣютъ за собою государственную санкцію (certified), а послѣдніе лишены ея. Санкція государства выражается здѣсь въ томъ, что послѣ предварительнаго осмотра оно принимаетъ заведеніе подъ свое покровительство и выдаетъ въ томъ свидѣтельство. Такихъ предупредительныхъ школъ, получающихъ отъ государства денежное пособіе, было въ 1870

году 95, и въ нихъ содержалось не менѣе 7.200 воспитанниковъ обоего пола.

Каждый болѣе или менѣе значительный городъ имѣетъ свою школу. Но въ то же время подобныя же учрежденія, но негарантированныя правительствомъ, т. е. неполучающія отъ государства субсидіи, содержали 8,915 дѣтей. Такимъ образомъ, эти предупредительныя мѣры пріютили болѣе чѣмъ 16.000 дѣтей, взятыхъ съ улицы. Замѣтимъ, что здѣсь говорится только о школахъ съ предупредительнымъ характеромъ, составляющимъ посредствующее звено между обыкновенною школою и тюрьмою. Приведенныя выше цифры обнимаютъ собой 65 исправительныхъ школъ (Reformatoris, les Ecoles de Réforme). Число же всѣхъ заведеній, предназначенныхъ для призрѣнія и исправленія порочныхъ дѣтей и для дѣтей оставленныхъ на произволъ судьбы, простирается до 319, въ которыхъ къ 31 декабря *) содержалось 32.665 дѣтей.

Кто станетъ отрицать то вліяніе, которое должны оказать подобныя предупредительныя мѣры на преступленія? При такомъ стремленіи пресѣчь зло у самаго корня можно надѣяться, если не искоренить его, то по крайней мѣрѣ съ успѣхомъ бороться съ нимъ и помѣшать его развитію.

Законъ заботится объ устройствѣ пріютовъ, школъ ремесленныхъ и исправительныхъ, или, вѣрнѣе поощряетъ и побуждаетъ къ ихъ устройству. Онъ постановляетъ, что всякій встрѣтившій ребенка — нищаго, бродягу, сироту или живущаго обыкновенно среди воровъ, можетъ доставить его мѣстному начальству, а послѣднее, разобравши случай, можетъ отправить дитя, смотря по его возрасту, или въ ремесленную или исправительную школу.

Этотъ обращающійся къ частной иниціативѣ законъ вызвалъ достойное удивленія развитіе предупредительныхъ мѣръ, о которыхъ мы говорили. Замѣчательно то, что ни одно изъ перечисленныхъ учрежденій не было основано государствомъ,

*) 1871 года.

а всѣ они — плодъ частной иниціативы. Все дѣло администраціи въ организаціи подобныхъ учрежденій ограничивается тѣмъ, что она осматриваетъ основанныя уже заведенія и выдаетъ свидѣтельство тѣмъ изъ нихъ, которымъ оно намѣрено оказать денежное пособіе. Очевидно, правительство Англіи, предоставляя частнымъ лицамъ заботу объ устройствѣ этихъ полезныхъ учрежденій, оказываетъ существенную помощь имъ своими субсидіями.

Въ основѣ самаго дѣла лежатъ три принципа: 1) полная свобода въ управленіи этими учрежденіями предоставлена основателямъ ихъ; 2) признанная закономъ власть удерживать (retenir) въ нихъ дѣтей и 3) денежное пособіе со стороны государства съ правомъ контроля.

Относительно перваго принципа слѣдуетъ замѣтить, что во Франціи подобная же свобода предоставлена частнымъ колоніямъ ихъ внутреннимъ регламентомъ, — относительно втораго — что только судьѣ принадлежитъ подобно тому какъ въ отеческомъ наказаніи (dans la correction paternelle), право рѣшать вопросъ—можно ли лишить свободы ребенка; относительно третьяго принципа слѣдуетъ замѣтить, что помощь, оказываемая дѣтямъ порочнымъ и покинутымъ имѣетъ сходство съ тою денежною помощью, которую правительство во Франціи оказываетъ дѣтямъ уже провинившимся. Наконецъ, нужно замѣтить еще, что на тотъ случай, что подобныя узаконенія могли бы подрывать авторитетъ родителей или въ виду злоупотребленія, которое могли бы себѣ допускать послѣдніе, взваливая на государство заботу о воспитаніи и прокормленіи ихъ дѣтей, законъ постановляетъ съ одной стороны, что родители вправѣ требовать, что бы ихъ дѣти помѣщались въ заведеніяхъ, управляемыхъ принципами той религіи, которую они сами исповѣдуютъ, съ другой стороны, что родители, которые въ состояніи содержать своихъ дѣтей обязываются къ еженедѣльному взносу на содержаніе ихъ, смотря по состоянію.

Появленіе подобныхъ предупредительныхъ заведеній, имѣющихъ цѣлью призрѣніе покинутыхъ дѣтей, относится не ранѣе, какъ къ 1843 году, а теперь каждый сколько нибудь

значительный городъ въ Англіи имѣетъ свои ремесленныя школы и пріюты. Въ лондонѣ 84 ремесленныхъ исправительныхъ школъ и пріютовъ. Подобныя учрежденія встрѣчаются и въ деревняхъ; эти благотворительныя учрежденія, какъ огромная сѣть, покрываютъ всю страну. Нѣкоторыя изъ этихъ заведеній обязаны своимъ происхожденіемъ иниціативѣ одного или нѣсколькихъ лицъ, принявшихъ на себя отвѣтственность въ нихъ. Другія основаны значительными обществами и знатнѣйшія лица Англіи считаютъ за честь быть покровителями ихъ. Въ этой странѣ дѣло предупрежденія преступленій считается дѣломъ національнымъ. Общее содѣйствіе служитъ обезпеченіемъ ему. Одно общество, „Общество пріютовъ для покинутыхъ и лишенныхъ средствъ дѣтей и ремесленныхъ школъ“ („La Société des Refuges pour les enfants abandonnés et destitués de resources et des Ecoles Industrielles“) во главѣ котораго стоитъ лордъ Шефтсбери (Shaftesbur y), имя котораго связано со многими дѣлами христіянскаго человѣколюбія, заботится о 630 мальчикахъ и дѣвочкахъ, помѣщенныхъ въ этихъ пріютахъ и даетъ имъ образованіе.

Наконецъ образовалось Генеральное Общество съ цѣлью сдѣлаться сосредоточіемъ подобнаго рода учрежденій, оказывать пособіе предпріятіямъ, которыя не располагаютъ достаточными средствами, а также вызывать новыя предпріятія. Это общество извѣстно подъ именемъ „Союза исправительныхъ школъ и пріютовъ“ (Reformatory and Refuge Union)

Такова организація дѣла исправленія малолѣтнихъ въ Англіи. Одна отрасль этой дѣятельности имѣетъ своеобразный характеръ; это именно та, которая поручается такъ называемому „дѣтскому педелю“ *) (bedeau des énfants). Хотя приведенный выше законъ, относящійся къ ремесленнымъ школамъ, предоставляетъ всякому право призрѣнія покину-

*) Сознаемся, что предлагаемый нами переводъ „bedeau des enfants“ звучитъ очень странно; но на русскомъ языкѣ трудно подыскать соотвѣтствующія названія агента для розыска покинутыхъ дѣтей.

тыхъ дѣтей или бродягъ, однако никто не бралъ на себя этой иниціативы. Лишь отъ времени до времени являлись отдѣльныя личности, пытавшіяся спасти этихъ дѣтей отъ порока. Затѣмъ явилась мысль назначить агента со спеціальною цѣлью отыскивать такихъ дѣтей на улицахъ, отсюда его названіе „дѣтскій педель.“ Въ началѣ сомнѣвались въ успѣшности этой мѣры, но теперь польза ея признается повсемѣстно. Офиціальные отчеты, находящіеся у насъ подъ рукою, доказываютъ благодѣтельное дѣйствіе этого прекраснаго учрежденія. Болѣе, нежели 1000 дѣтей уже было спасено такимъ образомъ отъ искушеній, нераздѣльныхъ съ нищетою и была помѣщена въ ремесленныя школы.

Мысль о такомъ способѣ розыскивать покинутыхъ дѣтей перенесена въ Англію изъ Швеціи; только здѣсь этотъ способъ называется иначе.

Въ каждомъ округѣ Швеціи назначается агентъ, подъ именемъ увѣщателя (persuadant), на котораго возложена обязанность заботиться о дѣтяхъ, сиротахъ или о тѣхъ, родители которыхъ содержатся въ тюрьмѣ. Если ему удастся выполнить порученіе и уговорить дѣтей слѣдовать за нимъ, то ихъ помѣщаютъ въ спеціальныя школы. Такимъ образомъ изъ дѣтей, которыя могли бы быть бичемъ общества, дѣлаютъ полезныхъ людей.

Понятно, что такая полнота предупредит ельныхъ мѣръ дающихъ возможность успѣшно бороться съ вредными вліяніями угрожающими покинутымъ дѣтямъ, имѣли послѣдствіемъ уменьшеніе числа преступленій въ Англіи. Мы заключаемъ о результатахъ этихъ предупредительныхъ учрежденій не только изъ отчетовъ, но видѣли ихъ собственными глазами. Изъ множества пріютовъ, находящихся во всѣхъ графствахъ Англіи, мы осмотрѣли три, которые заслуживаютъ того, чтобы сдѣлать ихъ общеизвѣстными. Одно изъ нихъ помѣщается на кораблѣ Чичестеръ (Chichester), стоящемъ на Темзѣ. Дѣти здѣсь обучаются всему, что относится къ занятіямъ моряка. Они являются сюда или сами, призванныя афишами, которыя вывѣшиваются на стѣнахъ въ Лондонѣ, или же приводятся въ силу состоявшагося опре-

дѣленія судьи „дѣтскимъ педелемъ," или другими лицами, которыя почувствовали состраданіе къ этимъ маленькимъ бродягамъ или арабамъ „(Arabes)," какъ ихъ называютъ въ Лондонѣ. На Чичестерѣ мы нашли 200 дѣтей опрятно одѣтыхъ, съ веселымъ видомъ и чувствовали себя какъ дома; они дѣйствительно нашли себѣ семью на Чичестерѣ. Тутъ живетъ капитанъ съ женою и дѣтьми, и имѣетъ истинно-родительское попеченіе объ этихъ бѣдныхъ сиротахъ и покинутыхъ дѣтяхъ. По истеченіи года дѣтей обыкновенно опредѣляютъ въ королевскій флотъ. Мы присутствовали при различныхъ упражненіяхъ, полныхъ интереса для насъ; изъ маневровъ со снастями и парусами, изъ классныхъ уроковъ мы могли судить о рвеніи молодыхъ воспитанниковъ. Ихъ открытыя лица, выражающія довѣріе, согласовались съ чувствами посѣтителей.

Приведемъ случай, ясно обнаруживающій громадную важность подобныхъ предупредительныхъ учрежденій. Осматривали мы группы дѣтей; намъ представили ребенка, который хорошо говорилъ по французски. Онъ разсказалъ свою исторію до поступленія на корабль. Родомъ онъ изъ Брюсселя; не имѣя работы въ родномъ городѣ, прибылъ онъ въ Лондонъ съ тѣмъ, что бы найти въ немъ себѣ занятія. Его скудныя средства быстро истощились и затѣмъ онъ подвергся всѣмъ искушеніямъ нищеты. Онъ не зналъ, что ему дѣлать, когда неожиданно увидалъ на стѣнахъ Лондона афиши, указывающія адресъ пріюта. Принятый здѣсь, онъ высказалъ желаніе сдѣлаться морякомъ и его отвели на Чичестеръ. Онъ сдѣлался однимъ изъ лучшихъ учениковъ въ этой морской школѣ.

На Темзѣ нѣсколько миль ниже стояло другое судно Корнвалль (Cornwall). Это было также судно-школа, но назначенное уже не для дѣтей покинутыхъ или порочныхъ, а для дѣтей уже виновныхъ въ такихъ проступкахъ которые довели ихъ до тюрьмы. Мы посѣтили Корнвалль въ тотъ же день, какъ и Чичестеръ и могли замѣтить разницу въ физіогноміи дѣтей этихъ двухъ категорій. Воспитанники Корнвалля—молодые преступники, они провели нѣкоторое время въ

тюрьмѣ и на лицахъ своихъ носили отпечатокъ, который оставляетъ осужденіе и пребываніе въ тюрьмѣ. Это уже не были открытыя лица воспитанниковъ Чичестера, которые избѣжали подобнаго клейма. Разница между этими двумя группами объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Чичестеръ—ремесленная школа (Industrial skool, une école industrielle), а Корнвалль—исправительная (Reformatory, une école de réforme).

Третье заведеніе, обратившее на себя наше вниманіе среди многихъ другихъ подобныхъ учрежденій, имѣетъ спеціальный характеръ. Этотъ пріютъ, поддерживаемый добровольными пожертвованіями какъ и Чичестеръ, но не замкнутый, какъ послѣдній, въ узкія рамки судна. Онъ устроенъ за городомъ и образуетъ цѣлое селеніе, которое называется по имени своей сильной покровительницы герцогини „de Tech“ „Селеніе принцесы Маріи“ (Mary's village, Villages de la Princesse Marie). Отличительная черта этаго пріюта состоитъ въ томъ, что онъ населенъ почти исключительно дѣвочками изъ Лондона, родители которыхъ содержатся въ тюрьмѣ. Англійское законодательство, какъ мы увидимъ ниже, даетъ право задерживать подобныхъ дѣтей, чтобы дать имъ воспитаніе и предохранить отъ опасностей сопряженныхъ съ ихъ безпомощнымъ состояніемъ. Предоставленные самимъ себѣ дѣти эти сдѣлались бы жертвою порока; но предусмотрительная благотворительность, покровительствуемая закономъ, собираетъ ихъ, устраиваетъ для нихъ жилища, даетъ семейную обстановку, замѣняющую имъ ту, которой они лишились. Въ каждомъ котеджѣ или отдѣльной хижинѣ содержится десять дѣвочекъ подъ присмотромъ достойной женщины или пріемной женщины.

Внутренніе покои въ этихъ хижинахъ имѣютъ веселый видъ и представляютъ комфортъ англійскихъ столицъ *). Дѣ-

*) Трудно подыскать оправданіе подобнаго комфорта въ учрежденіи, имѣющемъ цѣлью сдѣлать изъ ребенка хорошаго, рабочаго человѣка. Едва-ли можно спорить противъ того, что далеко не цѣлесообразно

ти пользуются материнскимъ попеченіемъ и эта семья дѣйствительно служитъ замѣною ихъ родной семьи.

Новыя жилища выстраиваются по мѣрѣ увеличенія дѣтскаго населенія пріюта. Въ тотъ день, когда члены Лондонскаго международнаго тюремнаго конгресса (въ 1872 году) посѣтили это учрежденіе происходила закладка новой хижины; въ ней должно было помѣститься новое семейство, которое умѣло образоваться изъ излишка дѣтей въ другихъ хижинахъ. Селеніе, гдѣ помѣщается этотъ пріютъ, предназначено для 300 дѣтей.

Нельзя не тронуться до глубины сердца той мудрою предусмотрительностью, которая даетъ семейную среду дѣтямъ бѣдныхъ арестантовъ и защищаетъ ихъ такимъ образомъ отъ дурнаго примѣра родителей!

Во Франціи существуютъ учрежденія, подобныя англійскимъ Reformatory; это исправительно-воспитательные дома (maison d'éducation correctionnelle); но здѣсь нѣтъ ни учрежденій, соотвѣтствующимъ Industrial Skool, ни рабочихъ домовъ. Здѣсь, конечно, нѣтъ переходныхъ учрежденій между тюрьмою и школою; это—пробѣлъ, который слѣдовало бы восполнить.

Въ Парижѣ ежегодно арестуются около 35000 преступниковъ или бродягъ; въ этомъ числѣ и 11557 несовершеннолѣтнихъ обоего пола. Необходимо было бы принять предупредительныя мѣры относительно этихъ большею частію покинутыхъ дѣтей, какъ это дѣлается въ Лондонѣ, чтобы избавить ихъ отъ дурнаго поведенія, лѣни и вообще безпомощнаго состоянія.

Во Франціи существуетъ такъ называемое «отеческое исправленіе» (la correction paternelle), которое замѣняетъ лишенную своихъ правъ родительскую власть, но нѣтъ спе-

---

пріучать ребенка къ комфортабельной жизни, между тѣмъ какъ за порогомъ пріюта молодаго человѣка ждетъ куда какая не „комфортабельная“ жизнь англійскаго пролетарія!

Примѣч. перев.

ціальныхъ заведеній для дѣтей порочныхъ и брошенныхъ на произволъ судьбы.

Въ Метрэ существуетъ тюрьма, предназначенная для дѣтей обезпеченныхъ семействъ и замѣняющая имъ родителей, которые лишены своихъ родительскихъ правъ. Но этотъ отеческій домъ доступенъ только богатымъ семьямъ, такъ какъ плата за содержаніе дѣтей очень значительна. Въ земледѣльческой протестантской колоніи для молодыхъ преступниковъ въ с. Фой (Sainte Foy), въ пріютѣ для дѣвочекъ, устроенномъ при домѣ діакониссъ въ Парижѣ и въ частныхъ колоніяхъ существуютъ также заведенія для дѣтей, но въ этихъ заведеніяхъ помѣщаются только дѣти, о которыхъ заботятся ихъ семейства. Дѣти же, покинутыя родителями не могутъ быть приняты по двумъ причинамъ: 1) законъ не признаетъ за этими заведеніями права принимать дѣтей безъ заявленія посредничества родителей и 2) не даетъ никакихъ средствъ для ихъ содержанія.

И такъ для устройства рабочихъ школъ (écoles du travail) во Франціи необходимо *во первыхъ*, чтобы законодательство признало за государствомъ право задерживать въ нихъ дѣтей покинутыхъ и предоставленныхъ самимъ себѣ, и *во вторыхъ*, чтобы школамъ этимъ выдавалось пособіе, которое соотвѣтствовало бы платѣ, какую получаютъ частныя исправительныя колоніи за воспитаніе присылаемыхъ туда дѣтей.

Пока въ Англіи право задерживать порочныхъ дѣтей въ ремесленныхъ школахъ не было освящено закономъ, и пока государство не оказывало этимъ предупредительнымъ учрежденіямъ денежныхъ вспоможеній—все ограничилось единичными усиліями. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ 1857 году былъ изданъ первый законъ о ремесленныхъ школахъ—все измѣнилось. Въ 1866 году законъ этотъ былъ дополненъ и дѣло призрѣнія дѣтей достигло своего полнаго развитія. 14 статья этого закона указываетъ различныя категоріи дѣтей, которыя могутъ быть задержаны въ ремесленныхъ школахъ. Вотъ содержаніе статьи: «всякій въ правѣ привесть къ судьямъ (двумъ) или въ магистратъ ребенка, которому съ виду менѣе 14 лѣтъ и который найденъ при нижеслѣдующихъ об-

стоятельствахъ. Всякій въ правѣ привести того, который получаетъ милостыню или проситъ ее либо открыто, либо подъ видомъ продажи; который шатается по улицамъ или общественнымъ мѣстамъ съ цѣлью просить или получать милостыню, который бродяжничая, не имѣетъ ни семьи, ни опредѣленнаго мѣста жительства, ни покровителей, ни признанныхъ закономъ средствъ къ существованію; который находится въ безпомощномъ состояніи или по сиротству своему или вслѣдствіи того, что родители его осуждены въ каторжныя работы (la servitude penal) или къ тюремному заключенію, того, который посѣщаетъ общество людей, признанныхъ ворами, того который, получая пропитаніе въ школѣ Work-house, т. е. домъ бѣдныхъ общины, окажется непокорнымъ и наконецъ, дѣтей не старше 12-ти лѣтъ, обвиняемыхъ въ преступленіи совершенномъ всего въ первый разъ и подлежащимъ наказанію тюремнымъ заключеніемъ.

Если обстоятельства дѣла подтверждаются слѣдствіемъ или окажется необходимымъ примѣнять изложенный законъ, судьи или магистратъ, въ которое приведено дитя, найденное въ какомъ нибудь изъ сказанныхъ обстоятельствъ, могутъ отправить его въ признанную правительствомъ ремесленную школу.

Таково право задержанія, предоставленное ремесленнымъ школамъ. Въ 12-й статьѣ законъ опредѣляетъ размѣръ податей, взимаемыхъ съ графствъ и городовъ на устройство и увеличеніе этихъ школъ и на содержаніе ихъ воспитанниковъ. Вотъ подлинная статья: въ Англіи тюремное начальство можетъ выдавать время отъ времени извѣстныя ссуды по своему усмотрѣнію; онѣ назначаются на измѣненіе, организацію и увеличеніе признанныхъ государствомъ ремесленныхъ школъ; далѣе—на содержаніе воспитанниковъ или на расходы по управленію школами, на основаніе и постройку новыхъ ремесленныхъ школъ, на покупку земли для школъ уже существующихъ или на покупку мѣста для проектируемыхъ ремесленныхъ школъ.

Такимъ образомъ опредѣлилъ законъ денежное содѣйствіе администраціи ремесленнымъ школамъ. Статья 7 опредѣля-

етъ порядокъ признанія ихъ. Инспекторъ посѣщаетъ заведеніе и удостовѣряется въ томъ, что оно организовано, какъ слѣдуетъ. Если отзывъ инспектора благопріятенъ, то заведеніе получаетъ просимое свидѣтельство.

Каждая ремесленная школа, по своему усмотрѣнію, издаетъ правила относительно своего внутренняго управленія. Смотря по тому—одобритъ ли ремесленная школа или нѣтъ, оно выдаетъ свидѣтельство или отказываетъ въ немъ. Но во всякомъ случаѣ государство удерживаетъ за собой право контроля за заведеніемъ. Если управленіе какой нибудь школы окажется неблагонадежнымъ, то свидѣтельство отнимается.

Въ статьяхъ 18 и 20 устанавливаются правила, относящіеся къ вѣроисповѣданію дѣтей. Статья 18 и 19 говорятъ: «При выборѣ школы судьи или магистратъ должны удостовѣриться къ какому вѣроисповѣданію принадлежитъ дитя и, если возможно, выбрать школу, которая управляется по принципамъ того вѣроисповѣданія, которое означено въ предписаніи, подписанномъ судьями.» «Если родители, родственники, опекуны или воспріемники дитяти, помѣщенняго въ ремесленную школу, которая управляется по принципамъ не той религіи, къ которой принадлежитъ дитя, заявятъ объ этомъ судьѣ или магистрату, сдѣлавшему распоряженіе о задержаніи малолѣтняго, и если при этомъ укажутъ другую школу, управляемую по принципамъ вѣры, къ которой принадлежитъ дитя, то судьи или магистратъ, удостовѣрившись въ вѣроисповѣданіи ребенка, должны удовлетворить требованію лицъ, имѣющихъ попеченіе о питомцѣ.»

Охранивъ такимъ образомъ право свободы религіи и власти законъ устанавливаетъ денежную отвѣтственность родителей и налагаетъ на нихъ формальное обязательство платить, если они въ состояніи, за содержаніе дѣтей. Въ случаѣ же отказа со стороны родителей законъ подвергаетъ ихъ штрафу или тюремному заключенію. Дѣти, самовольно отлучающіяся изъ школы, а также лица, которыя содѣйствовали ихъ побѣгу подлежатъ извѣстному наказанію (ст. 33 и 34). Для дѣтей, хорошо себя ведущихъ, законъ устанавли-

ваетъ принципъ «условной свободы». Директора ремесленныхъ школъ въ правѣ позволять дѣтямъ жить у своихъ родныхъ или у лицъ достойныхъ довѣрія. Отпускъ къ родителямъ можетъ продолжаться не далѣе трехъ мѣсяцевъ; но и этотъ срокъ значительно сокращается, если дитя ведетъ себя дурно. Ребенокъ, который по истеченіи срока отпуска не явится въ школу, считается бѣглецомъ изъ тюрьмы (ст. 26 и 27). Если же, напротивъ того, дитя ведетъ себя хорошо, то данное ему позволеніе жить внѣ школы можетъ обратиться въ contrat d'apprentissage хотя бы срокъ заключенія еще не истекъ (ст. 28). Таковы основныя положенія англійскаго законодательства, создавшаго столь важную по своимъ послѣдствіямъ систему предупредительныхъ мѣръ.

Миссъ Карпентеръ, авторъ многихъ замѣчательныхъ сочиненій о малолѣтнихъ арестанткахъ, резюмировала въ своемъ рефератѣ на конгрессѣ, результаты, достигнутые въ Англіи благодаря исправительнымъ и предупредительнымъ мѣрамъ, примѣненнымъ къ малолѣтнимъ преступникамъ и къ дѣтямъ порочнымъ. Мы приведемъ здѣсь заключеніе изъ ея реферата: «Не останавливаясь на отдѣльныхъ фактахъ и на статистическихъ данныхъ, говоритъ миссъ Карпентеръ, мы можемъ указать на весьма замѣчательные результаты: во первыхъ, полное уничтоженіе тѣхъ вліяній, которыя 20 лѣтъ тому назадъ совращали дѣтей въ преступленія. Въ то время существовали правильно организованныя шайки молодыхъ воровъ. Ихъ учили воровству какъ промыслу и преподавали спеціально предназначенный для этаго языкъ. Одна женщина хвалилась мнѣ, что она сама воспитала такимъ образомъ 50 дѣтей и указывала на своихъ дочерей, какъ на особенно успѣшно воспользовавшихся ея уроками. Изъ дѣтей, подвергавшихся частымъ наказаніямъ и получившихъ поэтому воспитаніе въ тюрьмѣ, рекрутируется главнымъ образомъ населеніе convict'a. Въ началѣ нашей исправительной дѣятельности мы часто встрѣчали личностей, обвиненныхъ уже въ шестой или восьмой разъ. Въ настоящее время подобные случаи очень рѣдки. Во вторыхъ, общество сознало что въ интересахъ собственной безопасности оно обязано

заботиться объ исправленіи малолѣтнихъ преступниковъ; тогда какъ прежде въ этомъ отношеніи господствовало всеобщее равнодушіе. Нынѣ важность этаго вопроса общепризнана; между просвѣщенными экономистами и истинными христіанами существуетъ полное согласіе по этому вопросу. Совѣсть націи заговорила; какъ сердца, такъ равно и кошельки открылись въ пользу этихъ бѣдныхъ дѣтей".

„Наконецъ дѣло исправленія малолѣтнихъ, порочныхъ дѣтей дало настолько удовлетворительные результаты, что общество вполнѣ убѣдилось въ его необходимости. Теперь нашимъ дѣтямъ отдаютъ предпочтеніе передъ другими и цѣль, которую мы преслѣдовали, достигнута".

Мысль объ устройствѣ ремесленныхъ школъ получила въ нѣкоторыхъ городахъ Англіи спеціальное примѣненіе. Всѣ заведенія о которыхъ мы только что говорили закрытыя (internat); здѣсь дѣти, несовсѣмъ удаленныя отъ вліянія ихъ семьи, имѣютъ сношенія съ нею на столько, на сколько найдутъ это возможнымъ директора школъ. Но существуютъ другаго рода учрежденія, которыя, напротивъ, представляютъ открытыя заведенія (externat), гдѣ дѣти получаютъ пищу, первоначальное образованіе и ремесленное обученіе въ теченіи дня, какъ и въ закрытыхъ заведеніяхъ; вечеромъ же они возвращаются домой. Подобныя учрежденія появились гораздо раньше закона 1854 года, организовавшаго ремесленныя школы. Они существуютъ въ Аберденѣ (въ Шотландіи) еще съ 1841 года. Полицейскій бюллетень, относящійся къ этому времени показалъ, что въ этомъ городѣ съ 63.000 тысячнымъ населеніемъ находится 280 дѣтей, вполнѣ предоставленныхъ самимъ себѣ; единственное средство къ существованію ихъ была милостыня или воровство, а 77 дѣтей изъ означеннаго числа въ теченіе года пробыли болѣе или менѣе продолжительное время въ тюрьмѣ. Чтобы подѣйствовать на этихъ маленькихъ бродягъ, которыхъ невозможно было воспитывать въ обыкновенныхъ школахъ помощникъ шерифа, М. Ватсонъ (M. Watson) предложилъ учредить ремесленную школу, гдѣ бы эти дѣти получали пропитаніе и обучались бы какому нибудь ремеслу. Предложеніе было

принято, а исполненіе его поручено было самому М. Ватсону.

Школа открылась въ томъ же году; въ началѣ своей дѣятельности она имѣла 10—12 дѣтей, взятыхъ съ улицы и приведенныхъ полиціею. Число учениковъ школы стало быстро возрастать и скоро явилась потребность въ другой школѣ. Въ 1847 году такихъ школъ въ городѣ было четыре: одна для мальчиковъ, двѣ для дѣвочекъ и одна смѣшанная.

Дѣти приходятъ въ классъ въ 7—8 часовъ, смотря по временамъ года; въ продолженіи дня они три раза получаютъ здоровую пищу; три часа посвящается чтенію, элементарному и религіозному и четыре часа разнымъ ручнымъ работамъ. Вечеромъ дѣти возвращаются домой. По понедѣльникамъ полиція приводитъ непокорныхъ дѣтей, а также новыхъ воспитанниковъ. Опытъ указалъ самые лучшіе результаты.

Дѣти, бродящіе по улицамъ, и предоставленныя самимъ себѣ, не могутъ считаться ни менѣе даровитыми, ни менѣе способными къ развитію, что можно судить отчасти по той ловкости, которая обнаруживается въ ихъ проступкахъ, когда порокъ окончательно завладѣетъ ими. Задержанныя на пути къ преступленію и направленныя къ добру, эти дѣти выказываютъ такую же смѣтливость, какъ и въ дурныхъ поступкахъ. Это было, между прочимъ, замѣчено въ Аберденѣ. Ученики ремесленныхъ школъ дѣлали очень быстрые успѣхи: въ короткое время они научались читать, писать и считать. Авторъ романа „La foire aux vanites“ Карлъ Диккенсъ, посѣтивъ эти школы, былъ глубоко тронутъ при видѣ дѣтей, спасенныхъ такимъ образомъ отъ порока. Знаменитый романистъ, изслѣдовавшій многія язвы современнаго общества и недуги человѣческаго сердца, предвидѣлъ въ этихъ учрежденіяхъ дѣйствительную мѣру противъ того ужаснаго положенія, которое происходитъ вслѣдствіи безпомощнаго состоянія, жертвами котораго стало столько дѣтей. Ремесленныя школы Абердена существуютъ уже 30 лѣтъ и результаты ихъ дѣйствительно замѣчательны. Въ 1841 году въ этомъ графствѣ было 192 тысячи жителей; теперь въ немъ 244 тысячи. Число воспитанниковъ ремесленныхъ школъ въ продолженіи перваго пятилѣтія было 235, а къ концу 1871 года возросло

до 572. Такое значительное увеличеніе числа учениковъ ремесленныхъ школъ по отношенію къ народонаселенію графства дало слѣдующіе результаты: число бѣдныхъ доходивши въ 1845 году до 2000 не только не возросло вмѣстѣ съ народонаселеніемъ, а напротивъ того уменьшилось; число дѣтей бродягъ, доходившее во всемъ графствѣ въ 1840 году до 2.459, въ 1870 году не превышало 349; среднее число воровъ задерживаемыхъ ежегодно въ Аберденѣ было въ 1845—1850 годахъ 1.142 человѣка, въ 1865—1870 годахъ только 350, а въ 1871 году уменьшилось до 314. Благодаря подобнымъ ремесленнымъ школамъ бродяжничество въ графствѣ совершенно прекратилось и теперь не встрѣтишь ни одного нищенствующаго ребенка. Является вопросъ какой же цѣной былъ достигнутъ этотъ блестящій результатъ? Средняя цифра на содержаніе воспитанника въ ремесленныхъ школахъ Аберддена не превышала 5 ф. стерл., т.-е. (25 франковъ въ годъ *). Система открытыхъ (d'externat) ремесленныхъ школъ, слѣдовательно, не требуетъ большихъ издержекъ; годичное содержаніе воспитанниковъ закрытаго заведенія обходится въ Шотландіи въ 10 ф. стерлинговъ (250 франковъ), **) а въ Англіи 16 ф. стерл. (450 фр.). ***)

Но во всякомъ случаѣ, въ той или другой формѣ, предупрежденіе зла обойдется дешевле, чѣмъ укрощеніе его. Предупредительныя мѣры, примѣняемыя такимъ образомъ къ дѣтямъ, представляются самыми простыми, дешевыми и плодотворными по своимъ непосредственнымъ, практическимъ послѣдствіямъ. Вездѣ, гдѣ будутъ употреблены подобныя усилія, съ тѣмъ же постоянствомъ и въ томъ же духѣ, они необходимо приведутъ къ такимъ же результатамъ.

На тюремномъ конгрессѣ въ Лондонѣ представленъ былъ еще другой отчетъ по тому же вопросу. Составитель этого отчета, Лорингъ Брацъ (Loring Brace) хорошо извѣстенъ въ

---

*) Это составитъ 37 р. 20 к. считая фунтъ стерл. за 7 р. 44 к.
**) 74 р. 40 к.
***) 107 р. 4 к.

Америкѣ и Европѣ по своему сочиненію: „The dangeraus classes of Neu-York“, въ которомъ авторъ приводитъ опыты произведенные имъ въ теченіи 20 лѣтъ, посвященныхъ исправленію покинутыхъ дѣтей въ Нью-Іоркѣ. Прежде чѣмъ начать изложеніе этихъ опытовъ, Лорингъ-Брацъ устанавливаетъ тѣ основные принципы, которыми должно руководствоваться во всѣхъ предпріятіяхъ этого рода. Чтобы дѣло исправленія малолѣтнихъ шло успѣшно, говоритъ онъ необходимо относиться къ нимъ съ сочувствіемъ, давать имъ образованіе, пріучать ихъ къ порядку, доставлять имъ работу, вліять на нихъ путемъ религіи и, если возможно, измѣнять ихъ среду.

Высказавши это, Лорингъ-Брацъ переходитъ къ дѣлу, которому онъ себя посвятилъ. Вотъ извлеченіе изъ его отчета: Основаніе Нью-Іоркскаго Общества призрѣнія дѣтей (Société de secours de Neu Verk pour les enfants) состоявшееся въ 1853 году, было великимъ дѣломъ благотворительности. Общество это было основано въ виду грозившей общественному благосостоянію опасности вслѣдствіе скопленія большаго количества дѣтей, оставшихся безъ пріюта и средствъ къ жизни. Для прекращенія зла предложено было: открыть ремесленныя школы для дѣтей, которыя по бѣдности или привычкѣ къ бродяжеству не могли съ должною исправностью посѣщать общественныя школы; учредить агентовъ-миссіонеровъ, которымъ было бы поручено разыскивать подобныхъ дѣтей; устроить для нихъ кабинеты для чтенія, а также «Lodging houses»—родъ меблированныхъ комнатъ для неимѣющихъ семьи, наконецъ способствовать переселенію дѣтей въ деревню. Компанія устроена была въ 1855 году. Въ продолженіи первыхъ 10 лѣтъ она не имѣла спеціальныхъ средствъ, а должна была ограничиваться только добровольными пожертвованіями.

Въ первый годъ М. Лорингъ-Брацъ, надзиратель за дѣтьми и завѣдующій бюро представляли собой весь личный составъ этого общества. Доходъ послѣдняго состоялъ изъ 4.732 долларовъ. Съ теченіемъ времени предпріятіе принимало постепенно все большіе и большіе размѣры. Нако-

нецъ въ 1871 году общество состояло изъ 50 членовъ учредителей и 25 другихъ членовъ; доходы его простирались до 200.000 долларовъ и милліона франковъ, полученнаго на половину отъ налога, на половину отъ частныхъ пожертвованій или имуществъ по завѣщанію. Общество основало 20 ремесленныхъ школъ и 12 вечернихъ. Въ Lodging houses дѣти получаютъ пищу, зарабатываютъ одежду, обувь, учатся шить на машинѣ и, когда оказываютъ удовлетворительные успѣхи, ихъ посылаютъ въ общественныя школы, или помѣщаютъ впѣ заведеній, какъ-то въ частные дома, мастерскія или фабрики.

Число дѣтей, перебывавшихъ въ ремесленныхъ школахъ въ теченіи 1871 года, доходило до 9.429; изъ нихъ среднимъ числомъ 2.487 человѣкъ занималось на улицѣ или продажею различныхъ предметовъ или другими промыслами. Комитетъ городскихъ школъ имѣетъ наблюденіе за этими заведеніями и собираетъ въ пользу ихъ налогъ, опредѣляемый числомъ воспитанниковъ въ заведеніяхъ.

Мысль объ устройствѣ Lodging-houses вызвана была бѣдственнымъ положеніемъ громаднаго числа дѣтей, живущихъ на улицахъ Нью-Іорка. Первый Lodging-houses былъ открытъ въ 1855 году; въ настоящее время каждую ночь находятъ тамъ удобный пріютъ среднимъ числомъ 400 дѣтей, а въ теченіи года 12.000 ихъ.

Чтобы вызвать въ дѣтяхъ чувство независимости, отъ нихъ требуютъ плату за ночлегъ въ размѣрѣ 25 сантимовъ. Одинъ изъ такихъ домовъ такимъ путемъ собралъ 5.000 долларовъ въ продолженіи 1871 года.

Дѣтей привлекаетъ сюда хорошая обстановка; въ каждомъ домѣ находится зала для ваннъ, библіотека, сберегательная касса, гимнастика, вечерніе курсы и воскресныя школы. Если дитя не въ состояніи заплатить, то оно принимается безплатно; ему даютъ впередъ извѣстную сумму денегъ, чтобы доставить ему возможность взяться за какое нибудь ремесло на улицѣ, пока не помѣстятъ его куда нибудь въ деревню. Такимъ образомъ около 17% личнаго состава дѣтей содержится безплатно. Для дѣвочекъ при Lodging houses устрое-

ны школы служанокъ и швейныя мастерскія, гдѣ обучаютъ шитью на машинѣ; этимъ путемъ научились 1000 дѣвушекъ и имѣютъ заработокъ, достаточный для удовлетворенія ихъ потребностей. Въ Lodging-houses перебывало 50.000 дѣтей, которыя внесли за свое содержаніе 32.000 долларовъ. Нравственный результатъ еще важнѣе. Большая часть маленькихъ воровъ и бродягъ сдѣлалась честными людьми. Они получили образованіе и привычку къ труду. Дѣвочки, привыкшія бродить по улицамъ, отданы были въ ученье и сдѣлались хорошими работницами.

Подобная организація предупредительныхъ мѣръ имѣетъ ясно опредѣленную цѣль. Выходя изъ того принципа, что занятія на улицѣ должны быть только временнымъ, общество не нашло нужнымъ организовать артели молодыхъ чистильщиковъ сапоговъ (brigades de jeunes décrotteurs). Цѣль общества отвлечь дѣтей отъ бродяжничества и направить ихъ къ земледѣлію. «Améliorer l'homme par la terre» вотъ принципъ, приложеніе котораго преслѣдуетъ Общество, поэтому всѣ усилія его направлены къ тому, чтобы убѣдить дѣтей переселиться на Западъ (т. е. въ западные штаты) и наняться въ услуженіе у какого нибудь фермера или земледѣльца.

Простыя и удобныя мѣры облегчаютъ подобное заселеніе. Въ западныхъ штатахъ общество имѣетъ своего агента, который въ случаѣ надобности все приготовляетъ къ пріѣзду дѣтей; вмѣстѣ съ тѣмъ на его обязанности лежитъ позаботиться объ интересахъ дѣтей уже распредѣленныхъ имъ. Узнавъ, что какое нибудь селеніе нуждается въ 40 или 50 дѣтяхъ, агентъ собираетъ фермеровъ и увѣдомляетъ Нью-Іорскаго эмиграціоннаго агента. Послѣдній набираетъ дѣтей въ Lodging-houses, въ ремесленныхъ школахъ, и въ частныхъ домахъ бѣдныхъ людей и входитъ съ ними въ непосредственныя отношенія. Когда составится требуемый отрядъ дѣтей, агентъ достаетъ по уменьшенной цѣнѣ мѣста на желѣзныхъ дорогахъ и отправляетъ дѣтей въ извѣстное селеніе. Здѣсь уже собрались въ общественномъ зданіи мѣстные фермеры и образовали изъ себя комитетъ для того, что бы

по возможности лучше распредѣлить по мѣстамъ дѣтей, изъ которыхъ одни еще въ весьма нѣжномъ возрастѣ, а другія не старше 16 лѣтъ. Приглашая къ себѣ въ услуженіе дѣтей, фермеры берутъ на себя одно только обязательство—посылать ихъ въ извѣстное время года въ школу. Часто достаточно половины дня, чтобы размѣстить въ лучшіе дома этотъ маленькій отрядъ. Иногда экспедиція состоитъ болѣе чѣмъ изъ ста дѣтей; за одну изъ такихъ экспедицій Общество заплатило болѣе 2.000 долларовъ, такъ какъ дорога была въ 2.000 миль. По истеченіи года часть этихъ издержекъ фермеры уплачиваютъ Обществу. Отправляя такимъ образомъ ежегодно 2.500 дѣтей средняя цифра издержекъ не превышаетъ 15 долларовъ на человѣка. Такимъ образомъ въ деревнѣ населено 22.000 дѣтей, изъ которыхъ значительное число сдѣлалось землевладѣльцами; нѣкоторые разбогатѣли. Одни занимались ремесломъ механиковъ, другія сдѣлались фермерами или занимали видное положеніе въ обществѣ. Многіе сдѣлали вклады въ пользу этаго учрежденія или завѣщали ему все свое состояніе. Только немногіе изъ этихъ дѣтей возвращаются въ городъ. Вотъ каковы результаты предупредительныхъ мѣръ, предпринятыхъ однимъ только Обществомъ и въ одномъ только городѣ! Вотъ какимъ образомъ разумная благотворительность обратила элементы безпорядка въ источникъ богатства страны!

Лорингъ-Брацъ заканчиваетъ свой отчетъ замѣчаніемъ, что образованіе обществъ подобныхъ Нью-Іоркскому дало бы возможность достигнуть такихъ же результатовъ во всѣхъ большихъ городахъ Европы.

Мы не станемъ входить въ разсмотрѣніе того, что изъ разсмотрѣнной выше системы предупредительныхъ мѣръ и какія отрасли дѣятельности англійскихъ ремесленныхъ школъ могли бы быть введены во Франціи.

Заимствуя какой нибудь институтъ, необходимо имѣть въ виду нравы, общественныя и экономическія условія, которыя у различныхъ народовъ бываютъ различны. Въ настоящую минуту мы не можемъ опредѣлить, какимъ образомъ можно было бы съ пользою устроить во Франціи эмиграцію

подобную Нью-Іоркской. Не думаемъ также, чтобы распоряженіе англійскаго законодательства, что каждый въ правѣ захватить и представить судьѣ дѣтей-бродягъ, или дѣтей, просящихъ милостыню, могло бы согласоваться съ нашими національными привычками. Но если примѣненіе предупредительныхъ мѣръ должно сообразоваться съ нравами и потребностями страны, то все таки нельзя не признать, что идея этихъ мѣръ весьма благотворна и мы должны ее принять, примѣняясь къ своимъ обычаямъ. Несомнѣнно, что немедленное примѣненіе на практикѣ этой идеи не встрѣтило бы затрудненіи во Франціи. И мы имѣемъ ежедневно большое число дѣтей изъ той категоріи, о которой говорено было выше, которое отводится въ grand dépôt dela Prefecture de police, откуда они въ большинствѣ случаевъ по требованію отпускаются, если только они арестованы въ первый или во второй разъ. Только послѣ нѣсколькихъ слѣдующихъ одинъ за другимъ арестовъ, когда дѣти оказываются неисправимыми, ихъ заключаютъ, какъ провинившихся въ Мало-Рокетскую тюрьму (á la petite Roquette) и уже, когда такимъ образомъ всякая надежда на исправленіе потеряна, ссылаютъ ихъ въ колоніи. Принявши идею рабочихъ школъ, мы могли бы предупредить зло заблаговременно, пока оно еще не сдѣлается неисправимымъ; посредствомъ этихъ предупредительныхъ мѣръ намъ удалось бы остановить этихъ неминуемыхъ кандидатовъ центральныхъ тюрьмъ и ссылочныхъ мѣстъ съ ихъ первыхъ шаговъ на пути преступленій. Дѣйствуя такимъ образомъ предупредительно (preventivement) наши колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ опустѣли бы подобно тому какъ въ Англіи. Мы бы въ такомъ случаѣ сохранили полезныхъ членовъ для слишкомъ безпечныхъ и безсильныхъ семействъ, а для общества честныхъ гражданъ. Что требуется для этаго? Создать ремесленную или рабочую школу, какъ посредствующее звено между начальной школой и тюрьмою. При учрежденіи исправительныхъ домовъ, которые въ большинствѣ случаевъ представляютъ частныя колоніи, мы слѣдуемъ методу, принятому въ Англіи съ тою только разницею, что право задержанія примѣнялось исклю-

чительно къ дѣтямъ, отданнымъ для отеческаго исправленія, а денежное содѣйствіе государства оказывается только дѣтямъ, приговореннымъ по суду въ исправительный домъ.

Для организаціи во Франціи системы предупредительныхъ мѣръ необходимо: *во первыхъ*—предоставить закономъ право устраивать заведенія, имѣющія переходный характеръ и которыя занимали бы середину между тюрьмой и школой для дѣтей-сиротъ или для дѣтей, родителей недостойныхъ и безпечныхъ и *во вторыхъ* денежное вспомоществованіе этимъ учрежденіямъ со стороны государства.

Со времени основанія ремесленныхъ школъ въ Англіи, число этихъ предупредительныхъ заведеній съ каждымъ днемъ увеличивается и дошло уже до 79; между тѣмъ число исправительныхъ школъ, какъ и слѣдовало ожидать, осталось почти тоже. Въ продолженіи десяти лѣтъ число 60 увеличилось только до 65.

О кодификаціи и ея вліяніи на законодательство и на науку права.

С. ЖИНУЛЬЯКА,

ПРОФЕССОРА ЮРИДИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА ВЪ ТУЛУЗѢ.

(Окончаніе).

IV. Еще одно, по мнѣнію моему, изъ великихъ заблужденій, которое можно поставить въ упрекъ крайнимъ сторонникамъ кодификаціи и составляющее одно изъ слѣдствій ихъ принциповъ, это стремленіе распространять ее безразлично на всѣ отрасли законодательства, на всѣ части науки права.

Когда законодатель соединяетъ и сосредоточиваетъ въ одномъ законѣ разсѣянныя въ разныхъ законоположеніяхъ правила, когда онъ констатируетъ и юридически санкціонируетъ произведенные каждымъ изъ составныхъ элементовъ права народа результаты, то во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ совершаетъ дѣйствія, свойственныя законодателю. И такъ законодателю, или закону принадлежитъ функція повелѣвать, запрещать, дозволять, наказывать: „*Legis virtus haec est imperare, vetare, permittere, punire*“ (L. 7, D. *De legibus*), или, какъ выражались составители Наполеонова ко-

декса:“ „онъ (законъ) дозволяетъ или запрещаетъ, повелѣваетъ, установляетъ, исправляетъ, наказываетъ или награждаетъ“ Все что должно быть повелѣно, установлено, запрещено, дозволено или подвергнуто карѣ, все это, въ этомъ отношеніи, можетъ быть предметомъ постановленій кодекса, наравнѣ съ частными законоположеніями.

Поэтому-то и противники кодификаціи сами признаютъ, что для нѣкоторыхъ отраслей законодательства, какъ-то, уголовнаго права, торговаго права, гражданскаго судопроизводства, кодификація не только возможна, но и желательна *). Для первой, въ особенности, ея возможность, ея польза, даже ея необходимость на столько очевидны, что устраняютъ всякій споръ, и что законы уголовные, дѣйствительно, прежде другихъ, изданы были въ письменной формѣ и кодифицированы.

Но содержаніе права не исчерпывается постановленіями повелительными, запретительными, разрѣшительными или карательными, на ряду съ такими постановленіями, которыя, однажды изданныя и санкціонированныя законодателемъ, составляютъ законы (leges), существуютъ принципы и юридическія теоріи (jus), относящіеся къ области науки и по своей природѣ не поддающіеся никакой законодательной регламентаціи; такимъ образомъ если бы они и вошли въ составъ кодификаціоннаго труда, то чрезъ это возникли бы разныя неудобства и можно сказать опасности. Къ нимъ-то болѣе всего примѣнимо изреченіе римскихъ юрисконсультовъ (Javolenus): *omnis definitio in jure civili periculosa est: parum est enim, ut non subverti possit.* L. 202. D. *De regulis juris.*

Допуская, что данное юрисконсультомъ опредѣленіе ложно или неправильно, оно, конечно, можетъ послужить источникомъ прискорбныхъ послѣдствій, основаніемъ плохой системы; но, на ряду съ такимъ зломъ находится средство противъ него, потому, что подобное опредѣленіе можетъ

*) Савиньи, Von Beruf, стр. 130, Rossbirt, *Archiv. des Criminalrechts* VIII стр. 163 и слѣд.

быть отвергнуто, дополнено, исправлено другими юрисконсультами. Иное дѣло когда такое опредѣленіе войдетъ въ кодексъ. Въ силу законодательнаго авторитета, санкціонировавшаго его, оно станетъ обязательнымъ для всѣхъ, сдѣлается правиломъ и, какъ таковое, не будетъ подлежать измѣненію и даже обсужденію, до его отмѣны. Оно, неизбѣжно, если только мы не рѣшимся посягнуть на неприкосновенность авторитета текстовъ, пользующагося величайшимъ уваженіемъ со стороны приверженцевъ кодификаціи, приведетъ къ самымъ гибельнымъ результатамъ въ области теоріи и практики. *) Существенныя ошибки, такимъ образомъ, установлялись текстомъ, непрерывное и благотворное воздѣйствіе науки прекращалось или, по меньшей мѣрѣ, пріостановлялось, какъ это основательно замѣтилъ Савиньи **). Эти то опасныя или покрайней мѣрѣ безполезныя опредѣленія, и были предметомъ самой оживленной критики, направленной противъ нашихъ кодексовъ.

Редакторы Наполеонова кодекса, имѣвшіе столь разумные взгляды на кодификацію, столь хорошо понявшіе, столь точно опредѣлившіе степень участія законодательства и науки въ области права, не могли вполнѣ избѣгнуть вліянія того, что было совершено до нихъ, и нѣкоторыхъ идей, вообще, въ ихъ время распространенныхъ. Правда, что они не допускали возможности на столько полнаго кодекса, который могъ бы удовлетворить всѣмъ потребностямъ, и возражали весьма основательно сторонникамъ подобной кодификаціи:

„Мы также избѣгали опаснаго желанія все регламентировать и все предвидѣть. Кто бы могъ подумать, что тѣ,

---

*) Это признаютъ самые рѣшительные защитники кодификаціи, заявляя, что законъ, по вышеприведеннымъ намъ соображеніямъ, ничего общаго не имѣетъ съ научными трактатами о правѣ. См. именно Мейера, этаго великаго борца за кодификацію *(De la codification* стр. 186 и слѣд.), сознающаго, что всѣ кодексы разбивались объ этотъ камень преткновенія, если покрайней мѣрѣ не могли охранить себя отъ крушенія.

**) *Traité du droit romain* т. I, стр. 100.

для которыхъ кодексъ представляется слишкомъ обширнымъ, осмѣлятся надменно возлагать на законодателя грозную задачу ничего не оставлять судейскому усмотрѣнію? Во всякомъ случаѣ, положительные законы никогда не замѣнятъ вполнѣ естественнаго разума въ дѣлахъ жизни". Но въ виду тѣхъ требованій, которыя, казалось, предъявлялись редакторамъ новыхъ кодексовъ, не должно ли было считаться измѣною ихъ призванію, если бы они провозгласили, подобно тому какъ это нынѣ стало для насъ возможнымъ, права науки, на ряду съ таковыми законодательства?

Принимая въ соображеніе все сдѣланное по предмету кодификаціи прежде ихъ, редакторы кодекса могли думать что трудъ ихъ былъ бы не законченъ безъ включенія въ него чисто теоретическихъ частей права. Юстиніанъ не внесъ-ли въ свои сборники сочиненій юрисконсультовъ наравнѣ съ законодательными актами императоровъ? Я не вхожу здѣсь въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, основательно-ли Юстиніанъ соединилъ въ пандектахъ фрагменты, заимствованные у древнихъ юрисконсультовъ, вмѣсто того, чтобы сохранить, какъ это сдѣлалъ Валентиніанъ III, формально-законную силу полныхъ сочиненій наиболѣе знаменитыхъ юристовъ; я констатирую только то, что онъ сдѣлалъ или что было сдѣлано именемъ его, а не то, что можно было или слѣдовало сдѣлать. Такъ, въ Юстиніановыхъ сборникахъ, теорія Папиніана, Павла или Ульпіана имѣетъ такую же законную силу какъ и императорская конституція; потому что все это почитается дѣломъ Императора: *Utquicquid ibi scriptum est hoc nostrum appareat et ex nostra voluntate compositum* *).

Возможно-ли было устоять противъ авторитета подобнаго прецедента и въ особенности тогда, когда ему подчинялись всѣ тѣ, на долю которыхъ выпало изданіе новыхъ кодексовъ? Въ проектѣ прусскаго кодекса не были-ли смѣшаны доктрина и законодательство и не присвоена-ли была одинаковая законная сила опредѣленіямъ, теоріямъ и законо-

---

*) См. Tanta, de confirmatione digestorum, §§ 10—12.

дательнымъ распоряженіямъ? Самъ Савиньи, разсуждая объ этомъ кодексѣ, утверждаетъ, что подобная Юстіаніановой идеи господствовала въ предпріятіи и что прямою задачею новаго кодекса поставлено было установленіе единства въ практикѣ посредствомъ исключительныхъ и полныхъ правилъ. Быть можетъ принятая для прусскаго кодекса система оправдывается замѣчаніемъ того же юрисконсульта что «въ Германіи было бы не удобно предоставить въ правѣ ту свободу развитія, которая существовала въ средне-вѣковую эпоху и долго послѣ того, и откуда произошла новая практика». Только послѣ констатированія существующихъ у разныхъ народовъ различій, достоинствъ и недостатковъ, и указанія на то, что отъ правителей должна зависѣть оцѣнка потребностей каждаго народа и свойствъ способностей имъ располагаемыхъ для совершенія великихъ дѣяній, Савиньи высказалъ это замѣчаніе, противопоставляя, въ этомъ отношеніи, Германію Франціи. *) Впрочемъ, какъ бы то ни было относительно этихъ различій между двумя націями, на которыя быть можетъ редакторы Наполеонова кодекса и не обращали вниманія, вѣроятно, что примѣръ автора проекта прусскаго кодекса не остался по этому предмету безъ вліянія на нихъ, точно также какъ это было касательно приняты хъ раздѣловъ. Этотъ первый проектъ кодекса Фридриха II былъ переведенъ, какъ извѣстно, на Французскій языкъ.

Независимо отъ всякаго вліянія всего предшествовавшаго, редакторы кодекса, не могшіе сохранить за римскимъ правомъ его авторитетъ, въ то же время, не могли оставить во Французскомъ правѣ, не стараясь восполнить, недостатокъ, который долженъ былъ произойти чрезъ отмѣну римскихъ-законовъ, отмѣну провозглашенную затѣмъ закономъ 30 Вентоза годъ XII (ст. 7). И такъ какъ они не желали нововведеній, то естественно должны были дѣлать заимствованія изъ этаго права, чрезъ посредство нашихъ древнихъ юрисконсультовъ, положеній, которыя желательно было вклю-

*) Тамъ же стр. 197. См. также Мейера (*Codification*, ст. 143 и слѣд.).

чить въ кодексъ. И такъ какъ изъ числа этихъ юрисконсультовъ одинъ выдавался своею точностью, ясностью, а также и своими трудами по всему римскому и французскому праву, особенно стяжавшими вниманіе редакторовъ кодекса, то они и избрали его къ руководству по нѣкоторымъ предметамъ и во многихъ отношеніяхъ ограничились анализомъ его сочиненій. Но Потье не задавался мыслью о составленіи кодексовъ, сочиненія его были догматическія; доктрина занимала въ нихъ весьма обширное мѣсто наряду съ законодательствомъ, которое онъ коментировалъ, почему вмѣстѣ съ принципами нашего древняго права, особенно по предмету *обязательствъ*, теоріи и опредѣленія Потье, во всей цѣлости, вошли въ нашъ кодексъ и въ немъ получили законодательную санкцію. *)

Этимъ объясняется, если не оправдывается, существованіе въ нашихъ кодексахъ юридическихъ теорій на ряду съ законодательными положеніями. Мы должны были въ этомъ оговориться, чтобы не дать мѣста аргументу, по предмету кодификаціи, о смѣшеніи того что было совершено съ тѣмъ что слѣдовало сдѣлать или могло быть сдѣлано. Кодексъ не составляетъ сочиненія дидактическаго, отсюда вытекаетъ что онъ долженъ содержать въ себѣ лишь то, что можетъ быть предметомъ законодательнаго распоряженія. „Кодексъ и научное сочиненіе не должны имѣть ничего общаго между собою, писала императрица Марія-Терезія, и все что не подлежитъ власти законодателя, а относится къ каѳедрѣ

*) Я ограничиваюсь указаніемъ въ видѣ примѣра на теорію обязательствъ дѣлимыхъ и недѣлимыхъ, которая служитъ полнымъ подтвержденіемъ, и во всѣхъ отношеніяхъ, вышесказаннаго мною. Сколько другихъ примѣровъ я могъ бы присоединить къ этому. Для другихъ частей законодательства совершены были законодательныя работы въ нашемъ древнемъ правѣ и подготовили, если не вполнѣ осуществили законодательное единство; точно тоже сдѣлано, именно по отношенію къ дареніямъ, завѣщаніямъ и субституціямъ, и редакторы Наполеонова кодекса могли оттуда заимствовать положенія по означеннымъ предметамъ, ограничиваясь приспособленіемъ ихъ къ новому порядку вещей и не слишкомъ смѣшивать чистую доктрину съ законодательствомъ.

профессора, должно быть исключено изъ кодекса". *) Что впрочемъ, по нашему мнѣнію, не значитъ, что все что можетъ быть регламентировано законодательно по этой единственно причинѣ можетъ быть и кодифицировано.

И въ самомъ дѣлѣ кодексы не должны быть смѣшиваемы съ частными законоположеніями и быть разсматриваемы какъ собраніе послѣднихъ. Прежде перехода изъ состоянія закона на степень уложенія необходимо чтобы законодательство подверглось испытанію и получило развитіе посредствомъ доктрины и судебной практики, которыя однѣ способны раскрыть его достоинства и недостатки. Въ кодексѣ, именно, всѣ положенія приведены въ порядокъ между собою, согласованы одни съ другими и коль-скоро они вошли въ его составъ, не возможно ихъ измѣнить безъ потрясенія цѣлаго. Кодексы не вѣчны—это правда; они могутъ, они должны даже при извѣстныхъ обстоятельствахъ подлежатъ пересмотру; но когда кодификація осуществлена своевременно, когда она стала возможною и необходимою вслѣдствіе прогрессивнаго развитія права, то она сообщаетъ частямъ законодательства, ею объятымъ, устойчивость, которой онѣ прежде не имѣли, и обезпечиваетъ за ними нѣкоторую продолжительность ихъ существованія. Послѣ этого, законодательныя положенія, не подвергшіяся достаточно испытанію чрезъ примѣненіе къ нимъ доктрины и ея интерпретаціи, или такія, которыя соотвѣтствуютъ потребностямъ и порядку вещей измѣнчивымъ, предназначены къ отмѣнѣ или измѣненію, представляются намъ не подлежащими кодифицированію. Я не желаю сдѣлать примѣненіе къ той или другой части права того, что для меня представляется логическимъ выводомъ изъ принциповъ установленныхъ мною по предмету кодификаціи; я считаю достаточнымъ сдѣланнаго мною на это указанія.

V. По изслѣдованіи такимъ образомъ въ чемъ заключает-

---

*) См. Von Gonner, *über Gesetzgebung und Rechtswissenschaft*, стр. 180, и *Rosshirt, см. выше*, стр. 166.

ся, можетъ и должна заключаться кодификація, и какія части она должна собою обнимать, мнѣ остается разсмотрѣть вопросъ: какое благотворное или вредное вліяніе кодификація можетъ оказать на науку права.

Прежде всего разумѣется что отвѣтъ на этотъ вопросъ зависитъ отъ понятія, какое составляется о кодификаціи и о способѣ, посредствомъ котораго кодификація осуществляется.

Если разсматривать кодификацію какъ настоящее юридическое обновленіе, которое не составляетъ слѣдствія прогрессивнаго развитія права народа, а есть дѣло произвола законодателя; если допустить что она можетъ обнять право во всей его цѣлости, что она образуетъ его въ его совершенной формѣ и окончательно его формулируетъ; если допустить что посредствомъ ея право народа можетъ быть сведено къ небольшему числу простыхъ положеній, доступныхъ для всѣхъ: то очевидно что при существованіи кодексовъ, изданныхъ при такихъ данныхъ, наука сдѣлается не только безполезною, но невозможною, даже опасною. И къ чему наука, когда при свѣтѣ разума, при вдохновенномъ чувствѣ справедливости можно понимать и примѣнять слова закона, исходящаго только изъ нихъ? Къ чему наука въ правѣ, въ образованіи котораго наука не имѣетъ никакой доли участія? Она могла бы только исказить естественный смыслъ законовъ, разрушить своими принципами, своими теоріями твореніе законодателя. И въ самомъ дѣлѣ, всмотритесь съ какимъ ревностнымъ стараніемъ издатели кодексовъ, стремятся обезпечить ихъ продолжительность и неприкосновенность, строго воспрещая вмѣшательство науки, которая могла бы нанести ударъ и той и другой.

Все это совершенно логично и остракизмъ науки представляется неизбѣжнымъ послѣдствіемъ подобной точки зрѣнія на дѣло кодификаціи. Но полагая даже что такой остракизмъ формально и не былъ произнесенъ, то какимъ же образомъ хотятъ чтобы наука права была возможною, будучи замкнутой въ тѣхъ неизмѣнныхъ формулахъ, изъ которыхъ состоитъ кодексъ? Тогда по истинѣ, можно бы сказать объ

юристахъ: *Tanquam e vinculis sermocinantur.* При подобныхъ условіяхъ наука не можетъ развиваться, ей необходимо болѣе свободы въ ея движеніяхъ; и особенно важно, чтобы она не была осуждена вращаться въ области чистыхъ абстракцій, никогда не достигая ни до одного практическаго результата. Потому то, мы и не считаемъ излишнимъ это повторять съ главою современной исторической школы, хотя дѣленіе теоріи и практики представляется послѣдствіемъ прогресса цивилизаціи, разграничившей эти два направленія и пріурочившей и то и другое къ извѣстнымъ классамъ общества; но оно было бы гибельно для каждаго изъ нихъ, если бы производило изолированіе; „дѣленіе хорошее, скажемъ мы съ нимъ, если при немъ не теряется изъ виду первоначальное единство, если теоретикъ охраняетъ и совершенствуетъ пониманіе практики, практикъ —пониманіе теоріи. Тамъ гдѣ эта гармонія нарушена, тамъ гдѣ разрывъ между теоріею и практикою представляется абсолютнымъ, теорія подвергается опасности сдѣлаться пустымъ упражненіемъ ума, практика чисто-механическимъ ремесломъ". Этотъ разрывъ все болѣе и болѣе, съ каждымъ днемъ удаляющій насъ отъ великихъ юридическихъ традицій, славными представителями которыхъ были римскіе юрисконсульты, и, сверхъ того, составляющій недугъ охватывающій современное право, становится еще болѣе тяжкимъ, какъ скоро онъ составляетъ послѣдствіе той ложной идеи, которая образуется о кодификаціи. Подъ господствомъ ея, дѣйствительно, если наука и не безусловно изгоняется, то пріурочивается къ области чисто умозрительной, не должна имѣть ничего общаго съ практикою: потому, что допуская воздѣйствіе науки на практическое право, тѣмъ самымъ разрушается принятая система, уступается мѣсто непріятелю, который не замедлитъ завладѣть имъ, въ качествѣ властителя.

Какая надобность послѣ этого въ дальнѣйшемъ изложеніи всѣхъ гибельныхъ послѣдствій, могущихъ произойти отъ устраненія научнаго элемента: произволъ въ юриспруденціи, не опирающійся ни на какое начало, ни на какія правила, шаткость и противорѣчія рѣшеній, предоставленіе интересовъ

и правъ гражданъ разумѣнію и справедливости индивидуальной, наконецъ въ силу порядка вещей, воцареніе въ правѣ хаоса, изъ котораго предполагали его исторгнуть. И да не сочтутъ все это за преувеличеніе съ нашей стороны, потому что коль скоро существуютъ кодексы, то находятся и правила, которыя стоитъ лишь примѣнять: на это мы могли бы отвѣчать, ссылаясь на опытъ и мнѣніе нашихъ законодателей, поучающихъ насъ, что самые полные кодексы не въ состояніи все предусмотрѣть и служить достаточнымъ руководствомъ для магистратуры; но есть еще не менѣе рѣшительный аргументъ *по аналогіи*, которымъ да позволено будетъ намъ воспользоваться, не смѣшивая, надѣюсь, священнаго съ мірскимъ.

Въ предметахъ религіи существуютъ также священные тексты (я говорю „*также*“, потому что для приверженцевъ кодификаціи, которыхъ я въ настоящую минуту опровергаю, кодексы представляются содержащими нѣчто подобное); и такъ, по отношенію къ этимъ текстамъ какое производитъ дѣйствіе доктрина *свободнаго толкованія*, кромѣ произвола, сомнѣнія, полнѣйшей анархіи, и, какъ окончательнаго послѣдствія, отрицанія самой религіи? Слѣдовательно, если съ священными текстами можетъ все то произойти, когда они изолируются отъ преданій, ихъ дополняющихъ, отъ церкви ихъ охраняющей и призванной поучать и объяснять слово Божіе, то не должно ли то же послѣдовать съ кодексами въ случаѣ свободы ихъ толкованія по личному усмотрѣнію каждаго и независимо отъ сціентифическихъ традицій и тѣхъ кому ввѣрено ихъ сохраненіе: *Cujus merito quis sacerdotes nos appellet*, какъ говоритъ Ульпіанъ? (L. I, D, *De justitia jure*).

„Въ положеніи нашихъ обществъ, высказывали редакторы Наполеонова кодекса, весьма счастливо, что юриспруденція образуетъ науку способную укрѣпить талантъ, удовлетворить самолюбію и возбудить соревнованіе. Вслѣдствіе чего цѣлый классъ людей посвящаетъ себя этой наукѣ, и этотъ классъ предназначенный для изученія законовъ служитъ орудіемъ для совѣта и для защиты гражданъ, которые не съ-

умѣли бы управлять своими дѣйствіями и защищаться, и становится какъ бы школою для магистратуры. Весьма счастливо что существуютъ сборники и преемственное преданіе обычаевъ, положеній и правилъ, для того чтобы быть поставлену въ необходимость судить сегодня также какъ и вчера, и чтобы не было другихъ перемѣнъ въ рѣшеніяхъ общественной власти, кромѣ тѣхъ, которыя вызываются успѣхами просвѣщенія и силою обстоятельствъ. Весьма счастливо что для судьи не избѣжны обогащеніе себя знаніями, изслѣдованіями и глубокимъ изученіемъ вопросовъ, представляющихся для его разрѣшенія, что не дозволяетъ ему никогда забывать, что если и существуютъ для него предметы, зависящіе отъ свободы его разума, то нѣтъ такихъ которые предоставлены бы были его своенравію или его произволу....“ Затѣмъ, противополагая порядокъ отправленія правосудія въ Турціи и у насъ, они присовокупляютъ: „трудно себѣ представить на сколько эта наклонность къ наукѣ и къ разумному смягчаетъ и регулируетъ власть“.

Редакторы кодекса уже высказали: „у всѣхъ цивилизованныхъ націй, всегда замѣчается, на ряду съ святынею законовъ и подъ контролемъ законодателя, образованіе массы положеній, рѣшеній и ученій, которая каждодневно проходитъ чрезъ горнило практики и судебныхъ дебатовъ, которая непрерывно увеличивается всѣми пріобрѣтенными познаніями и которая постоянно разсматривалась какъ дополненіе законодательства.“

Въ этихъ словахъ, столь точно выражающихъ необходимость науки, совмѣстно съ кодексами, формально высказано неодобреніе взгляда на кодификацію, составляющаго въ эту минуту предметъ моего обсужденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и осужденіе тѣхъ, а ихъ число большее, которые полагаютъ что кодексы, тамъ гдѣ они существуютъ, удовлетворяютъ всему и дѣлаютъ науку безполезною. Жалкое заблужденіе, результатъ ложнаго понятія о кодификаціи и не менѣе гибельное для правильнаго отправленія правосудія, а также и для самой науки! Заблужденіе, противъ котораго, а также и источника его, возстали редакторы Наполеонова кодекса и

которое, въ равной мѣрѣ, отвергается понятіями, установленными ими о кодификаціи.

Въ самомъ дѣлѣ, принимая, какъ это и слѣдуетъ, то истинное понятіе, которое они выработали о кодексахъ, и разсматривая эти кодексы какъ дѣло времени, какъ результатъ національнаго права народа, развитія, въ которомъ принимала участіе наука, точно также какъ она способствовала къ констатированію ихъ результатовъ, къ составленію кодексовъ; признавая, что эти кодексы, не тормозя юридическаго прогресса, а напротивъ того благопріятствуя ему посредствомъ отсѣченія отъ права его вымершихъ частей, уничтоженія противорѣчій задерживающихъ его движеніе, дѣлая послѣднее болѣе свободнымъ и легкимъ посредствомъ согласованія различныхъ элементовъ, его составляющихъ, и давая ему твердую точку опоры и опредѣляя починный пунктъ новаго направленія; соглашаясь съ редакторами Наполеонова кодекса, что кодексы, сами по себѣ, недостаточны и что помощь науки, далеко не будучи безполезною или вредною, напротивъ того, необходима для ихъ примѣненія на столько же на сколько она нужна была при ихъ составленіи; усвоивая, продолжаю я, такое понятіе о кодификаціи, и, отстраняя взглядъ противниковъ о томъ, что кодексы должны оказывать вредное вліяніе на науку права, придется, напротивъ того, признать на сколько такое вліяніе можетъ и должно быть благотворнымъ.

Въ этой системѣ, отводимое для науки мѣсто достаточно хорошо: дѣйствіе ея не ограничивается настоящимъ: она сообщаетъ жизненную силу и разъясняетъ не только дѣйствующее право, но способствуетъ непрестанно къ образованію будущаго права. Кодексы не разсматриваются какъ сборники положеній, составляющихъ послѣднее слово права; они не сковываютъ цѣпями юридическую дѣятельность въ нѣдрахъ націи; и эта невидимая сила, непрерывно дѣйствующая, рѣшаетъ участь плохихъ законовъ и пріуготовляетъ новые, она поддерживается научными источниками и изъ нихъ почерпаетъ свою энергію.

Наука, такимъ образомъ, сохраняя свое мѣсто въ правѣ,

благопріятствуетъ развитію сего послѣдняго всѣми ея отраслями: гражданскимъ правомъ или положительнымъ правомъ, философіею, исторіею....; ни одна изъ нихъ не исключается и всѣ онѣ дружно содѣйствуютъ общему дѣлу прогресса. Поэтому единственно, что кодексы, дѣйствительно, суть дѣло времени, что они имѣютъ свое прошедшее, участвовавшее въ ихъ образованіи, необходимо для ихъ пониманія изучать это прошедшее. Вслѣдствіе того, что національное право народа выраженное въ кодексахъ, представляется ничѣмъ другимъ какъ примѣненіемъ, въ особенныхъ формахъ и установленіяхъ, вѣчныхъ принциповъ, управляющихъ человѣкомъ и человѣческими обществами, для осуществленія цѣлей, предназначенныхъ каждому изъ нихъ Провидѣніемъ; философія освѣщаетъ свѣтомъ этихъ принциповъ и благопріятствуетъ прогрессивному развитію права.

Да позволено намъ будетъ при этомъ сослаться на мнѣніе двухъ авторовъ—юрисконсультовъ и главныхъ представителей соперничающихъ школъ, школы догматической и школы исторической въ доказательство, съ одной стороны, что кодификація, по словамъ наиболѣе ученыхъ приверженцевъ ея, не устраняетъ исторической науки, и съ другой стороны, что принципы исторической школы, въ дѣлѣ кодификаціи, не отвергаютъ и не исключаютъ философію права.

Вотъ какимъ образомъ Тибо, *) самый блестящій защитникъ кодификаціи, выражался по поводу историческаго изученія права. По изложеніи протеста противъ притязаній нѣкоторыхъ доктринъ, касающихся науки права, на исключительное наименованіе ихъ *историческою школою*, онъ восклицаетъ: «потому что человѣкъ желаетъ преобразованій, долженъ ли онъ, по этой только причинѣ, отказаться отъ изученія прошедшаго? И когда рѣчь идетъ о новыхъ законахъ, возможно ли что бы его злой геній подсказалъ ему, что для лучшаго ихъ уразумѣнія, не слѣдуетъ прибѣ-

*) *Uber die sogenante historische und nicht historische Rechtschule*, Heidelberg, 1838. стр. 17, 18, 19, 20, 22.

гать къ древнимъ законамъ? Найдется ли хотя одинъ изъ нынѣ живущихъ юристовъ, на сколь бы мало ни былъ разсудителенъ, который подъ предлогомъ лучшаго будущаго, отказался во всемъ отъ знанія настоящаго? Я не знаю ни одного такого. И вотъ люди много трудящіеся надъ приготовленіемъ новыхъ кодексовъ стараются исторически объяснить, дать себѣ отчетъ посредствомъ исторіи о томъ что существуетъ, именно, по германскому гражданскому и уголовному праву; и когда меня желаютъ выставить, потому что я первый возвысилъ голосъ въ пользу лучшаго будущаго кодификаціи, какъ человѣка, не обращающаго никакого вниманія и враждебно относящагося къ древнему праву, то этимъ совершаютъ неправду, которая осталась бы непонятною, еслибы не были извѣстны злыя побужденія нѣкоторыхъ людей, такимъ образомъ поступающихъ..... Только вслѣдствіе самой низкой клеветы могло пасть на меня обвиненіе, что я порицатель исторіи права. Не я ли тридцать одинъ годъ тому назадъ открылъ Гейдельбергскій юридическій временникъ статьею, стяжавшею полное сочувствіе Гейне, и въ которой я сильно настаивалъ на томъ, чтобы оставить сухой догматизмъ и къ Институціямъ присоединить внутреннюю исторію права? Это то, что позже я постоянно самъ дѣлалъ въ моихъ лекціяхъ Пандектъ, дополняемыхъ посредствомъ историческихъ свѣденій, и это методъ, которому впослѣдствіе подражали самые знаменитые профессоры». Далѣе Тибо передаетъ что Макельдей (Mackeldey), всегдашній приверженецъ догматическаго метода, шесть лѣтъ ранѣе того писалъ ему что онъ имѣлъ намѣреніе включить въ свой учебникъ внутреннюю исторію..... но что наиболѣе трогательнаго въ этомъ сочиненіи, это разсказъ одного анекдота, относящагося до примиренія Тибо съ Нибуромъ, когда первый объяснялъ своему другу что онъ никогда не былъ, какъ это полагали его клеветники, врагомъ римскаго права и исторіи права. „Почему я собираю, продолжаетъ онъ, съ искреннею признательностью всѣ истинно полезные и часто весьма основательные труды, изданные въ послѣднее время по исторіи права. И надобно прежде лишиться разсудка

чтобы не признать того воздѣйствія, которое они оказали на положительное право... И такъ въ научныхъ трудахъ господствуетъ движеніе, особенная жизнь, которой я желаю долголѣтія. Никто болѣе меня не слѣдилъ за новою юридическою литературою и это могутъ засвидѣтельствовать мои ученики, которыхъ я стараюсь всѣми силами познакомить съ новѣйшими трудами."

Въ свою очередь, Савиньи *) доказалъ что право каждаго народа состоитъ изъ двухъ элементовъ, индивидуальнаго и частнаго и общаго, основаннаго на общей природѣ человѣчества, и что эти два элемента получили научное признаніе и въ исторіи и въ философіи, выражается слѣдующимъ образомъ: „Въ числѣ писателей старавшихся проникнуть въ существо права, многіе въ немъ усматривали абсолютную идею, не смущаясь формами въ которыя оно облекается въ его реальномъ приложеніи и вліяніемъ этихъ формъ. И тѣ даже которые избрали реальность права предметомъ своихъ изслѣдованій, пришли къ воззрѣніямъ исключительнымъ и неполнымъ; такъ, одни изъ нихъ, разсматриваютъ содержаніе права какъ нѣчто безразличное и случайное, другіе же надъ положительнымъ правомъ ставятъ абсолютное и нормальное право, пригодное для всѣхъ народовъ и могущее замѣнить національное. Если послѣдніе сводятъ право на степень безжизненной абстракціи, то первые игнорируютъ достоинство его назначенія. Чтобы избѣжать этой двоякой опасности указываютъ для права общую цѣль, исторически осуществляемую каждымъ народомъ. Если оживленные дебаты, вызванные этимъ споромъ, открыли истину во всемъ ея блескѣ, то тѣмъ не менѣе, часто, одинъ изъ этихъ двухъ элементовъ, въ пылу полемики, приносимъ былъ въ жертву другому; нельзя же отрицать, что въ изслѣдованіи направленномъ, повидимому, къ частностямъ, невозможно уразумѣть общаго и высшій смыслъ институтовъ права; точно также понятно, что общее изслѣдованіе можетъ быть одушевлено пониманіемъ исторической жизни народовъ. Устраняя все что зависитъ отъ духа партій, дѣла празднаго и пре-

*) *Traité du droit romain*, T. I стр. 49 и слѣд.

ходящаго, и обращаясь къ научному движенію нашего времени, съ удовольствіемъ можно усмотрѣть что противоположныя мнѣнія стремятся сблизиться между собою и что мы находимся на пути прогресса.“ Затѣмъ, знаменитый юрисконсультъ присовокупляетъ: „Общая цѣль права вытекаетъ изъ нравственнаго закона человѣка съ точки зрѣнія христіанской. Потому, что христіанство не становится только правиломъ для нашихъ дѣйствій; фактически, оно обновило человѣчество и глубо коренится во всѣхъ нашихъ идеяхъ, даже такихъ, которыя кажутся наиболѣе чуждыми ему и наиболѣе враждебными. Признать такую общую цѣль права не значитъ еще отнести его къ болѣе обширной области и лишить его самостоятельности; право составляетъ спеціальный элементъ содѣйствующій къ достиженію общей цѣли и господствуетъ независимо на всемъ пространствѣ круга его дѣйствія; такимъ образомъ, ставя его въ соотношеніе со всеобщностью вещей, этимъ только оно возводится на степень высшей правды. Эта цѣль достаточна для права....“ И да не подумаютъ что Савиньи признаетъ бытіе двухъ элементовъ только съ точки зрѣнія умозрительной, нѣтъ, онъ дѣлаетъ изъ нихъ практическое примѣненіе и указываетъ на вліяніе каждаго изъ нихъ и оканчиваетъ слѣдующими словами: „Бытіе двухъ элементовъ: общаго и индивидуальнаго въ положительномъ правѣ однажды доказанное, новое поприще открывается для законодательства. И дѣйствительно, такъ какъ прогрессъ права зависитъ отъ взаимодѣйствія этихъ двухъ элементовъ, законодатель долженъ имѣть въ виду общую цѣль и постоянно къ ней приближаться, не посягая однако же на энергію индивидуальной жизни. На этомъ пути не мало представляется недостатковъ, которые приходится пополнить, множество препятствій, которыя слѣдуетъ устранить, и законодательная власть можетъ оказать самую благотворную помощь незамѣтному дѣйствію народнаго духа. Но довольно трудно при этомъ избѣжать произвола и исключительныхъ стремленій, могущихъ прекратить жизнь и развитіе права.“ Быть можетъ я слишкомъ пространно процитировалъ это мѣсто изъ Савиньи—но

это потому, что оно служитъ вполнѣ отвѣтомъ на нападки, которые дѣлались и дѣлаются еще со многихъ сторонъ на историческую школу и на его главу за отвращеніе къ философіи права *). Эта цитата, въ то же время, доказываетъ, что совмѣстно съ законами или кодексами, философія можетъ оказывать благодѣтельное вліяніе на прогрессивное развитіе права.

Это, сверхъ того, то что утверждали редакторы Наполеонова кодекса, говоря, что когда нѣтъ руководства состоящаго въ томъ, что уже установлено или извѣстно, когда дѣло касается факта совершенно новаго, тогда восходятъ къ принципамъ естественнаго права, этого права, которое они опредѣляли: *всеобщимъ разумомъ, верховнымъ разумомъ основаннымъ на природѣ вещей, разумомъ управляющимъ неопредѣленно всѣми людьми.* Это еще то, что они ясно давали понимать относительно исторической части права, представляя кодексъ не столько новымъ произведеніемъ, но скорѣе какъ дѣло согласованія письменнаго и обычнаго права, всякій разъ когда это согласованіе было возможнымъ, не разрушая единства системы и не становясь въ разрѣзъ съ общимъ разумомъ, и это положеніе примѣнили въ практикѣ: „полезно сохранить то, чего нѣтъ надобности уничтожить: законы должны щадить обычаи, когда эти обычаи не составляютъ пороковъ". Сохраняя въ значительной части въ нашихъ кодексахъ древнее право провинцій, гдѣ было письменное право и провинцій обычнаго права, они не только сдѣлали полезными, но и необходимыми историческія изслѣдованія, для уразумѣнія настоящаго нашего права **).

---

*) См. именно Лерминье, Introduction générale á l'histoire du droit, второе изданіе, стр. 25.

**) Мы не станемъ опровергать здѣсь мнѣніе, высказанное Мейеромъ противъ пользы исторіи права, когда существуютъ кодексы; мы это уже сдѣлали въ нашемъ небольшомъ сочиненіи: Sur *l'Etude et l'enseignement de l'histoire du Droit en France.* Впрочемъ лучшимъ опроверженіемъ этого мнѣнія можетъ служить все то, что оно заключаетъ въ себѣ ложнаго въ словахъ самого же Мейера, когда онъ обращаясь къ

Это согласіе редакторовъ нашихъ кодексовъ и главныхъ представителей новой школы, которое мы могли констатировать по многимъ предметамъ, относящимся до законода-

---

обсужденію возможности кодификаціи въ Англіи, излагаетъ истинныя начала въ дѣлѣ кодификаціи и выражается слѣдующимъ образомъ: „Далеко не воспрещая ссылокъ на древніе законы, мы находимъ, напротивъ, ихъ особенно полезными для доктрины, съ цѣлью облегчить, разъяснить и регулировать смыслъ, въ которомъ новый кодексъ должно понимать, толковать и примѣнять. Если законъ продолжилъ дѣйствіе древнихъ положеній, то ничто не можетъ лучше раскрыть истинное намѣреніе законодателя, какъ сравненіе ихъ съ тѣми, которыя были установлены или приняты ранѣе; если онъ измѣнилъ, отмѣнилъ или совершенно уничтожилъ эти положенія, весьма важно ихъ хорошо знать со всѣми ихъ послѣдствіями, для того, чтобы прослѣдить результаты, порождаемые новымъ закономъ на основаніи примѣненій древняго, извѣстныхъ старой судебной практикѣ; для того чтобы предусмотрѣть и заблаговременно приготовиться къ могущимъ возникнуть изъ тѣхъ измѣненій и отмѣнъ послѣдствій, соображаясь съ болѣе отдаленными результатами, къ которымъ примѣнялся прежній законъ. Не говоря о временныхъ вопросахъ и частныхъ случаяхъ, въ которыхъ приходится опредѣлить, при дѣйствіи новаго закона, какое должно имѣть послѣдствіе то, что было начато или совершено при господствѣ прежняго закона, знаніе отмѣненныхъ законовъ будетъ въ высшей степени полезно для доктрины, которое хотя и не можетъ быть обязательнымъ ни для сторонъ, ни для судьи, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно важно для руководства изслѣдованій того, кто рѣшаетъ вопросъ о примѣненіи закона. Насколько древнее право подверглось практической разработкѣ, составляло предметъ тщательнаго изученія комментаторовъ и юрисконсультовъ, отличалось опытною зрѣлостью, измѣнялось и примѣнялось въ судебныхъ рѣшеніяхъ, и этимъ путемъ достигло систематическаго совершенства, которое не только привело въ извѣстность всѣ положенія, но и указало группы принциповъ, подъ которые должны быть подведены тѣ положенія, на столько это древнее право легко и съ пользою можетъ послужить основаніемъ доктрины новой юриспруденціи. Это одно изъ величайшихъ преимуществъ римскаго права *(Codification*, стр. 254—255)". Въ виду столь ясныхъ заявленій, чѣмъ должны считаться разсужденія, подобныя слѣдующимъ: что примѣненіе исторіи къ законодательству не *облегчая* познанія положительнаго права, предполагаетъ таковое.... (стр. 10); что историческое изслѣдованіе обычая, обращеннаго въ законъ, не имѣетъ *значенія* для того кто желаетъ изучить право? (стр. 26).

тельства и кодификаціи, нисколько насъ не могло бы удивить, потому что начала, которыхъ придерживаются и тѣ и другіе, тождественны съ началами исторической школы, блестяще развившейся во Франціи, и считающей ихъ своими учениками. Можно только основательно удивляться, что это согласіе было игнорируемо Савиньи, вслѣдствіе чего ученый романистъ не могъ тотчасъ, какъ это слѣдовало бы съ его стороны, оцѣнить труды составителей нашихъ кодексовъ и принципы, которыми они руководствовались *)

Нынѣ день справедливости кажется наступилъ и уже повидимому все это лучше понимается: „и составители кодекса, говорится въ Traité du droit romain, не желали уничтожить прежнюю юриспруденцію, и, безъ сомнѣнія они разсчитывали на продолжительность ея дѣйствія, когда столь кратко излагали многіе, чрезвычайно важные предметы права. Ожиданія ихъ не были обманчивы: новая литература столь тѣсно связана съ предшествовавшею, что трудно представить что ихъ раздѣлило великое событіе—изданія кодекса. Изъ всѣхъ элементовъ общественной жизни, гражданское право, быть можетъ, революціею наименѣе потрясено и измѣнено". Во всякомъ случаѣ, въ означенномъ сочиненіи еще нѣчто остается отъ старыхъ предразсудковъ, потому что, нѣсколько строкъ выше мною приведенныхъ, Савиньи не смущается воззрѣніемъ на гражданскій кодексъ, какъ естественное послѣдствіе революціи, которая, по словамъ его, стремилась уничтожить древніе институты и именно потому, что, преимущественно, отличалась характеромъ разрушительнымъ. Заблужденіе и несправедливость! потому что если и существуетъ доказанная истина для тѣхъ, кто изучаетъ исторію нашего національнаго права, истина достаточно подтверждаемая его ходомъ, то это то, что Наполеоновъ кодексъ составляетъ естествен-

---

*) См. Савиньи *Von Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft*, § 7, стр. 55 и слѣд. Мейеръ защищалъ французскіе кодексы въ своемъ III письмѣ. *Codification*, стр. 153 и слѣд. См. что мы сами высказали по этому предмету въ нашемъ соч. *Sur l'Etude et l'enseignement de l'histoire du droit en France, ubi supra*, стр. 174.

ный результатъ прогрессивнаго развитія французскаго права, результатъ, исподоволь подготовленный всякаго рода трудами, вызванный волею нашихъ величайшихъ Государей, нашихъ наиболѣе знаменитыхъ юрисконсультовъ и которому несомнѣнно благопріятствовала революція новыми принципами, введенными ею въ наше право, и отмѣною прежнихъ, право, которому она помогла образоваться, устранивъ послѣднія къ тому препятствія и, такъ сказать, содѣлавъ его возможнымъ и даже необходимымъ. Но въ 1814 г. понадобилось подорвать уваженіе къ нашимъ кодексамъ, и игнорируя ихъ прошлое, выставить йхъ какъ произведеніе революціонное и исключительно политическое.

Да простятъ мнѣ это небольшое отступленіе по поводу сравненія мнѣній Савиньи и составителей Наполеонова кодекса, давшее мнѣ возможность указать на нѣкоторые несправедливые нападки, которымъ подвергалась наша кодификація. Возвращаюсь къ вопросу, мною разсматриваемому.

Послѣ всего мною изложеннаго, надѣюсь, согласятся со мною, что кодификація, надлежащимъ образомъ осуществленная, не отвергаетъ науки, постоянно воздѣйствующей на законодательство для примѣненія его положеній, для примѣненія его въ случаѣ надобности, для его усовершенствованія и постоянно имѣетъ вліяніе на него. Но, быть можетъ, мнѣ возразятъ, что если наука при существованіи кодексовъ и не переходитъ въ область чистой абстракціи, не низводится на степень роли, практически безполезной, то по крайней мѣрѣ дѣйствіе ея чрезвычайно ограниченное, она прикована къ текстамъ, движеніе ея совершается въ границахъ легальности; она болѣе не пользуется свободною энергіей, ей недостаетъ одного изъ условій ея развитія, а слѣдовательно для благотворнаго вліянія, которое она могла бы оказывать. Въ томъ и другомъ случаяхъ, совершенно справедливо вы разиться о юрисконсультахъ: *tanquam vinculi sermocinantur*. Впрочемъ все это возможно при условіи составленія кодексовъ на основаніи тѣхъ идей, которыя мы отвергли, противъ этого мы и не споримъ; но относительно кодексовъ, такихъ какъ мы ихъ понимаемъ, относительно нашихъ кодексовъ, мы

вправѣ сказать, что тексты законовъ ни въ какомъ случаѣ не составляютъ формулъ, предназначенныхъ къ закрѣпощенію науки; далеко не такъ. Констатируя добытые результаты, онѣ служатъ для науки точками отправленія или точками опоры для достиженія новыхъ усовершенствованій, новыхъ результатовъ. Въ доказательство по этому предмету я приведу изъ древняго и новаго права два примѣра, по мнѣнію моему, удовлетворительные.

Когда Сальвіемъ Юліаномъ составленъ былъ вѣчный эдиктъ, который, полагаю это доказано мною, былъ не что иное какъ кодификаціонное произведеніе, то замедлилось ли прогрессивное движеніе юриспруденціи, затормозилось ли или уменьшилось воздѣйствіе науки на право? Въ отвѣтъ на подобный вопросъ стоитъ лишь припомнить, что, именно позже этой кодификаціи, величайшіе римскіе юристы издали свои неподражаемыя сочиненія, эти безсмертные памятники юридической науки, дошедшіе до насъ, и изъ которыхъ многіе составляютъ комментаріи вѣчнаго эдикта.

Въ наши дни кодексы, неоспоримо отличающіеся такимъ характеромъ, заградили ли путь къ усовершенствованію науки права, послужили ли препятствіемъ къ появленію нѣкоторыхъ сочиненій, составляющихъ эпоху въ исторіи науки? Нисколько. Такъ, намѣренно ограничиваясь примѣромъ, заимствуемымъ мною у чужой страны тогда какъ я могъ бы много взять у своей, что прусскій кодексъ нисколько не помѣшалъ Савиньи издать его великое изслѣдованіе дѣйствующаго римскаго права, не историческое изслѣдованіе, но изслѣдованіе относящееся до общаго права, нынѣ дѣйствующаго. *)

*) Вотъ что высказываетъ по этому предмету самъ Савиньи:

«Исключительный характеръ этого кодекса далъ, въ формальномъ отношеніи, новое основаніе для положительнаго права, потому, коль скоро изданы были тексты, примѣненіе римскаго права стало, по неволѣ, невозможнымъ; но что касается существа, то правила и принципы, вытекающіе изъ прежнихъ источниковъ права, сохранились и въ новыхъ законахъ. Для полнаго ихъ упраздненія, необходимо обращаться къ первоначальному ихъ источнику. Глубокое изученіе древнихъ источ-

Такіе примѣры весьма кстати для того, чтобы увѣрить насъ относительно вліянія кодификаціи, въ прошедшее, настоящее и будущее время, и если бываютъ моменты упадка и безплодности науки, то очевидно что не кодификацію въ этомъ слѣдуетъ обвинять. Несомнѣнно, что съ изданіемъ кодексовъ, основанія и точки опоры для науки измѣняются, и вотъ она проходитъ моменты сомнѣнія, неопредѣленности, колеблется въ отысканіи для себя пути; но разъ послѣдній найденъ, формулы закона не могутъ остановить ея дальнѣйшаго развитія.

Итакъ упадокъ науки слѣдуетъ относить, подобно другимъ бѣдствіямъ, къ его истинной причинѣ: къ ложнымъ понятіямъ о кодификаціи, или къ недостатку въ настоящихъ юрисконсультахъ, но не должно его приписывать самой кодификаціи. Не думаютъ ли что геній римскихъ юрисконсультовъ застрялъ бы въ формулахъ нашихъ кодексовъ? *)

Послѣ этого постараемся же исправить ложныя понятія весьма распространенныя; постараемся, возстановить честь науки, которою особенно нѣкогда славилась Франція, и ко-

---

никовъ права не сдѣлалось слѣдовательно безполезнымъ, какъ многіе напрасно этимъ восхвалялись. Это и послужило для меня мотивомъ избрать современное римское право предметомъ этого сочиненія; если оно найдетъ прямое примѣненіе въ странахъ, гдѣ еще древніе источники права сохраняютъ силу, то, сверхъ того, послужитъ къ болѣе глубокому познанію новыхъ кодексовъ, и изученіе его останется навсегда источникомъ для усовершенія науки и практики, съ нею связанной.» *Traité de droit romain*, т. I, стр. 100 и 101.

*) Дѣйствительно Мейеръ *(Codification,* стр. 52—60) полагаетъ, что римскіе юрисконсульты и магистраты слѣпо придерживались буквы законовъ, и что именно объ нихъ можно сказать: *Tanquam è vinculis sermocinantur.* Въ доказательство этого положенія, онъ цитируетъ различныя *фикціи,* посредствомъ которыхъ они обходили тексты законовъ; *querela inofficiosi testamenti, actiones utiles....* Лучше нельзя было выбрать примѣровъ, потому что посредствомъ ихъ безпорно доказывается, что римскіе юрисконсульты, несмотря на существованіе текстовъ, къ которымъ они питали глубокое уваженіе, тѣмъ не менѣе далеко не были ими связаны, а находили, напротивъ того, средства избавляться отъ этой зависимости.

торая, не рѣшаюсь здѣсь заявить. и нынѣ въ ней находится въ самомъ блестящемъ состояніи, имѣетъ хорошихъ юрисконсультовъ и наука пойдетъ свой дорогою, не помимо кодексовъ, но при ихъ помощи.

Обращая, съ одной стороны, наши взоры на европейскія государства, имѣющія нынѣ кодексы, и въ которыхъ съ тѣхъ поръ научная работа не прерывалась, но и еще усилилась съ новою энергіею, мы въ этомъ усматриваемъ неопровержимое доказательство по этому предмету; съ другой стороны, устремляя наши взоры къ націи, о которой я говорилъ въ началѣ этого сочиненія, и которая отличается отъ другихъ современныхъ націй отсутствіемъ всякой кодификаціи, мы находимъ въ этомъ подтвержденіе того, что научная жизнь въ сферѣ права нисколько не дѣятельнѣе и не производительнѣе въ странахъ, не имѣющихъ кодексовъ, сравнительно съ тѣми гдѣ они существуютъ; для этого достаточно сопоставить изданные въ разныхъ странахъ юридическіе труды.

Изъ этого сопоставленія получается доказательство того факта, что во всѣхъ странахъ, гдѣ существуютъ кодексы, въ Германіи (Пруссія, Австрія, Баварія), въ Голландіи, во Франціи, Испаніи, Италіи, наука реализируетъ успѣхи, обнаруживаемые многочисленными трудами по различнымъ отраслямъ права и преподаваніемъ *), тогда какъ въ Англіи придерживаются до сего времени, что касается доктрины, старыхъ сочиненій Соке, Blackstone, Sullivan, Woodeson, которыя стараются обновить посредствомъ многочисленныхъ изданій съ новыми примѣчаніями; что же касается преподаванія, за исключеніемъ немногихъ каѳедръ, мало имѣющихъ слушателей, оно подобно ремесламъ и коммерціи, находится въ рукахъ практиковъ **) Безъ сомнѣнія, есть нѣсколько уче-

*) См. по этому предмету Варнкенига, *Juristische Encyclopoedie* стр. 340 и слѣд. Erlangen, 1853; и *Kritsche Zeitschrift für Rechtswissenschaft und Gesetzgebung des Auslandes.* Митермайера и Моля, passim.

**) См. свѣдѣнія по этому предмету собранныя Митермайеромъ, въ критическомъ журналѣ законодательства и науки права въ иностранныхъ государствахъ, т. XX, стр. 130 и Темисъ (Themis) IV, стр. 204.

ныхъ и нѣсколько научныхъ сочиненій, изданныхъ особенно въ Шотландіи; но это весьма рѣдкія исключенія, доказывающія своею малочисленностью насколько научное движеніе вяло и какъ мало оно насчитываетъ своихъ представителей. *)

Послѣ сдѣланныхъ усилій чтобы ее понять, не станемъ же во имя науки, предавать анаѳемѣ кодификацію, которая не есть дѣло единичныхъ силъ человѣка, одной эпохи, но результатъ прогрессивнаго юридическаго развитія французскаго народа и одно изъ самыхъ знаменательныхъ выраженій его духа и его цивилизаціи. Направимъ же наши силы, напротивъ того, къ тому, чтобы посредствомъ науки, нашъ кодексъ и въ настоящее и въ будущее время принесъ всѣ благотворные плоды, какихъ можно отъ него ожидать.

---

*) Я этимъ нисколько не намѣренъ утверждать, чтобы въ Англіи не было отличныхъ юристовъ, безспорно заслуживающихъ уваженія и ученыхъ. Но къ несчастію законодательство находится въ такомъ состояніи, что оно недоступно для научнаго изученія и что самыя лучшія силы затрачиваются на удовлетвореніе потребностей и разрѣшеніе затрудненій въ его примѣненіи или въ практикѣ. Высшіе умы задавались мыслью, подобному тому какъ это было и въ другихъ частяхъ Европы, о необходимости кодификаціи, кодификаціи, какъ средства для того, чтобы выдраться изъ этого застоя, этого хаоса; сдѣлано было нѣсколько опытовъ классификаціи нѣкоторыхъ частей Англійскаго права; но время кодификаціи, предвѣстниками которой она является, еще не наступило; мы знаемъ то, что служило къ подготовкѣ и къ открытію возможности изданія у насъ кодексовъ, Можетъ быть тѣми же путями и достигнутъ осуществленія этой реформы, одной изъ величайшей, но вмѣстѣ съ тѣмъ самой трудной и глубокой для реализаціи въ этой странѣ, гдѣ въ наше время совершено уже такъ много другихъ преобразованій. См. Мейера, *De la codification en général et de celle de l'Angleterre en particulier*, предисловіе, I и IV письмо.

О формѣ университетскаго преподаванія науки права. *)

Преподаваніе науки права въ университетахъ совершается обыкновенно въ формѣ лекцій и практическихъ упражненій. Форма эта, практиковавшаяся уже въ юридическихъ школахъ Римской Имперіи—въ Беритѣ, Константинополѣ и Римѣ, получила свою опредѣленность и твердость въ средніе вѣка въ первыхъ университетахъ, укрѣпилась впослѣдствіи долговременною практикою другихъ университетовъ и сохранилась до сихъ поръ. Указать хотя вкратцѣ на значеніе этой формы я считаю не безполезнымъ въ виду слушателей, желающихъ себя посвятить изученію науки права. Обращаясь къ нашей университетской жизни или, лучше сказать, къ жизни нашего юридическаго факультета наше вниманіе останавливается между прочимъ на слѣдующемъ явленіи: между нашими студентами-юристами замѣчается слабое посѣщеніе лекцій и отсутствіе сознанія необходимости записывать ихъ. По воззрѣнію большинства студентовъ нѣтъ необходимости посѣщать лекцій, ибо онѣ излишни и безъ нихъ можно обойтись, достаточно ограничиться чтеніемъ однихъ книгъ и литографированныхъ записокъ; меньшинство же если и посѣщаетъ лекціи, то считаетъ обыкновенно безполезнымъ для себя записывать ихъ.

---

*) Лекція читанная студентамъ 1-го курса юридическаго факультета Московскаго университета 1-го сентября 1876 г.

Мнѣ кажется, что такое воззрѣніе основано на заблужденіяхъ и дѣйствительно въ концѣ концевъ ведетъ къ тому, что студенты ни книгъ не читаютъ, ни лекцій не усвоиваютъ. По моему мнѣнію и общему опыту, посѣщеніе лекцій и записываніе ихъ составляютъ главное и существенное условіе, при которомъ можетъ происходить успѣшное изученіе науки права, ибо лекціи наряду съ практическими занятіями представляютъ ту наиболѣе пригодную форму, въ которой удобнѣе и легче учить и учиться юриспруденціи. *)

Что же именно придаетъ значеніе лекціямъ, чѣмъ объясняется ихъ сила и необходимое ихъ существованіе въ университетахъ и какое должно быть къ нимъ отношеніе студентовъ?

Лекціи имѣютъ значеніе и необходимы, во 1) потому, что онѣ способны не только замѣнить цѣлый рядъ учебниковъ, руководствъ и всякихъ другихъ пособій, но и даютъ многое, чего въ книгахъ учащійся не найдетъ. Профессоръ излагаетъ свою лекцію, имѣя въ виду все лучшее въ ученой и учебной литературѣ и все имѣющее научное значеніе, отбрасывая всю дребедень и весь хламъ; профессоръ далѣе излагаетъ всѣ новые результаты науки, все добытое его собственнымъ мышленіемъ, его собственными изслѣдованіями и открытіями. Такимъ образомъ прослушавши три, четыре лекціи въ день, учащійся пріобрѣтаетъ гораздо больше изъ содержанія науки, чѣмъ онъ могъ бы пріобрѣсти самъ за то же время при чтеніи книги, не говоря уже о томъ, что многаго въ ней онъ можетъ не найти.

Лекціи необходимы, во 2) потому, что онѣ по своей словесной формѣ скорѣе способны пробудить въ слушателяхъ вниманіе, поддерживать и питать его. Прослушанное нами, имъ извѣстно, сильнѣе и живѣе запечатлѣвается въ нашей памяти. Живое слово, сказанное профессоромъ подъ вліяніемъ если не увлеченія, но стремленія къ истинѣ, любви къ своему предмету, глубоко западаетъ въ душу слушателя, волнуетъ ее, наталкиваетъ на новыя мысли, заставляетъ думать,

*) См. Ortloff, Methodologie. 1863. §§ 26—28.

побуждаетъ искать разрѣшенія томящихъ его вопросовъ или успокоиваетъ его, давая ему провѣренное, обдуманное, основательное рѣшеніе подобныхъ вопросовъ. Въ живомъ словѣ профессоръ можетъ направить особенное вниманіе слушателя на тѣ или другія положенія, которыя при чтеніи книги могли бы остаться незамѣченными, удареніемъ голоса придать значеніе тѣмъ или другимъ словамъ, выражающимъ рельефно данную мысль, можетъ болѣе оживить свое изложеніе многими примѣрами изъ практической жизни, которые въ книгѣ не могли бы найти себѣ мѣста. Живое слово развиваетъ далѣе нашу воспріимчивость, установляетъ духовное общеніе между профессоромъ и учащимся. По всему этому не безъ основанія говорятъ: vox viva docet въ противоположность книжному обученію, обученію по мертвой буквѣ. Эту сторону, это свойство университетскихъ лекцій лучше всего изображаетъ знаменитый юристъ Савиньи, ученость и талантъ котораго извѣстны всѣмъ. Онъ доказываетъ преимущество лекцій передъ книжнымъ обученіемъ слѣдующимъ образомъ: «писатель обращаетъ свою рѣчь ко всѣмъ, кто принимаетъ участіе въ его наукѣ, къ настоящимъ и будущимъ, безъ различія ихъ степени развитія. Такая всеобщность и неопредѣленность, въ какой находится вся эта публика къ душѣ сочинителя, неизбѣжно придаетъ такой же всеобщій характеръ и его труду. Его сочиненіе имѣетъ цѣну на столько, на сколько черезъ него пріобрѣтается новый вкладъ для основанія или развитія науки. Оно принимается во вниманіе только какъ единичный фактъ въ исторіи этой науки, а самый писатель является лишь органомъ того мыслящаго духа, которымъ движется наука впередъ. Такимъ образомъ все содѣйствуетъ тому, чтобы отдалить отъ взоровъ читателя личность писателя и особый путь его индивидуальнаго развитія. Совершенно другое съ университетскимъ преподавателемъ. Онъ имѣетъ передъ собою извѣстное число опредѣленныхъ, лично ему знакомыхъ индивидовъ, всѣ они находятся приблизительно на одинаковой ступени развитія, данной науки въ дѣйствительности еще не знаютъ, но всѣ полны свѣжей, неистощенной еще силы. Для нихъ

наука, на сколько она развилась въ данный моментъ, должна, такъ сказать, олицетвориться въ преподавателѣ, все, что вырабатывалось въ теченіе долгаго времени и весьма медленно, преподаватель долженъ на столько живо сосредоточить въ себѣ, чтобы можно было произвести такое-же впечатлѣніе, какъ бы наука возникла въ его духѣ въ настоящій моментъ и разомъ. Потому именно, что преподаватель непосредственно представляетъ наглядным образомъ генезисъ научнаго мышленія, и въ слушателѣ пробуждается родственная духовная сила и онъ получаетъ толчекъ къ репродукціи; слушатель не только будетъ учиться и воспринимать, но живымъ образомъ перерабатывать все то, что ему было наглядно изложено въ живомъ развитіи. Изъ опыта мы знаемъ, что при книжномъ обученіи намъ часто приходится встрѣчать воззрѣнія или факты хотя довольно ясные и убѣдительные, но они не запечатлѣваются въ насъ на долго, между тѣмъ какъ тѣ же мысли при благопріятномъ расположеніи нашего духа воспринимаются его продуктивною силою и мы ихъ ассимилируемъ и усвоиваемъ. Такимъ образомъ то, что при книжномъ обученіи составляетъ результатъ совершенно субъективныхъ и случайныхъ обстоятельствъ, а иногда при этомъ много значитъ заслуга превосходнаго изложенія сочинителя, то все это при изустной формѣ изложенія можетъ и должно быть обыкновеннымъ результатомъ этой формы. Великое вліяніе этой формы можетъ проявляться при всѣхъ обстоятельствахъ, на то, что она связывается съ первымъ вступленіемъ въ науку, что ко всему этому присоединяется свѣжесть юношескаго возраста и взаимодѣйствіе всѣхъ, испытывающихъ одновременно одно и тоже впечатлѣніе, это придаетъ университетскому преподаванію высшее, ничѣмъ незамѣнимое достоинство (Savigny, wesen und werth der deutschen Universitäten; Ranke's historisch-politische Zeitschrift. 1832. p. 574).

Университетская лекція излагается обыкновенно въ акроаматической формѣ, т. е. профессоръ читаетъ, не прерывая своей рѣчи отвѣтами на вопросы и замѣчанія слушателей. Такая форма необходима по слѣдующимъ причинамъ: цѣль

лекцій—не только дать сумму свѣдѣній, но на сколько возможно возбудить въ слушателяхъ интересъ къ наукѣ, вызвать у нихъ извѣстные взгляды на предметъ, извѣстныя убѣжденія, обратить ихъ вниманіе на тѣ или другіе выводы науки, на процессъ развитія даннаго ученія, подѣйствовать живымъ словомъ на ихъ умъ и сердце, заставить ихъ какъ бы переживать вмѣстѣ съ профессоромъ данный рядъ мыслей. Такой цѣли можно достигнуть лишь при цѣльномъ, стройномъ и ничѣмъ непрерываемомъ чтеніи; только при этомъ условіи лекція можетъ имѣть значеніе и не пропадетъ безслѣдно. Кромѣ того перерывъ лекціи вопросами слушателей не допускается въ интересахъ экономіи времени какъ для учащихся, такъ и для профессора.

Хотя успѣхъ преподаванія много зависитъ отъ личности профессора, отъ его субъективныхъ свойствъ, отъ степени его научной подготовки, отъ количества и качества его знаній, но одно непреложное правило должно руководить при этомъ каждымъ профессоромъ: чтобы лекціи отличались стройною системою, ясностью, простотою и удобопонятностью. „Нельзя измѣрять достоинства профессора, говоритъ тотъ-же Савиньи, по тѣмъ открытіямъ, которыя онъ сдѣлалъ самъ въ наукѣ и которыя онъ обыкновенно сообщаетъ въ своихъ лекціяхъ. Хотя такая новизна содержанія поддерживаетъ и возвышаетъ живой интересъ къ лекціямъ въ самомъ профессорѣ и его слушателяхъ и повидимому содѣйствуетъ истинной цѣли, однако сама по себѣ эта новизна чужда научному интересу“. Лекціи, которыя предназначены знакомить съ предметомъ во всей его цѣлости, особенно должны быть свободны отъ новыхъ ученій, не получившихъ еще всеобщаго признанія, не получившихъ такъ сказать права гражданства. Такія новыя ученія должны составлять предметъ спеціальныхъ курсовъ. Профессоръ и ученый, дѣлающій открытія, хотя должны идти рука объ руку вмѣстѣ, но могутъ и не совпадать въ одномъ лицѣ. Какъ возможно представить себѣ превосходнаго профессора, не оказавшаго однако услугъ въ ученомъ отношеніи, не сдѣлавшаго никакихъ вкладовъ въ науку, такъ точно наука мо-

жетъ быть весьма благодарна иному ученому, который не берется за преподаваніе. Далѣе невозможно оцѣнивать достоинство профессора только по его блестящему, ораторскому изложенію лекцій. «Во всѣ времена, говоритъ Савиньи, были примѣры, что профессоръ, не смотря на свое блестящее ораторское искусство, не имѣлъ вліянія на своихъ слушателей и наоборотъ другіе профессора, которые едва могли правильно и безъ запинки произнести одно какое либо положеніе, пробуждали однако въ своихъ ученикахъ духъ науки». Это, конечно, объясняется силою ихъ творческаго духа и содержательностью ихъ чтеній, между тѣмъ какъ первые при всей легкости и плавности своей рѣчи не имѣли ничего другаго передать своимъ слушателямъ кромѣ пустыхъ, но звонкихъ фразъ. Слѣдовательно на одну внѣшнюю сторону лекціи невозможно обращать вниманіе; часто недостатокъ внѣшній выкупается богатымъ содержаніемъ. Если кто изъ учащихся желаетъ извлечь пользу изъ университетскихъ лекцій, то долженъ прослушать ихъ вполнѣ отъ начала до конца, ибо система науки состоитъ изъ тѣсно связанныхъ между собою основныхъ положеній, выводовъ исключеній и проч. и послѣдующія части болѣе или менѣе всегда тѣсно связаны съ предыдущимъ. Болѣе или менѣе продолжительный перерывъ посѣщенія лекцій часто дѣлаетъ вполнѣ невозможнымъ пониманіе послѣдующаго изложенія или весьма затрудняетъ, или производитъ недоразумѣніе. Если-же перерывъ по какимъ-либо обстоятельствамъ непремѣнно долженъ наступить, то университетская практика рекомендуетъ образовавшіеся пробѣлы восполнять или по надежнымъ запискамъ другихъ студентовъ или въ крайнемъ случаѣ прочитывать соотвѣтствующія части въ какомъ нибудь учебникѣ. Но одно посѣщеніе лекцій также мало приноситъ пользы; оно должно соединяться всегда съ живѣйшимъ вниманіемъ къ предмету и съ обдумываніемъ его во все продолженіе лекціи; и такъ какъ никто не можетъ положиться на свою память, то каждому учащемуся совѣтывается записывать лекціи, но при этомъ не слѣдуетъ рабски относиться къ формѣ, въ которой выражается та или дру-

гая мысль; каждый учащійся долженъ привыкать концентрироваться на главныхъ мысляхъ и отличать существенное отъ несущественнаго въ лекціи; совѣтывается далѣе записывать всѣ приводимые примѣры, потому что примѣры иногда выясняютъ наилучшимъ образомъ смыслъ извѣстнаго положенія.

Такое записываніе лекцій существенно необходимо по многимъ причинамъ: предметъ обыкновенно читается въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени, и притомъ одновременно студентъ слушаетъ нѣсколько предметовъ, поэтому одни понятія и впечатлѣнія совершенно безсознательно и незамѣтно для насъ мало по малу вытѣсняются другими изъ нашей памяти и такимъ образомъ происходитъ постоянная смѣна представленій въ нашей душѣ. Такая смѣна нашихъ представленій и взаимное вытѣсненіе, потемнѣніе ихъ въ нашемъ сознаніи имѣетъ важное послѣдствіе въ нашей психической жизни—забываніе и большую часть такихъ скрытыхъ представленій мы не всегда можемъ вызвать снова къ сознанію по нашему произволу. Что-бы восполнить этотъ недостатокъ нашей психической жизни, мы должны вообще сознаваемое переводить во внѣшній міръ, объектировать, выражать его внѣшними знаками. Сказанное относится также и къ лекціямъ, для того чтобы прослушанное мы могли лучше усвоить, для того чтобы оно могло дать твердую опору для дальнѣйшаго обдумыванія и размышленія надъ прочитаннымъ, для того наконецъ, что-бы мы могли прочитанное вызвать къ сознанію когда хотимъ, когда вздумается, необходимо записать прослушанное. Такое записываніе вначалѣ для непривычнаго бываетъ труднымъ, тяжелымъ, но впослѣдствіи благодаря навыку оно становится легкимъ и удобнымъ.

Записываніе лекцій приноситъ громаднѣйшую пользу. Оно уничтожаетъ разсѣянность, которая такъ часто наступаетъ, когда мы болѣе или менѣе продолжительное время слушаемъ одинъ и тотъ-же предметъ; оно приковываетъ наше вниманіе къ читаемому и содѣйствуетъ развитію нашего мышленія, мы пріучаемся обращать вниманіе на сущность сооб-

щеній и схватывать на лету чужія мысли. Оно даетъ намъ возможность глубже, полнѣе и легче усвоить прочитанное, что особенно оказывается важнымъ передъ экзаменами, когда нужно отдать себѣ отчетъ въ своихъ знаніяхъ и провѣрить свою умственную зрѣлость. Записываніе далѣе даетъ намъ возможность исправлять, а также дополнять мѣста, оставшіяся непонятными.

Записываніе лекцій находится въ тѣсной связи съ способомъ чтенія и преподаванія профессора. Профессоръ можетъ излагать свой предметъ въ скоромъ и быстромъ чтеніи, не обращать вниманія на то, въ состояніи-ли записывать за нимъ студенты или нѣтъ. При этомъ способѣ чтенія могутъ услѣдить и записать только немногіе слушатели, большинство-же оставалось-бы при одномъ пассивномъ воспринятіи лекціи, многіе даже не въ состояніи были-бы слѣдить за теченіемъ мыслей и ихъ связью. При этомъ способѣ чтенія одно рекомендуется слушателямъ: записывать только главныя мысли вкратцѣ и тѣ слова, которымъ профессоръ придаетъ особое значеніе и ихъ какъ-бы подчеркиваетъ, но затѣмъ тотчасъ послѣ лекціи нужно стараться по возможности воспроизвести все прослушанное. Такой способъ чтенія можно одобрить только для нѣкоторыхъ предметовъ.

Другой способъ чтенія состоитъ въ томъ, что профессоръ медленно излагаетъ краткія и сжатыя положенія, сопровождая ихъ болѣе подробными объясненіями въ скоромъ и быстромъ чтеніи. Эти положенія профессоръ можетъ брать или изъ учебника какого-нибудь или диктовать ихъ самъ, объясненіе-же можетъ давать до или послѣ прочтенія такихъ положеній. Но такой способъ чтенія также непригоденъ, потому что отнимаетъ слишкомъ много времени на диктантъ, затѣмъ слушатели обыкновенно сосредоточиваютъ свое вниманіе только на диктуемыхъ или указываемыхъ положеніяхъ, а объясненіямъ придаютъ второстепенное значеніе, между тѣмъ какъ наука можетъ и должна излагаться въ связномъ порядкѣ всѣхъ мыслей и частей предмета въ

полномъ ихъ развитіи, а не ограничиваться извѣстными положеніями.

Третій способъ чтенія, наиболѣе цѣлесообразный, принимающій во вниманіе интересы слушателей, состоитъ въ томъ, что профессоръ ведетъ свои записки или свой конспектъ, или подробную программу, выработанную въ извѣстной системѣ и, держась такой программы, конспекта или записокъ, излагаетъ свою лекцію мѣрною, нескорою рѣчью, иногда даже повторяя извѣстныя опредѣленія и основныя положенія и приводя по заключеніи какого-нибудь отдѣла или части резюме ея.

Кромѣ лекціи, университетское преподаваніе обнимаетъ собою еще такъ-называемые репетиторіи, которые предполагаютъ повтореніе извѣстныхъ прочитанныхъ частей какого-либо предмета. Повтореніе это можетъ происходить во 1) въ акроаматической формѣ, т.-е. самъ профессоръ излагаетъ прочитанный какой-либо отдѣлъ, не прерываясь въ своемъ чтеніи, во 2) въ формѣ катехетической, т.-е. въ вопросахъ и отвѣтахъ; въ этомъ случаѣ репетиторіи называются экзаменаторіями, или наконецъ въ 3) въ формѣ конверсаторій, т.-е. бесѣдъ между студентами и профессоромъ о различныхъ вопросахъ, относящихся къ пройденнымъ отдѣламъ. Первая форма мало приноситъ пользы, потому что она устраняетъ студентовъ отъ активнаго участія въ повтореніи, вторая употреблялась очень рѣдко въ университетахъ, ибо отличается слишкомъ школьнымъ характеромъ, но она весьма пригодна и приноситъ пользу студентамъ, которые должны держать экзамены внѣ университетовъ или хотя въ университетахъ, но учащіеся находятся подъ особымъ руководствомъ или профессоровъ, или другихъ преподавателей и педагоговъ. Главный же недостатокъ двухъ сказанныхъ формъ тотъ, что онѣ не допускаютъ свободнаго критическаго отношенія къ прочитанному, т.-е. не допускаютъ необходимаго фактора для пробужденія и живаго развитія научныхъ интересовъ въ слушателяхъ. Конверсаторіи же могутъ быть полезны во многихъ отношеніяхъ: они даютъ возможность профессору ознакомиться со степенью развитія и зрѣлости сво-

ихъ слушателей, распознать насколько прочитанное усвоено и понято ими, дастъ случай услышать замѣчанія и мнѣнія о пройденныхъ предметахъ и вопросахъ и наконецъ войти самому въ объясненіе подробностей, которыя не могли быть сообщены въ лекціяхъ. Для студентовъ эти бесѣды тѣмъ полезны, что возбуждаютъ въ каждомъ изъ нихъ соревнованіе къ занятіямъ, каждый студентъ привыкаетъ отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ знаетъ, насколько овладѣлъ прочитаннымъ, каждый знакомится съ тѣмъ, что другіе знаютъ, каждый пріучается свободно, смѣло, ясно и правильно выражаться, излагать свое знаніе возможно сжато и полно и наконецъ относиться съ бо́льшею серьезностію къ своему дѣлу. Такія бесѣды имѣютъ еще ту выгоду, что поддерживаютъ болѣе искреннее и живое общеніе между профессоромъ и учащимися, чего никогда не можетъ быть при чисто формальномъ и педантическомъ преподаваніи. Такія бесѣды съ пріобрѣтеніемъ студентами большей массы знаній могутъ переходить въ серьезныя пренія, принять характеръ диспутовъ, конверсаторій, можетъ обратиться въ диспутаторіи.

Что касается до практическихъ упражненій, то они могутъ быть весьма разнообразны и обусловливаются характеромъ той или другой науки. Практическія упражненія происходятъ большею частью въ формѣ семинарій и могутъ состоять въ чтеніи и толкованіи источниковъ права—памятниковъ, документовъ, актовъ и пр., въ чтеніи и обсужденіи литературныхъ пособій, философскихъ сочиненій въ оригиналѣ, въ обсужденіи небольшихъ сочиненій, написанныхъ студентами на темы, одобренныя или рекомендованныя профессоромъ въ разрѣшеніи юридическихъ казусовъ и въ другихъ занятіяхъ. По тѣмъ предметамъ, которые обладаютъ только литературными сочиненіями, обширною литературою, весьма полезно предлагать желающимъ изъ студентовъ отдѣльныя, небольшія задачи по различнымъ вопросамъ съ тою цѣлью, чтобы каждый могъ хотя нѣсколько ознакомиться съ литературой, съ основными воззрѣніями различныхъ ученыхъ, съ основательностью или несостоятельностью этихъ воззрѣ-

ній. Каждый, кто изготовляетъ такую работу, долженъ изложить и развить словесно въ аудиторіи тотъ вопросъ, который служилъ темою, и сообщить свои замѣчанія, свои убѣжденія и воззрѣнія на предметъ, подкрѣпить воззрѣнія автора данной книги, если референтъ съ ними согласенъ, привести свои соображенія и доводы противъ если съ ними несогласенъ. Другіе студенты, присутствующіе въ аудиторіи, должны также принимать участіе въ такихъ рефератахъ, представлять съ своей стороны замѣчанія, правильно-ли напр. референтъ передалъ и развилъ мысли автора книги, насколько состоятельны доводы референта за или противъ данныхъ научныхъ положеній, насколько отличаются эти послѣднія своею твердостью, истинностью и достовѣрностью. Такія замѣчанія, бесѣды, пренія особенно бываютъ полезны и успѣшны, если нѣсколько человѣкъ подготовляются къ реферату по одному и тому-же вопросу. Дѣло профессора затѣмъ взвѣсить доводы противныхъ сторонъ или одного референта, если ему не было высказано замѣчаній другими студентами, показать, насколько это возможно, ошибочность тѣхъ или другихъ воззрѣній и высказать свою точку зрѣнія, дать, другими словами, свое заключеніе, на которое желающіе могутъ сдѣлать свои замѣчанія; послѣ такого обмѣна мыслей профессоръ долженъ рѣшить вопросъ такъ или иначе окончательно.

Подобные рефераты, заставляя студентовъ работать, мыслить, пріобрѣтать извѣстныя убѣжденія, отстаивать ихъ передъ другими, расширяя далѣе постепенно сумму познаній и научныхъ воззрѣній каждаго студента, приносятъ несомнѣнную пользу. Вообще-же нужно желать, что бы практическія упражненія входили непремѣнно въ кругъ занятій студентовъ-юристовъ и составляли неразрывную часть системы университетскаго преподаванія и изученія науки права.

П. Л. Карасевичъ.

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ

О преступленіи скотоложства по уложенію о наказаніяхъ.

§ I.

Въ уложеніи о наказаніяхъ, изданія 1866 года, нынѣ дѣйствующемъ, и прежнихъ изданій, 1845 и 1857 годовъ, равно какъ и въ сводѣ законовъ уголовныхъ, изданій 1832 и 1842 годовъ, книги первой, дѣйствовавшей до уложенія 1845 года, признаки преступленія скотоложства обстоятельно не опредѣлены. Опредѣленіе, хотя не совсѣмъ точное, встрѣчается однако въ прежнихъ уставахъ, воинскомъ 1716 года, и морскомъ 1720 года, вышедшихъ въ царствованіе государя, царя и великаго князя, Петра Алексѣевича; на основаніи этихъ уставовъ, подъ преступленіемъ скотоложства, разумѣется тотъ случай, «ежели смѣшается человѣкъ со скотомъ и безумною тварію, и учинитъ скверность». Изъ уложенія же о наказаніяхъ и свода законовъ уголовныхъ видно только: а) что, по уложенію, скотоложство составляетъ одно изъ преступленій противъ общественнаго благоустройства и благочинія, и отнесено въ частности къ разряду преступленій противъ общественной нравственности; б) что по своду, скотоложство отнесено къ числу преступленій, противъ законнаго удовлетворенія плотскихъ страстей, и в) что въ уложеніи, скотоложство именуется противоестественнымъ порокомъ, тогда какъ въ сводѣ, предшествовавшемъ уложенію, таковаго выраженія вовсе не встрѣчается. Здѣсь неизлишнимъ будетъ замѣтить, во первыхъ, что въ нѣкоторыхъ прежнихъ, царствованія Государыни Императрицы Екатерины II, указахъ, которые

въ числѣ другихъ, были приняты, какъ это видно изъ приведенныхъ подъ статьями цитатъ, въ руководство при составленіи свода законовъ уголовныхъ, скотоложство именуется, прегрѣшеніемъ, важнымъ грѣхопаденіемъ, ненатуральнымъ порокомъ, неимовѣрнымъ преступленіемъ и наконецъ, дѣяніемъ *превышающимъ почти всякій родъ безумія*, а обличенные въ скотоложствѣ, именуются злосчастными людьми, и во вторыхъ, что подъ порокомъ скотоложства, по разъясненію правительствующаго сената уголовнаго кассаціоннаго департамента, надобно понимать не только обратившуюся въ привычку наклонность къ повторенію сего преступленія, но и единичный случай совершенія онаго.

Нѣтъ конечно сомнѣнія, что предающійся пороку скотоложства, поступаетъ совершенно противоестественно, но тутъ невольно возникаютъ вопросы, не указываетъ ли, въ семъ случаѣ самая противоестественность образа дѣйствія, на извращеніе (искаженіе) нравственнаго чувства, а извращеніе нравственнаго чувства, въ свою очередь, не свидѣтельствуетъ ли о большей или меньшей степени умственнаго разстройства, каковые вопросы, на основаніи ученія психіатріи, не могутъ быть разрѣшены иначе, какъ утвердительно, ибо наукою сею, признано, что помѣшательство и другія формы болѣзней мозга, часто проявляются въ первое время въ видѣ извращенія, искаженія нравственнаго чувства, что за нѣкоторое время, до развитія разстройства умственныхъ способностей, или болѣзни мозга, больные противъ обыкновенія, чрезмѣрно предаются грубымъ чувственнымъ удовольствіямъ, обнаруживаютъ нравственное паденіе, ослабленную волю, совершаютъ неблагопристойные поступки въ частной жизни и въ обществѣ, становятся развратными и скотски невоздержными, и что, посему, можно считать за общее правило, что умопомѣшательство, какого бы вида оно нибыло, обыкновенно обнаруживается замѣтнымъ извращеніемъ прежняго здраваго образа мыслей и рода дѣйствій человѣка. На основаніи сего, является уже большая вѣроятность, что всякій предающійся противоестественному пороку скотоложства, дѣйствуетъ не съ надлежащимъ разумѣніемъ, а такъ какъ отсутствіе надлежащаго разумѣнія, составляетъ по уложенію о наказаніяхъ одну изъ законныхъ причинъ невмѣняемости, то изъ сего, само собою слѣдуетъ, что всякій обличенный въ скотоложствѣ, подлежитъ освидѣтельствованію въ состояніи его умственныхъ способностей, дабы удостовѣриться, не представляется ли, по причинѣ

умственнаго разстройства обличеннаго въ скотоложствѣ, законнаго основанія, къ прекращенію возбужденнаго противъ него уголовнаго преслѣдованія. Сознаніе, что предающійся противоестественному пороку скотоложства, предается оному подъ вліяніемъ умственнаго разстройства, проникаетъ повидимому уже и въ среду общества, на что, до нѣкоторой степени, указываетъ дѣло о скотоложствѣ, разсматривавшееся въ костромскомъ окружномъ судѣ, по которому, присяжные засѣдатели на вопросъ о виновности, отвѣчали: «виновенъ, заслуживаетъ большаго снисхожденія, признаемъ не въ полномъ разумѣніи".

Послѣ приведенныхъ соображеній, нельзя не признать, что уложеніемъ въ составъ преступленія скотоложства, введенъ такой признакъ,—*понятіе о противоестественности*, который самъ въ себѣ уже содержитъ, если не всегда, то покрайней мѣрѣ, въ наибольшей части случаевъ, основаніе къ признанію скотоложства невмѣняемымъ, а безъ наличности необходимыхъ условій вмѣняемости, понятно никакое дѣяніе не можетъ быть признаваемо преступленіемъ, понятіе о противоестественности, очевидно, исключаетъ, вообще говоря, понятіе о преступленіи и вноситъ, слѣдовательно, въ самый текстъ закона о скотоложствѣ одно только совершенно неумѣстное противорѣчіе.

Нужно замѣтить, что и тѣ случаи скотоложства, гдѣ умственное разстройство обличеннаго въ этомъ преступленіи, можетъ быть признано недоказаннымъ, не могутъ быть разсматриваемы иначе, какъ случаи, которые порождаются, или крайнимъ и грубымъ невѣжествомъ, или положительною невозможностію, при нѣкоторыхъ, въ дѣйствительности бывающихъ обстановкахъ, за совершеннымъ отсутствіемъ лицъ другаго пола, обратиться къ естественному способу удовлетворенія плотской страсти, но и указанные случаи, оба, какъ это съ большою очевидностію явствуетъ, содержатъ въ себѣ, по справедливости говоря, весьма уважительное основаніе, къ признанію, и съ этой стороны, скотоложства невмѣняемымъ, причемъ къ послѣднему случаю, въ особенности, можетъ быть безъ всякаго неудобства примѣнено ученіе о принужденіи отъ превосходящей, неопредолимой, внутренней силы, каковое принужденіе составляетъ также одну изъ законныхъ причинъ невмѣняемости. Итакъ, всего досихъ поръ сказаннаго, кажется, уже достаточно, чтобы признать, всю несостоятельность закона о скотоложствѣ, покрайней мѣрѣ, въ

томъ видѣ, какъ этотъ законъ, изображенъ въ уложеніи о наказаніяхъ.

Съ другой стороны понятно что если законъ о скотоложствѣ существуетъ, то онъ если нѣтъ въ наличности законныхъ причинъ невмѣняемости, не долженъ оставаться безъ дѣйствія, но и то лишь при слѣдующемъ условіи. Прежде чѣмъ привлекать обличеннаго въ скотоложствѣ къ уголовной отвѣтственности. необходимо еще привесть въ точную извѣстность, какъ было совершено скотоложство, завѣдомо ли публично, или непубличнo, такъ какъ уголовное преслѣдованіе за скотоложство собственно говоря, должно обусловливаться публичностію проявленія онаго по волѣ самаго обвиняемаго. Хотя этаго прямо и не сказано въ уложеніи, тѣмъ не менѣе, къ такому заключенію, приводитъ безспорно то соображеніе, что уложеніе поставило скотоложство въ разрядъ преступленій, совершаемыхъ съ намѣреніемъ противъ общественной нравственности. Да иначе заключенія изъ сего и сдѣлать невозможно, ибо если допустить, что кто либо, въ здравомъ разсудкѣ, и вообще при отсутствіи законныхъ причинъ невмѣняемости, не стыдясь, при всѣхъ злонамѣренно слѣдовательно предается пороку скотоложства, тотъ безстыднымъ своимъ поступкомъ сознательно производитъ общій соблазнъ, и тѣмъ безъ сомнѣнія, обнаруживаетъ посягательство на неприкосновенность и чистоту общественной нравственности за что и долженъ нести предъ закономъ отвѣтственность и такой выводъ, въ виду того что намѣреніе, воля и злоумышленность, суть во всякомъ случаѣ необходимыя условія преступленія нельзя не признать правильнымъ. Но кто предается пороку скотоложства, таясь отъ другихъ, что бываетъ всего чаще и обличается въ этомъ порокѣ лишь случайно, чему ниже будетъ приведенъ изъ судебной практики примѣръ, тотъ тѣмъ самымъ, то есть тайнымъ образомъ дѣйствія, напротивъ обнаруживаетъ ясно нежеланіе свое оскорблять постороннее, чье либо нравственное чувство, и нисколько, на самомъ дѣлѣ, не оскорбляетъ его, причиняя своимъ безнравственнымъ, унижающимъ человѣческое достоинство поступкомъ, вредъ нравственный, а быть можетъ и физическій, единственно себѣ, и тому слѣдовательно, хотя бы и находящемуся вообще въ состояніи вмѣняемости, нести предъ закономъ отвѣтственность, незачто. Послѣднее соображеніе, представляется тѣмъ болѣе справедливымъ, что въ предающемся втайнѣ пороку скотоложства

не усматривается никакой злоумышленности, а отсутствіе злоумышленности, вообще, мѣшаетъ дѣянію считаться преступленіемъ. Кромѣ того надобно замѣтить, что предающійся противоестественному пороку скотоложства непублично, какъ посягающій исключительно на неприкосновенность своего единичнаго блага, является отвѣтственнымъ только предъ самимъ собою, предъ собственною своею совѣстію, но вопросъ о такого рода отвѣтственности, стоитъ очевидно, и всегда долженъ стоять, внѣ области права. Отсюда, само собою слѣдуетъ, что если уголовное преслѣдованіе за скотоложство уже начато, а между тѣтъ, предварительнымъ слѣдствіемъ, не будетъ обнаружено завѣдомой публичности, то начатое такимъ образомъ уголовное преслѣдованіе, должно быть прекращено, въ виду уже одной неполноты состава преступленія, хотя бы въ наличности небыло ни одной изъ общихъ законныхъ причинъ невмѣняемости. Нѣкоторые юристы впрочемъ держатся инаго мнѣнія. Сказанное о наказуемоети скотоложства, единственно при публичномъ проявленіи онаго, можетъ быть еще отчасти пояснено слѣдующимъ примѣромъ. Въ законѣ установлена отвѣтственность для лицъ, посѣщающихъ непотребныхъ женщинъ, тѣмъ не менѣе, не всякій посѣщающій непотребныхъ женщинъ подвергается за сіе установленной въ законѣ отвѣтственности, но только тотъ, кто ихъ посѣщаетъ явнымъ и соблазнительнымъ образомъ.

(Улож. о Нак. разд. 8, гл. 4: статьи. изд. 1866 г. 997, изд. 1845 г. 1295, изд. 1857 г. 1350, проектъ улож. о нак. внесен. въ 1844 г. въ Государ. Совѣтъ, изд. 1871 г. ст. 1253, 1254, 1255. Сводъ зак. уголовн. разд. 9 гл. 4: статьи: изд. 1832 г. 678 и ея цитаты, изд. 1842 г. 791 и ея цитаты. Полн. собран. законовъ: воинск. уст. 30 марта 1716 г. № 3006, артик. 165, Морск. уст. 13 янв. 1720 г. № 3485. кн. 5, гл. 16, ст. 118, указы, 19 февр. 1785 г. № 16154, 8 янв. 1786 г. № 16308. Рѣш. уголовн. Касс. Депар. Пр. Сената 1872 г. № 1362, по дѣлу Кастерина. судеб. медиц. Бюхнера изд. Медиц. Депар. 1870 г. стр. 110 § 146. Болѣзни мозга и души, Винслова, перев. съ анг. изд. 1870 г. стр. 246, 527. Улож. о Нак. изд. 1866 г. ст. 92 п. 3 и 5, ст. 95—97, 100. Уст. уголовн. судопр. ст. 277, 353—356. Курсъ русск. уголовн. права Таганцева, изд. 1874 г. стр. 1—5, 177—180. Курсъ русск. уголовн. права Лохвицкаго, изд. 1867 г. стр. 443. Юридическ. догматика Капустина, общ. ч. вып. 1, изд. 1868 г. стр. 52—77. Уголовное право Англіи, сочин. Джемса Стифена, перев.

Спасовича изд. 1865 г. стр. 97—125, XIV т. св. зак. уст. о предупр. и пресѣч. преступ. изд. 1857 г. ст. 248. уст. о нак. налагаем. миров. судьями ст. 44. рѣш. уголовн. касс. департ. прав. сената 1869 г. № 1010 по дѣлу Андреева).

§ II.

Изобличенные въ противоестественномъ порокѣ скотоложства подвергаются на основаніи нынѣ дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ, изданія 1866 года, лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, а если они христіане, то предаются и церковному покаянію по распоряженію своего духовнаго начальства. Тому жъ наказанію подвергались и по уложенію изданій 1845 и 1857 годовъ, изобличенные въ противоестественномъ порокѣ скотоложства съ тою лишь разницею, что изъ нихъ не изъятые отъ тѣлеснаго наказанія, наказывались еще чрезъ палачей плетьми, нынѣ уже отмѣненными, отъ 20 до 30 ударовъ. До уложенія, при дѣйствіи свода законовъ уголовныхъ изданій 1832 и 1842 годовъ, книги первой, уличенные въ преступленіи скотоложства, подлежали также лишенію всѣхъ правъ состоянія, наказанію плетьми и ссылкѣ на поселеніе, но, на что надлежитъ обратить вниманіе, безъ преданія церковному покаянію, а по прежнимъ уставамъ, воинскому 1716 года и морскому 1720 года, виновныхъ въ скотоложствѣ, велѣно было жестоко на тѣлѣ наказывать. А такъ какъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, есть одно изъ наказаній уголовныхъ, съ которымъ соединяется, между прочимъ, потеря прежнихъ правъ семейственныхъ и правъ собственности, и въ виду того, что осужденные за скотоложство, при исполненіи надъ ними судебнаго приговора, какъ приговариваемые къ уголовному наказанію, взводятся на общемъ основаніи на эшафотъ, гдѣ и выставляются на нѣсколько времени къ позорному черному столбу, то такое наказаніе можетъ быть, по справедливости, названо *гражданскою смертью*. Надобно ктомужъ замѣтить, что лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, опредѣляется въ уложеніи не за одно только скотоложство, но и за многіе другіе роды преступленій, такъ, кромѣ раздѣла о преступленіяхъ противъ общественнаго благоустройства и благочинія, въ каковомъ раздѣлѣ помѣщена и статья о

скотоложствѣ, означенное наказаніе встрѣчается еще въ раздѣлахъ: о преступленіяхъ противъ вѣры, о преступленіяхъ государстве ныхъ о преступленіяхъ противъ порядка управленія, о преступленіяхъ по службѣ, о преступленіяхъ противъ имущества и доходовъ казны, о преступленіяхъ противъ жизни, здравія, свободы и чести частныхъ лицъ, о преступленіяхъ противъ правъ семейственныхъ и о преступленіяхъ противъ собственности частныхъ лицъ.

Такимъ образомъ оказывается, что уложеніе ставитъ скотоложство въ разрядъ тяжкихъ уголовныхъ преступленій; объяснено это, можетъ быть, отчасти, тѣмъ, что составители Уложенія, на противоестественность въ преступленіи скотоложства, ошибочно смотрѣли, какъ на обстоятельство, особо отягчающее свойство этого преступленія, и надобно поэтому полагать, что они съ понятіемъ о противоестественности, встрѣчающимся въ первый разъ въ текстѣ закона, въ уложеніи 1845 года, въ противоположность взгляду въ психіатріи на этотъ предметъ существующему, не соединяли вовсе понятія о признакѣ или предвѣстникѣ какого либо умственнаго разстройства, иначе составители уложенія, не рѣшились бы возвести скотоложство на степень тяжкаго уголовнаго преступленія, а соотвѣтственно тяжести преступленія, нужно было уже установить, въ силу одной послѣдовательности, и наказаніе тяжкое. Кромѣ того, при установленіи за скотоложство тяжкаго уголовнаго наказанія, по всей вѣроятности, имѣлось въ виду сколько возбудить къ скотоложству въ средѣ общества омерзеніе, столько и *устрашить*, и тѣмъ по возможности, предотвратить совершеніе этаго преступленія; но страхомъ грозящаго, хотя бы и тяжкаго уголовнаго наказанія, едва ли возможно удержать отъ скотоложства, такъ какъ это преступленіе въ особенности, совершается почти всегда, какъ выше было достаточно объяснено, въ такомъ психическомъ состояніи, которое мѣшаетъ покушающемуся на скотоложство, понять отчетливо преступное свойство и послѣдствія своего дѣянія, въ виду сего, наказаніе за скотоложство, какъ бы оно нибыло устрашительно, не достигнетъ въ наибольшей части случаевъ своей цѣли. Изъ сего слѣдуетъ, что обличенныхъ въ скотоложствѣ, нужно, собственно говоря, или лѣчить, или поставить въ такое положеніе, чтобы они могли сами уяснить себѣ всю гнусность преступленія скотоложства, и по своему собственному побужденію воздержаться дальнѣйше отъ

совершенія онаго, чего, само собою разумѣется, нельзя достигнуть иначе, какъ путемъ просвѣщенія, то и другое однако, не есть дѣло уголовнаго суда, на то существуютъ лѣчебницы и для лицъ въ извѣстномъ возрастѣ школы.

Какъ бы то нибыло, но что существующее нынѣ за скотоложство наказаніе, во всякомъ случаѣ чрезмѣрно строго, того никто конечно не станетъ отрицать; правда, въ древнія времена скотоложство наказывалось еще строже, такъ напримѣръ, на основаніи закона Моисея, виновному въ скотоложствѣ отсѣкали голову, а тѣло его сжигали въ срубѣ, и надобно полагать, что этотъ Моисеевъ законъ, оставался не безъ вліянія, хотя и отдаленнаго и на наши законы о скотоложствѣ, о таковомъ вліяніи закона Моисея, говорится даже прямо, въ указѣ Государыни Императрицы Екатерины II-й, отъ 8 января 1786 года за № 16.308, къ томужъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ составъ уложенія царя Алексѣя Михайловича 1649 года, которое легло въ основаніе свода законовъ уголовныхъ, вошли между прочимъ правила святыхъ Апостоловъ и святыхъ отцевъ. Впрочемъ необходимость смягченія закона о скотоложствѣ сознавалась еще въ прошедшемъ столѣтіи, въ царствованіе Государыни Императрицы Екатерины II-й, но возбужденный, по этому предмету общій вопросъ, былъ разрѣшенъ тогда не въ пользу смягченія, каковое обстоятельство, по всей вѣроятности, и было причиною того, что прежній Моисеевскій взглядъ на скотоложство удержанъ затѣмъ, хотя и не во всей онаго строгости и въ послѣдующихъ узаконеніяхъ, тѣмъ не менѣе, соображенія, по которымъ смягченіе наказанія за скотоложство въ то время признавалось необходимымъ, въ высшей степени интересны и поучительны, съ чѣмъ всякій конечно согласится, прочитавъ послѣдовавшіе по этому предмету указы которые ниже будутъ приведены въ полномъ почти объемѣ и съ сохраненіемъ даже редакціи ихъ.

Говоря вообще о наказаніи за скотоложство, невозможно пройти молчаніемъ въ частности и присоединяемаго къ сему наказанію церковнаго покаянія, коему виновные въ скотоложствѣ, *принудительно* предаются,—не подлежитъ никакому сомнѣнію, что покаяніе состоитъ, въ свободномъ, искреннемъ, не лицемѣрномъ сознаніи кающимся вины своей, а такого сознанія, очевидно нельзя возбудить и вызвать въ кающемся тамъ, гдѣ его къ покаянію обязываютъ, принуждаютъ, приневоливаютъ, и

въ особенности тогда, когда онъ, за содѣянное, уже понесъ тяжкое уголовное наказаніе, и тѣмъ, быть можетъ, какъ напримѣръ въ былое время послѣ плетей вполнѣ съ совѣстію своею примирился, а изъ сего, само собою явствуетъ, что церковное покаяніе, коему по уложенію предаются виновные въ скотоложствѣ, *какъ покаяніе принудительное*, и способное, слѣдовательно, возбудить и вызвать въ кающемся одно лицемѣріе, не можетъ имѣть надлежащаго значенія, и подлежитъ, во всякомъ случаѣ, исключенію изъ той статьи уложенія, которая предусматриваетъ преступленіе скотоложства, если только эта статья будетъ еще, и въ послѣдующее время, удержана въ уложеніи. Въ этомъ отношеніи, надобно отдать справедливость составителямъ свода законовъ уголовныхъ; они не установили, какъ выше замѣчено, для виновныхъ въ скотоложствѣ церковнаго покаянія, и поступили совершенно послѣдовательно, съ чѣмъ въ особенности, нельзя не согласиться, если принять во вниманіе, что съ понятіемъ о церковномъ покаяніи, неизбѣжно соединяется представленіе исключительно о грѣхѣ, въ собственномъ, тѣсномъ, такъ сказать, духовномъ смыслѣ слова, а вовсе не понятіе о преступленіи, которое всегда уже, достаточно, иногда же и съ избыткомъ, искупается наказаніемъ. Сверхъ того, нужно еще принять въ соображеніе, съ одной стороны, что *принудительное* сознаніе осужденнымъ своей вины хотя бы и подъ вліяніемъ священническаго увѣщанія, нисколько не вызывается требованіемъ правосудія, и вообще противно духу судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года, на основаніи которыхъ воспрещается какими бы то нибыло способами, домогаться сознанія обвиняемаго, и даже самое молчаніе обвиняемаго, не велѣно принимать за признаніе имъ своей вины; а съ другой стороны, что существуетъ общій законъ, по силѣ котораго, всякій православный долженъ, хотя однажды въ годъ, исповѣдываться и пріобщаться святыхъ таинъ, по обряду христіанскому, въ постъ или иное время, что при существованіи сего закона, всякій совершившій скотоложство, имѣетъ полную возможность, во всякое время, исполняя священный долгъ свой, самъ добровольно покаяться въ своемъ преступленіи, если къ тому будетъ его побуждать голосъ совѣсти, и что назначеніе за симъ еще особаго спеціальнаго, принудительнаго покаянія, по окончаніи суда уголовнаго, и съ этой точки зрѣнія, представляется совершенно излишнимъ.

Все сказанное о существующемъ нынѣ наказаніи за скотоложство, указываетъ также на несостоятельность закона о скотоложствѣ, изображеннаго въ уложеніи, въ существѣ же, на преступленіе скотоложства, если конечно не руководствоваться, не такъ какъ это доселѣ было, древнимъ, уже отжившимъ закономъ Моисея, нельзя смотрѣть иначе, какъ на обыкновенное публичное безстыдное дѣйствіе, а не руководствоваться въ семъ случаѣ закономъ Моисея, представляется теперь, тѣмъ болѣе возможнымъ, что публичныя безстыдныя дѣйствія, уже предусмотрѣны въ Уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Въ 43-й статьѣ сего устава сказано, что за безстыдныя, или соединенныя съ соблазномъ для другихъ дѣйствія въ публичномъ мѣстѣ, виновные подвергаются аресту, не свыше однаго мѣсяца, или денежному взысканію не свыше ста рублей. Изъ сего слѣдуетъ, что при существованіи въ уставѣ о Наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, такой статьи, какъ только что приведенная, и въ виду того, что въ скотоложствѣ, и то при условіи публичности проявленія онаго, усматривается, какъ сейчасъ замѣчено, одно безстыдство, съ соблазномъ для другихъ соединенное, и ничего больше, не представляется уже основанія къ дальнѣйшему удержанію въ уложеніи, преступленія скотоложства, которое, можетъ быть, безъ всякаго неудобства, подведено подъ дѣйствіе 43 статьи Устава о Наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, особенно, если принять во вниманіе, что публичныя безстыдныя дѣйствія, по сему уставу, отнесены, подобно преступленію скотоложства въ уложеніи къ числу проступковъ противъ общественнаго благочинія, порядка и спокойствія. Относительно возможности примѣненія означенной 43 статьи, къ случаямъ скотоложства, необходимо еще замѣтить: а) что въ 1871 году, былъ изданъ законъ которымъ опредѣлено наказаніе за причиненіе домашнимъ животнымъ напрасныхъ мученій, къ числу которыхъ можно, по аналогіи, отнести и случай скотоложства; б) что законъ этотъ, введенъ въ уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и помѣщенъ въ семъ уставѣ, на что слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, въ видѣ дополненія именно къ той же 43 статьѣ, и в) что если за симъ, принять въ соображеніе, что въ первоначальномъ, основномъ текстѣ статьи 43-й говорится о публичномъ проявленіи безстыдства, а въ дополненіи, о причиненіи домашнимъ животнымъ напрасныхъ мученій, къ числу которыхъ

нѣтъ основанія не отнести, по аналогіи, и случая скотоложства, то при такомъ взаимномъ сихъ двухъ законоположеній, сопоставленіи, возможность примѣненія статьи 43 устава о Наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями, къ случаямъ скотоложства, представится еще очевиднѣе. Затѣмъ, для большей ясности: нелишнимъ будетъ здѣсь, прибѣгнуть къ слѣдующему сравненію, извѣстно, что кромѣ порока скотоложства, и равно противоестественнаго порока мужеложства, также въ уложеніи предусмотрѣннаго, существуетъ еще противоестественный порокъ онанизма, (рукоблудія) который, по всей справедливости, можетъ быть названъ бичемъ человѣчества, и за проявленія котораго, тѣмъ не менѣе, въ уложеніи, не установлено наказанія, однако, если бы кто, сверхъ всякаго ожиданія, сталъ публично предаваться онанизму, тотъ безъ сомнѣнія, за такой безстыдный свой поступокъ, былъ бы привлеченъ къ суду мировымъ судьею, и подвергся бы неминуемо, при отсутствіи законныхъ причинъ невмѣняемости, отвѣтственности, на основаніи приведенной выше 43 статьи устава о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями. Не также ли точно могло бы быть поступлено и съ виновнымъ въ публичномъ проявленіи скотоложства, при отсутствіи конечно законныхъ причинъ невмѣняемости, если бы это послѣднее преступленіе, подобно пороку онанизма, было вовсе исключено изъ уложенія, вопросъ этотъ, на основаніи всего вышеизложеннаго, очевидно, можетъ быть разрѣшенъ только утвердительно.

(Улож. о Нак. изд. 1866 г. ст. 58, 995, 997, изд. 1845 г. ст. 61, 1293, 1295, изд. 1857 г. ст. 62, 1348, 1350. Проектъ Улож. о Нак. внесен. въ 1844 г. въ Государст. Совѣтъ, изд. 1871 г. примѣч. къ ст. 60, 1876, 1879, св. Зак. уголов. изд. 1832 г. ст. 78, 677, 678, изд. 1842 г. ст. 76, 790, 791. Полн. собр. закон: 17 апрѣля 1863 г. № 39.504, Воинск. уст. 30 марта 1716 г. № 3006, гл. 20, артик. 165, морск. уст. 13 янв. 1720 г. № 3485, кн. 5, гл. 16, ст. 118. Улож. о Нак. изд. 1866 г. ст. 17, 26, 27, 28; Уставъ Уголовн. Судопроизв. ст. 963. Улож. о Нак. изд. 1866 г. ст. 177, 178, 181, 186, 196, 197, 211, 231, 256, 274, 303, 909, 318, 319, 367, 561, 591, 594, 608, 1462, 1551, 1593, 1608, 1609, 1613, 1642, 1645, 1649. Полн. Собр. Зак. 19 февр. 1785 г. № 16.154, 8 янв. 1786 г. № 16.308, 29 янв. 1649 г. № 1, Улож. Царя Алекс. Михайловича. Изслѣд. Нач. Уголовн. права, изложен. въ Улож. Цар. Алекс. Михайл. сочин. Линовскаго

изд. 1847 г. введеніе. Уст. Угол. Судопр. ст. 405, 685. XIV т. Св. Зак. Уст. о предупр. и пресѣч. преступ. изд. 1857 г. ст. 23—27. Уст. о Нак. налаг. миров. Судьями ст. 43 и дополн. къ ней по продолж. 1872 г. Уст. Угол. Судопр. ст. 112, 353—356. Уст. о Нак. налагаем. миров. судьями, гл. 3, отд. 2. Судеб. Медиц. Громова, изд. 1838 г. стр. 160 § 128 п. 2 § 130. физіол. и патолог. души Маудсли, перев. Исанина, изд. 1871 г. стр. 299, 300. Объ онанизмѣ Тиссо, на француз. яз. изд. 1872 г. стр. 1—87).

§ III.

Послѣ всего вышеизъясненнаго нелишнимъ будетъ, въ видѣ примѣра, привести здѣсь дѣло о скотоложствѣ, разбиравшемся въ Курскомъ Окружномъ Судѣ, дабы показать какъ былъ на практикѣ примѣненъ законъ о скотоложствѣ, и какъ, къ этому противоестественному преступленію, отнеслись присяжные засѣдатели. Въ этомъ дѣлѣ, насколько оно выяснилось изъ заключительной рѣчи предсѣдателя, обвиняемымъ былъ крестьянинъ, старикъ, шестидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду, вдовецъ, у него были дѣти, уже взрослые, жилъ онъ безъ нужды, преступленіе совершено въ 1874 году, надъ домашнимъ животнымъ, на огородѣ, внутри плетневаго сарая обвиняемаго. Лишившись жены, обвиняемый, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ предавался постоянно пьянству, половая сфера его не представляла, по удостовѣренію врача, никакого отклоненія отъ нормы. Очевидцами преступленія были крестьянки, въ числѣ четырехъ, изъ которыхъ одна случайно тогда проходила мимо сарая обвиняемаго; увидавъ совершавшееся преступленіе, она тотчасъ сообщила о немъ, еще тремъ крестьянкамъ, тутъ же не вдалекѣ находившимся, послѣ чего, всѣ они вмѣстѣ, помѣстились въ ближайшій, сосѣдній, также плетневый сарай, откуда и смотрѣли на совершавшееся преступленіе, стараясь быть незамѣченными обвиняемымъ, который дѣйствительно и не замѣтилъ ихъ. Изъ этаго дѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ, усматривается, что животное, служившее средствомъ преступленія, осталось безъ врачебнаго изслѣдованія, и что самъ обвиняемый, хотя и былъ, единственно, въ виду противоестественности преступленія освидѣтельствованъ, въ состояніи его умственныхъ способностей чрезъ врача, но это освидѣтельствованіе было произведено поверхностно, такъ какъ

врачъ, при освидѣтельствованіи, ограничился, лишь тѣмъ, что предложилъ обвиняемому нѣсколько вопросовъ, и изъ одной только послѣдовательности отвѣтовъ на оные, вмѣстѣ съ судебнымъ слѣдователемъ, поспѣшно заключилъ, что обвиняемый не одержимъ никакимъ умственнымъ разстройствомъ.

Приведенныя обстоятельства, прежде всего, указываютъ на неполноту дѣла, и дѣйствительно, въ такомъ преступленіи, какъ скотоложство, вѣрнымъ признакомъ совершившагося преступленія, по ученію судебной медицины, можетъ служить единственно нахожденіе сѣмени мужскаго во влагалищѣ матки животнаго, а обнаруженіе присутствія сѣмени въ маткѣ невозможно безъ врачебнаго изслѣдованія животнаго, но такого изслѣдованія не было произведено. Кромѣ того, и самое освидѣтельствованіе умственныхъ способностей обвиняемаго, произведенное, безъ установленія надъ нимъ, предварительнаго, врачебнаго, болѣе или менѣе продолжительнаго наблюденія, и при участіи лишь однаго врача въ настоящемъ дѣлѣ нельзя признать удовлетворительнымъ, ибо совершеніе обвиняемымъ такого противоестественнаго преступленія, какъ скотоложство, могло быть дѣйствительно слѣдствіемъ потери разсудка, —а потеря разсудка въ данномъ случаѣ, могла легко произойти, сколько отъ старости обвиняемаго,—потеря разсудка отъ старости предусмотрѣна въ уложеніи, и поставлена въ числѣ законныхъ причинъ невмѣняемости,—столько и отъ его хроническаго пьянства, которое, согласно ученію психіатріи, составляетъ одну изъ ближайшихъ причинъ разстройства мыслительныхъ центровъ.

Въ виду сего, и для болѣе точнаго удостовѣренія въ состояніи умственныхъ способностей обвиняемаго, къ нему, по всей справедливости, надлежало бы примѣнить тотъ порядокъ освидѣтельствованія безумныхъ, который установленъ въ статьѣ 355 устава уголовнаго судопроизводства, то есть, его надлежало бы освидѣтельствовать въ присутствіи окружнаго суда, чрезъ инспектора или члена Врачебной Управы и другихъ врачей, по назначенію сей же управы. Кромѣ того, было бы крайне полезно, обвиняемаго помѣстить въ больницу, и установить надъ нимъ тамъ, предварительное, возможно продолжительное, врачебное наблюденіе, такъ какъ безъ сего послѣдняго точное изслѣдованіе болѣзненнаго психическаго состоянія, — когда въ виду врачей имѣются одни предвѣстники умственнаго разстройства, какъ напримѣръ, въ настоящемъ дѣлѣ, извращеніе въ об-

виняемомъ нравственнаго чувства, и когда о большей или меньшей близости полнаго умственнаго разстройства, надлежитъ судить по предвѣстникамъ онаго,—представлялось бы положительно невозможнымъ, но всего этого не было сдѣлано.

Независимо отъ указанной двоякой, существенной неполноты дѣла, тѣ же приведенныя выше обстоятельства онаго какъ нельзя болѣе убѣдительно доказываютъ, что со стороны обвиняемаго не было обнаружено намѣреннаго посягательства на чистоту общественной нравственности, ибо онъ для совершенія преступленія, избралъ самое уединенное мѣсто, и слѣдовательно совершилъ оное, видимо таясь отъ другихъ, и стараясь быть никѣмъ незамѣченнымъ; но если преступленіе и было на самомъ дѣлѣ содѣяно, какъ оказывается при другихъ, что могло быть можетъ оскорбить нравственное чувство присутствовавшихъ и произвести между ними соблазнъ,—то произошло это, во всякомъ случаѣ, безъ вѣдома и помимо воли обвиняемаго, который присутствія посторонникъ лицъ даже и не замѣтилъ, а тамъ, гдѣ тайное проявленіе скотоложства сдѣлалось явнымъ лишь по обстоятельствамъ, совершенно случайнымъ, и слѣдовательно, не по винѣ обвиняемаго, очевидно не можетъ быть и рѣчи о возбужденіи противъ него уголовнаго преслѣдованія, такъ какъ преступленіе скотоложства, по уложенію, какъ выше замѣчено, признается наказуемымъ только тогда, когда оно по намѣренію самого обвиняемаго, проявлялось явно, въ публичномъ мѣстѣ, или хотя и не въ публичномъ мѣстѣ, то по крайней мѣрѣ, завѣдомо, въ присутствіи другихъ.

Не смотря однако на неполноту дѣла и отсутствіе въ преступленіи признака публичности, обвиняемый былъ преданъ уголовному суду; присяжные же засѣдатели, съ своей стороны, вынесли оправдательный приговоръ, который въ данномъ случаѣ, быть можетъ послѣдовалъ, или потому, что фактъ преступленія былъ признанъ недоказаннымъ, или потому что въ преступленіи, не усматривалось признака публичности, наказуемость обусловливающаго, или потому, что содѣянное не было вмѣнено въ вину, или наконецъ потому, что присяжные, слѣдуя внушенію своей совѣсти, не рѣшились произнести обвинительнаго приговора, единственно въ виду чрезмѣрной тяжести наказанія, которое легко могло быть имъ извѣстно, если принять во вниманіе, что невѣдѣніемъ закона, какого бы то ни было, когда онъ установленнымъ порядкомъ обнародованъ, никто отговариваться

не можетъ, чѣмъ же, на самомъ дѣлѣ, руководствовались присяжные, оправдывая обвиняемаго, того само собою разумѣется, никому не можетъ быть съ точностію извѣстно, такъ какъ совѣщанія присяжныхъ засѣдателей составляютъ тайну, но что оправдательный приговоръ присяжныхъ, во всякомъ случаѣ, согласуется съ обстоятельствами дѣла, въ томъ, очевидно не можетъ быть никакого сомнѣнія, и того конечно никто не станетъ отрицать. Впрочемъ, по дѣламъ о скотоложствѣ, въ Курскомъ же окружномъ судѣ, правда при нѣсколько иныхъ обстоятельствахъ, постановлялись и обвинительные приговоры, со всѣми тяжкими оныхъ послѣдствіями.

(Судебн. медиц. Громова изд. 1838 г. стр. 160, 161, §§ 128, 130. Объ изслѣд. умопомѣш. Лорана, изд. медиц. депар. 1869 г. Заключеніе, стр. 203. Также судеб. медиц. Громова, стр. 132, 133, §§ 91, 92. Очеркъ судебн. психол. Фрезе изд. 1871 г. стр. 164, 165, § 250. Улож. о нак. изд. 1866 г. ст. 97. Физіол. и патол. души Маудсли, перев. Исанина, изд. 1871 г. стр. 274, 275. О душевн. болѣзн. Пушкарева, изд. 1848 г. стр. 207—227. Уст. уг. судопр. ст. 677. Основн. государств. законы, ст. 62.)

§ IV.

Въ заключеніе необходимо привести здѣсь указы, о коихъ упоминалось выше. Въ этихъ поистинѣ замѣчательныхъ указахъ, содержится слѣдующее: I) «юстицъ-коллегія лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ, доношеніемъ представила, что Рижскій земскій судъ, разсматривая криминальное дѣло о нейволфаркскомъ крестьянскомъ мальчикѣ, именуемомъ Банце-Каспарѣ, въ учиненномъ имъ скотоложствѣ, приговорилъ сего преступника казнить отсѣченіемъ головы и сожженіемъ тѣла его въ пепелъ, а Лифляндскій надворный судъ, не находя, чтобы сей виновный былъ совершенныхъ лѣтъ, присуждаетъ вмѣсто смертной казни высѣчь только по тремъ воскреснымъ днямъ десятью парами прутьевъ, и предавъ церковному покаянію однажды, отослать въ публичную работу на годъ. По каковому обстоятельству, юстицъ-коллегія, будучи согласна съ положеніемъ Лифляндскаго надворнаго суда и предавая на разсмотрѣніе Сената, просила указа, къ какому онаго преступника осудить наказанію. А какъ изъ онаго юстицъ-коллегіи представленія Сенатъ усматриваетъ, что оный нейволфаркскій крестьянскій сынъ, будучи

еще несовершенныхъ лѣтъ, не имѣлъ никакого наставленія въ христіанскомъ законѣ, а потому не имѣлъ никакого понятія о важности содѣяннаго имъ грѣхопаденія, ктомужъ, можетъ быть, и самое таковое неимовѣрное преступленіе по какому либо устращиванію взвелъ самъ на себя, что слѣдовательно и причесть должно ему болѣе въ глупость, нежели принимать во уваженіе: то потому Сенатъ разсуждаетъ, что онъ столь жестокаго наказанія, къ какому онъ вышесказанными присутственными мѣстами осуждается, въ разсужденіи младыхъ его лѣтъ, не заслуживаетъ, но подлежитъ только предварительно наставленію въ христіанскомъ законѣ и церковному покаянію.» Представляя о семъ крестьянскомъ сынѣ на Высочайшее благоусмотрѣніе, Сенатъ просилъ въ разрѣшеніе Всемилостивѣйшаго указа; на что послѣдовала Высочайшая Государыни Императрицы Екатерины II, слѣдующая резолюція: «предать рѣшенію совѣстнаго суда.» II. Прошлаго 1785 года іюля 10 дня, Рижское намѣстническое правленіе Сенату представило, что именнымъ указомъ отъ 19 февраля 1785 года, Всемилостивѣйше повелѣно, чтобъ содержащагося преступника, приличившагося въ скотоложствѣ нейвольфаркскаго крестьянина, именуемаго Банце Каспарѣ, предать рѣшенію совѣстнаго суда. Поелику въ Рижской губерніи и нынѣ случаются иногда подобныя вышепоказанному дѣла, кои производятся въ тамошнихъ присутственныхъ мѣстахъ уголовнымъ порядкомъ, то по взносѣ оныхъ на ревизію въ палату уголовнаго суда, таковые преступники, по строгости шведскихъ законовъ, приговариваются къ тяжкому наказанію. А какъ грѣхопаденія сего рода съ преступленіемъ смертнаго убійства и съ прочими нарушающими тишину и безопасность согражданъ, сравнить не можно, то не повелѣно ли будетъ сихъ преступниковъ, яко такихъ, кои по стеченію различныхъ обстоятельствъ впали въ прегрѣшенія, судьбу ихъ отягощающія выше мѣръ ими содѣяннаго, отсылать всѣхъ вообще въ совѣстный судъ. Сіе мнѣніе Рижскаго намѣстническаго правленія, и прочія палаты того намѣстничества, по предписанію Сената, приглашены будучи, для общаго о томъ разсужденія, согласіемъ своимъ подтвердили, изъясняя въ общемъ своемъ разсужденіи, что тамошніе законы и шведское земское уложеніе, въ согласіе Моисеева закона, за вышепоказанное преступленіе налагаютъ казнь, отсѣчь голову преступнику и тѣло его сжечь въ срубѣ, а по отложеніи въ имперіи смертной казни, таковые преступники наказываются

тамъ, въ три воскресные сряду дни при церкви, каждый разъ десятью парами розогъ, отдаются на церковное покаяніе, и потомъ ссылаются вѣчно въ публичную крѣпостную или гаванную работу. Но поелику нѣтъ никакого въ томъ сомнѣнія, что сей родъ прегрѣшенія чинится не изъ злости, или какого либо вреднаго и умышленнаго стремленія на безопасность человѣческаго общества, но единственно изъ крайняго и грубаго невѣжества, то таковые злосчастные люди казалось бы и не должны нести такое жъ тяжкое наказаніе, каковому подлежать должны умышленные убійцы, разбойники и другіе преступники, нарушающіе злодѣйствомъ своимъ тишину и безопасность своихъ сограждан и государства. Съ симъ общимъ Рижскаго намѣстническаго правленія и палатъ разсужденіемъ согласился и правящій должность губернскаго прокурора, губернскій стряпчій. Одинъ только предсѣдатель палаты уголовнаго суда, разсуждаетъ тому противно, полагая мнѣніемъ, чтобы прежняго наказанія за таковыя прегрѣшенія не отмѣнять и не облегчать, дабы чрезъ нѣкое облегченіе казни не открывался путь къ оному ненатуральному пороку. Сенатъ, уважая настоящій случай, гдѣ человѣчество, погруженное въ сущее невѣжество, страждетъ единственно отъ непреложной строгости прежнихъ наказаній, и по вышеизъясненнымъ толь убѣдительнымъ резонамъ, не могши не согласиться съ онымъ мнѣніемъ, тѣмъ болѣе, что опыты нѣсколькихъ вѣковъ доказываютъ, что преступленія всегда возрастали по мѣрѣ усиливавшихся наказаній,—за долгъ поставилъ себѣ препоручить страждущій жребій впадающихъ въ подобныя прегрѣшенія, законоположенію, начертанному о должности совѣстнаго суда. Почему Сенатъ полагаетъ, согласно съ мнѣніемъ Рижскаго намѣстническаго правленія и палатъ, всѣхъ впадающихъ въ подобныя прегрѣшенія предавать сужденію совѣстнаго суда, который бы судилъ объ оныхъ со всевозможною осторожностію и милосердною кротостію, уважая въ семъ случаѣ главнѣйше то, что сего рода преступленіями не токмо судьба впадающихъ въ оныя отягощается сверхъ мѣры ими содѣяннаго, но при таковыхъ случаяхъ послѣдующее крайнее забвеніе самого себя, превышаетъ почти всякій родъ безумія, а посему самому таковыя глупости, вкрадывающіяся иногда въ непросвѣщенное человѣчество и будучи сопряжены съ крайнимъ невѣдѣніемъ собственнаго своего существа, подлежатъ, по мнѣнію Сената разбору и рѣшенію совѣстнаго суда.» Однако Государыня Императрица Ека-

терина II, съ симъ мнѣніемъ Правительствующаго Сената не согласилась, какъ это видно изъ послѣдовавшей на представленіе Сената резолюціи ея, въ которой сказано, что вообще повелѣнія на отсылку въ совѣстный судъ дѣлъ о приличающихся въ скотоложствѣ дать не можно, для того, что къ разбору и рѣшенію совѣстнаго суда принадлежатъ дѣла, касающіяся до таковыхъ преступниковъ, кои иногда болѣе по несчастливому какому ни есть приключенію, либо по стеченію различныхъ обстоятельствъ впали въ прегрѣшенія, судьбу ихъ отягощающія выше мѣръ ими содѣяннаго, также преступленія, учиненныя безумнымъ или малолѣтнимъ, и дѣла колдуновъ или колдовства, слѣдственно, если малолѣтніе въ скотоложствѣ приличены явятся, таковые конечно подлежатъ разбору и рѣшенію совѣстнаго суда, но совершеннолѣтніе, обличившіеся въ семъ родѣ преступленія, должны судимы быть по государственнымъ законамъ.»

Надобно замѣтить, что совѣстный судъ, нынѣ уже упраздненный, учрежденъ въ 1775 году Государынею же императрицею Екатериною II. Вѣдомству сего суда подлежали: «преступленія, учиненныя безумными, малолѣтними и несовершеннолѣтними, дѣла колдуновъ и колдовства, поелику въ оныхъ заключается глупость, обманъ и невѣжество; дѣла объ оскорбленіи дѣтьми правъ родительскихъ, и дѣла, касающіяся до преступниковъ, кои иногда болѣе по несчастному какому либо приключенію, либо по стеченію различныхъ обстоятельствъ, впали въ преступленія, судьбу ихъ отягощающія выше мѣръ преступленія, ими содѣяннаго.» Кромѣ того, о совѣстномъ судѣ, въ учрежденіи онаго, сказано, что совѣстный судъ вообще судитъ на основаніи общихъ законовъ, но какъ судъ сей установленъ быть оградою частной безопасности и ввѣренъ ему совѣстный разборъ и милосердное окончаніе дѣлъ, то посему правила совѣстнаго суда, во всѣхъ случаяхъ должны быть: *человѣколюбіе вообще, почтеніе къ особѣ ближняго, яко человѣку, отвращеніе отъ угнетенія или притѣсненія человѣчества.* Въ виду сего и послѣ приведенныхъ въ указахъ соображеній, мысль Правительствующаго Сената, о томъ, чтобы обличенные въ скотоложствѣ, не только малые, но и взрослые, судились въ совѣстномъ судѣ, представляется естественною и вполнѣ понятною. Но то, чему не было суждено осуществиться въ 1786 году, не смотря на искреннее желаніе Правительствующаго Сената, то есть, чтобы обличен-

ные въ скотоложствѣ, всѣ безъ изъятія, какъ малые такъ и взрослые судились судомъ совѣсти, осуществилось самою собою, силою обстоятельствъ, со введеніемъ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года, такъ какъ сими уставами, *въ основаніе коихъ въ существѣ положены тѣже, преподанныя въ руководство совѣстному суду, правила*, учрежденъ одинъ общій судъ, судъ присяжныхъ, который опредѣляетъ вину или невинность подсудимаго, непначе какъ по внушенію совѣсти, и кому подвѣдомственны, безъ всякаго уже различія въ возрастѣ подсудимаго, дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, за которые въ законѣ вообще, опредѣлены наказанія, соединенныя съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія, къ числу каковыхъ дѣлъ, относятся и дѣла о скотоложствѣ. Теперь остается только надѣяться, что, при предстоящемъ подробномъ и коренномъ пересмотрѣ уложенія о наказаніяхъ, изданія 1866 года, скотоложство со степени тяжкаго уголовнаго преступленія будетъ низведено на степень проступка, подлежащаго вѣдомству мировыхъ судей.

(Св. зак. угол. изд. 1832 г. кн. 2, ст. 1343, 1346; изд. 1842 г. кн. 2, ст. 1581, 1585. Полн. собр. закон. 7 нояб. 1775 г. № 14392, гл. XXVI, ст. 395—403. Суд. уст. 20 нояб. 1864 г. учрежд. суд. уст. ст. 7, уст. угол. судопр. ст. 33, 200, 201, 766, 804.)

Н. М. Пузановъ.

КОГДА ПЕРЕХОДИТЪ ПРИ ПУБЛИЧНОЙ ПРОДАЖѢ СЪ ТОРГОВЪ НЕДВИЖИМОСТЕЙ ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ НА ПРОДАННОЕ НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО ОТЪ ПРЕЖНЯГО СОБСТВЕННИКА ЕГО НА ПОКУПЩИКА?

Къ одному изъ самыхъ неудовлетворительныхъ отдѣловъ нашего гражданскаго права, безспорно, принадлежатъ законоположенія, нормирующія юридическія отношенія, непосредственнымъ объектомъ которыхъ служатъ недвижимости. Отсталость нашего законодательства въ этой области обнаруживается между прочимъ, и въ томъ, что весьма часто трудно или даже невозможно опредѣлить, кому принадлежитъ право собственности на даную недвижимость? Съ этимъ послѣднимъ затрудненіемъ судебная практика встрѣчается даже въ такихъ случаяхъ, когда перемѣна субъекта вещнаго права происходитъ при участіи административныхъ или судебныхъ мѣстъ. Сюда относится главнымъ образомъ, публичная продажа съ торговъ недвижимаго имущества, какъ способъ пріобрѣтенія права собственности. Настоящее изслѣдованіе посвящено разрѣшенію весьма важнаго, но спорнаго вопроса по этой области, а именно опредѣленію того времени, съ котораго дня покупщикъ съ торговъ пріобрѣтаетъ право собственности на приторгованное недвижимое имущество.

Рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ правильнаго толкованія слѣдующихъ законоположеній, которыя мы, для удобства читателей, выписываемъ полнымъ текстомъ.

Ст. 1509 зак. гражд. По полученіи на пріобрѣтенное съ публичнаго торга имѣніе данной или купчей, пріобрѣтатель такого имѣнія вступаетъ въ полное право собственности и можетъ свободно отчуждать оное; прежде-же полученія сего акта уступка пріобрѣтеннаго имъ на торгѣ права не дозволяется.

Прим. Правило, въ сей статьѣ постановленное, не распространяется на подобныя уступки, допущенныя до изданія онаго. *)
«Ст. 2133. 2 ч. X т. Имущество утверждается окончательно за тѣмъ изъ торгующихся, кто на переторжкѣ предложилъ высшую противъ другихъ цѣну.»

Уст. Гражд. Судопр. ст. 1128. «Описанное имѣніе остается, до публичной продажи во владѣніи прежняго владѣльца, который управляетъ онымъ съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ статьѣ 1097, т. е. при запрещеніи полнаго или частнаго отчужденія имѣнія.

Статья 1163. Непремѣнный членъ мироваго съѣзда или окружной судъ, смотря потому, гдѣ производилась продажа по истеченіи семи дней со дня торга постановляетъ опредѣленіе объ укрѣпленіи имѣнія за покупателемъ, если онъ внесъ всѣ тѣ суммы, которыя означены въ предъидущихъ статьяхъ.

Очевидная неясность и сбивчивость цитированныхъ законовъ препятствовали установленію единообразной практики въ ихъ примѣненіи, фактъ, о которомъ, въ виду громадной важности юридическихъ отношеній, ими нормированныхъ, конечно нельзя не сожалѣть.

Въ нашихъ судебныхъ мѣстахъ проводятся, по интересующему насъ вопросу, главнымъ образомъ, два мнѣнія, заключающіяся въ слѣдующемъ. Первое право собственности на приторгованную недвижимость пріобрѣтается покупщикомъ не раньше выдачи ему данной или купчей крѣпости. (К. Р. 1870 г. № 1806. Рѣш. III. деп. прав. сен. 24 марта; IV департ. 2 февраля 1875 г. Опредѣленіе Бѣлозерскаго окружн. суда 1866 г. по дѣлу Филонова съ Агваздинымъ, Петерб. мир. съѣзда 1872 г. по дѣламъ Малятина съ Гуляковымъ). **)

По второму мнѣнію, напротивъ, купленное съ публичныхъ торговъ имѣніе дѣлается собственностію покупщика, независимо отъ предварительнаго полученія данной, въ моментъ утвержденія торговъ или переторжки. Таковъ взглядъ, котораго въ

---

*) Статья эта тождественна съ примѣчаніемъ къ ст. 2176, 2 ч. X т.

**) Взглядъ, высказываемый въ 1871 г. по дѣлу Семенова съ Туляковымъ С.-Петербургскимъ, и по дѣлу Касаткина съ Косуриной Тверск. мировыми съѣздами обусловливающими возникновеніе вотчиннаго права покупкою съ торговъ, вводомъ его во владѣніе, не нуждается въ серьезномъ опроверженіи.

послѣдній годъ послѣдовательно сталъ держаться гражд. касс. деп. Сената *); таковъ, и взглядъ консультаціи при Министерствѣ Юстиціи **).

Такая противоположность мнѣній вполнѣ отразилась на произведеніяхъ нашей юридической литературы. Профессоръ Энгельманъ, встрѣчаясь съ вопросомъ о моментѣ перехода права собственности на имущество, переходящее къ другому владѣльцу по договорамъ, приходитъ, по отношенію къ публичнымъ торгамъ къ тому выводу, что «безспорное право собственности на такія имѣнія пріобрѣтается совершеніемъ купчей крѣпости». Но такой выводъ заслуженнаго отечественнаго ученаго не долженъ насъ удивлять, въ виду того, что профессоръ Энгельманъ признаетъ болѣе основательнымъ то мнѣніе, которое право собственности считаетъ вполнѣ и безспорно пріобрѣтеннымъ истеченіемъ двухгодичнаго срока послѣ объявленія о совершеніи договора, такъ какъ, по истеченіи означеннаго срока, никакіе споры противъ акта не допускаются. ***)

Попытку доказывать вѣрность противоположнаго взгляда сдѣлалъ г. Думашевскій въ журналѣ Мин. Юст. за 1868 г. и въ его сводѣ, въ изданіи 1872 г. подъ № 417 и 1874 г. подъ № 714. Приверженцемъ этой послѣдней теоріи слѣдуетъ, кажется, признать К. П. Побѣдоносцева. Слѣдующія слова автора, сличенныя съ текстомъ нижепомѣщеннаго сенатскаго рѣшенія по дѣлу Вендорфа, на которое онъ дѣлаетъ ссылку, оправдываютъ такое заключеніе. Переходъ права собственности совершается посредствомъ выдачи купчей или данной. Пріобрѣтатель прежде полученія сего акта не можетъ уступить свое право. ****)

Сообразно двойственности законодательства, т. е. стоящимъ рядомъ двумъ систематическимъ сборникамъ законовъ, новымъ уставамъ и 2-й части X тома, нормирующимъ спорный вопросъ, наше изслѣдованіе должно будетъ распадаться на двѣ части; на

---

*) 1871 г. № 528. 1872 г. № 928 и № 929. Опредѣленіе 27 марта 1875 г. по дѣлу Зуева.

**) Ср. Даниловъ: указатель вопросовъ гражд. права, разрѣшившихся на консультаціи при Мин. Юст. ст. 316 дѣло Махницкаго.

***) Пріобрѣтеніе право собственности на землю по русскому праву стр. 146 и 155.

****) Вотчинное право ст. 305.

отдѣльное разсмотрѣніе вышеприведенныхъ положеній X тома и уставовъ.

Какъ мы видѣли, нѣкоторые суды и ученые вполнѣ приравниваютъ публичную продажу къ обыкновенному виду купли-продажи, согласно правиламъ главы 11-й раздѣла и книги 3 зак. гражд. при чемъ они основываются на общемъ правилѣ, выраженномъ въ статьѣ 1517 (зак. гр.), по которому, при обыкновенной формѣ частной продажи недвижимостей, моментъ пріобрѣтенія права собственности на оную, обозначается передачею купчей крѣпости, и равнымъ образомъ на ст. 1509 зак. гр. и тождественномъ съ ней примѣчаніи къ ст. 2176, 2 ч. X т. (по полученіи на пріобрѣтенное съ публичнаго торга имѣніе данной или купчей, пріобрѣтатель такого имѣнія вступаетъ въ полное право собственности и можетъ свободно отчуждать оное; прежде же полученія сего акта уступка пріобрѣтеннаго имъ на торгѣ (имѣнія) права не дозволяется).

Но сила этихъ доводовъ уничтожается яснымъ смысломъ ст. 2133 «имущество утверждается окончательно за тѣмъ изъ торгующихъ, кто на переторжкѣ предложилъ высшую противъ другихъ цѣну.» Этотъ законъ служитъ основаніемъ для противоположнаго воззрѣнія, по которому время пріобрѣтенія права собственности совпадаетъ съ окончаніемъ переторжки. Такой единственно вѣрный взглядъ на настоящій вопросъ подкрѣпляется приложеніемъ такъ называем. argumentum a contrario къ ст. 2176, 2 ч. X т. и къ 1519 зак. гражд. Если законъ считаетъ нужнымъ упомянуть, что полное право собственности пріобрѣтается только по выдачѣ данной, и что до совершенія этого обряда покупщикъ лишенъ именно права отчужденія, то мы невольно придемъ къ такому выводу: ergo до врученія ему данной покупщикъ имѣетъ только не полное право собственности, и ограниченный въ правѣ отчужденія имѣетъ право пользованія, владѣнія и т. д. Я, конечно хорошо знаю, что исторія составленія и редакція нашихъ законовъ требуетъ крайней осторожности при употребленіи обратнаго толкованія съ одной стороны, и съ другой стороны тогда, когда приходится опирать свои выводы на терминологію свода, и что потому можетъ рождаться сомнѣніе, дѣйствительно-ли въ данномъ случаѣ законодатель имѣлъ въ виду техническую противоположность «полнаго и неполнаго права собственности» по смыслу ст. 423 зак. и 432. зак. гр. но вѣрность толкованія приданнаго нами примѣчанію къ ст. 2176.

2 ч. X т. и ст. 1509 з. гр. доказывается не только ясными словами закона: пріобрѣтатель такого имѣнія вступаетъ въ полное право собственности по полученіи данной,—стало быть имѣніе было имъ пріобрѣтено до врученія купчей крѣпости, это и вытекаетъ неопровержимымъ образомъ изъ исторіи цитированныхъ законовъ.

Въ основаніи раздѣла II, книги III, 2 ч. X т. «о порядкѣ описи, оцѣнки и публичной продажи имущества» лежитъ Высочайше утвержденное мнѣніе госуд. совѣта отъ 19 іюня 1849 г. *). Но въ первыхъ двухъ изданіяхъ свода законовъ (1832 и 1842 гг.) положеніе о порядкѣ описи и т. д. было позаимствовано изъ указа 25 іюня 1832 г. **), въ весьма немногихъ частяхъ и то только относительно редакціи статей отступающихъ отъ послѣдующаго мнѣнія госуд. совѣта. Но не смотря на то, что въ изданіяхъ свода отъ 1832 и 1842 гг. не достаетъ ни примѣчаній къ ст. 2176, ни ст. 2133, 2 ч. X т. (имущество утверждается окончательно за тѣмъ изъ торгующихся, кто на переторжкѣ предложилъ высшую противъ другихъ цѣну) наша практика въ то время не сомнѣвалась, что покупщикъ имѣнія съ торговъ пріобрѣтаетъ вещное право еще съ момента окончанія переторжки, а не по врученіи ему крѣпостнаго акта. Въ подтвержденіе этого, мы можемъ привести указъ Правительств. Сената отъ 18 января 1849 г. по дѣлу Вендорфа ***): «съ окончаніемъ переторжки проданное имѣніе дѣлается уже собственностію покупщика и слѣдовательно, передача имъ права на оное другому лицу составляетъ ничто иное, какъ отчужденіе права собственности на недвижимое имѣніе, которое совершается не иначе, какъ крѣпостнымъ порядкомъ».

Такое мнѣніе высшаго судебнаго мѣста получило еще въ томъ-же самомъ году законодательную санкцію, новымъ изданіемъ указа 1832 г. посредствомъ вставки въ него § 275 (нынѣ ст. 2133), которая положительными словами съ окончаніемъ переторжки соединяетъ послѣдствіемъ пріобрѣтеніе права собственности, и замѣтимъ—пока еще полное, не ограниченное. Въ силу этого обстоятельства, покупщики не только извлекали доходы съ имѣ-

*) П. С. З. 23405.
**) П. С. З. 5464.
***) Сборн. р. с. т. 11, № 500.

ній, купленныхъ на торгахъ, но и безпрепятственно ихъ отчуждали. Но передача правъ собственникомъ, не имѣвшимъ въ рукахъ крѣпостнаго акта, приводила присутственныя мѣста въ недоумѣніе, въ особенности когда приходилось вычислять за новую продажу крѣпостныя пошлины. И вотъ, для устраненія этихъто неудобствъ, но отнюдь не съ цѣлію опредѣленія позднѣйшаго срока перехода вотчиннаго права, государств. совѣтъ 27 октября 1852 г. *) «относительно взысканія крѣпостныхъ пошлинъ при передачѣ правъ на приторгованное съ публичныхъ торговъ недвижимое имѣніе, мнѣніемъ положилъ: § 311 (закона 19 іюня 1849 г.) приложенія къ ст. 3812 закон. гражд. изданія 1842 г. (соотвѣтствуетъ ст. 2176 изд. 1857 г.) дополнить слѣдующимъ примѣчаніемъ: «по полученіи на пріобрѣтенное..... и т. д. Впрочемъ правило сіе не распространяется на подобныя уступки допущенныя до изданія онаго.» Предшествующія тексту слова и послѣдняя фраза закона рѣшительно должна насъ убѣдить въ томъ, что примѣчаніе къ ст. 2176 имѣетъ единственную тенденцію ограничить право отчужденія. И дѣйствительно, законодатель не могъ постановить иначе, не вдаваясь въ крайнюю несправедливость. При частной продажѣ продавецъ обыкновенно не получаетъ цѣны до передачи имъ же купчей крѣпости. При публичной же продажѣ, покупщикъ обязанъ немедленно по окончаніи торга внести задатокъ въ размѣрѣ не ниже десятой части предложенной цѣны и дополнить остатокъ не позже 15 дней. Между тѣмъ, мы видимъ, что выдача, надлежащими присутственными мѣстами данной сплошь да рядомъ замедляется безо всякой вины со стороны покупщика, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Лишенный процентовъ съ своего капитала, пріобрѣтатель, съ отрицаніемъ за нимъ вотчиннаго права до полученія данной, вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ бы лишиться доходовъ съ имѣнія и возможности предпринимать мѣры, необходимыя для огражденія своего имущества отъ разоренія. Надо сказать что новѣйшіе законы не только не устранили всѣхъ поводовъ, рождающихъ замѣшательство и медленность въ выдачѣ данной послѣ утвержденія торговъ, но напротивъ, прибавили новыхъ. Сюда слѣдуетъ отнести 3-е продолженіе къ ст. 228. IX т., предписывающее нотаріусамъ, чтобы они лицамъ недворянскаго происхожденія, купившимъ съ торговъ имѣнія, на которыхъ на-

*) П. С. З. № 26711.

селены временно-обязанные крестьяне не раньше выдавали данныхъ, какъ по выкупѣ этихъ крестьянъ.

Во избѣжаніе указанныхъ несправедливостей, приверженцы противнаго здѣсь защищаемаго мнѣнія дѣлаютъ, какъ мнѣ приходилось слышать, слѣдующую натяжку. Они говорятъ, что, дѣйствительно, покупщикъ пріобрѣтаетъ право собственности не ранѣе врученія ему данной; но разъ оно совершилось, началомъ пріобрѣтенія вещнаго права считается заключеніе самой сдѣлки, т. е. окончаніе переторжки, и потому въ пользу пріобрѣтателя должны поступать всѣ тѣ юридическія послѣдствія, которыя наступили бы, если-бъ время перехода права собственности съ продавца на покупщика совпадало съ моментомъ окончанія переторжки. Такая фикція, очевидно, не выдерживаетъ критики. Она не находитъ поддержки въ законѣ, а напротивъ противорѣчитъ ему и во 2, не приводитъ къ желанной цѣли, т. е. не въ состояніи предупредить всѣ матеріальныя неудобства, которыя ея защитники думали, помощію ея, миновать.

Постановленія 2-й части X т. касательно пріобрѣтенія вотчиннаго права при продажѣ съ публичныхъ торговъ, не должны намъ показаться произвольнымъ исключеніемъ изъ общаго правила, въ силу котораго передача купчей крѣпости обозначаетъ моментъ перехода права собственности съ одного контрагента къ другому *).

Мотивы закона (ratio legis) находятся на лицо. Чѣмъ скорѣе покупщикъ можетъ осуществить право, пріобрѣтенное на торгахъ, тѣмъ больше шансовъ на выручніе хорошей цѣны, тѣмъ сильнѣе кредитъ публичной продажи. Надо далѣе принять въ соображеніе, что продажа совершается какъ-бы отъ имени правительства, **) и что торгамъ обыкновенно предшествуетъ приговоръ судебнаго мѣста. Очевидно, что такая продажа представляетъ гораздо больше гарантій въ ея правомѣрности и боль-

*) По французскому праву, принявшему (23 марта 1855 г.) систему транскрипціи недвижимыхъ имуществъ и вещныхъ правъ, переходъ права собственности на недвижимость совершается простымъ соглашеніемъ по отношенію къ покупщику. „La proprieté est acquise de droit à l'acheteur à l'égard du vendeur, dès qu'on est convenn de la chose et du prix, quoique la chose n'ait pas encore été livreé ni le prix payé. Cod. civ. art. 1583.

**) Ср. Побѣдоносцевъ, вотч. право стр. 305. „Правительство заступаетъ лицо собственника.“ Сбор. Рѣш. Прав. Сената 1863 г. № 719.

шую увѣренность въ томъ, что отчуждатель имѣлъ законное право къ продажѣ имѣнія. Вслѣдствіе этого, нотаріусы, выдающіе по предписанію губ. правленій данныя на приторгованныя имѣнія, избавлены отъ производства всевозможныхъ справокъ, необходимой гарантіи для покупающаго недвижимость изъ рукъ частнаго владѣльца. Да помимо этого, публичной-же продажѣ и въ другомъ отношеніи свойственны гражданскія послѣдствія, въ сравненіи съ частной продажею болѣе сильныя, напримѣръ то, что родовое имѣніе не подлежитъ выкупу (ст. 1506 з. гр.) и что послѣ подписанія крѣпостнаго акта на продаваемое съ публичнаго торга имущество, никакія возраженія, въ свое время не предъявленныя, уже не принимаются ст. 2052 2 ч. X т.

Имущество утверждается окончательно и право собственности на него признается за предложившимъ на переторжкѣ высшую цѣну. Но до выдачи данной право собственности будетъ не только не полное, по причинѣ ограниченія „въ письмѣ купчихъ и закладныхъ," но кромѣ того, такого рода собственность, дальнѣйшее существованіе которой поставлено въ зависимость отъ наступленія будущаго событія: платежа всей покупной суммы въ срокъ (ст. 2142, 2 ч. X т.). Указанное обстоятельство имѣетъ характеръ отрицательнаго резолютивнаго условія. *) Сдѣлка вступила въ силу со всѣми юридическими послѣдствіями въ пользу покупщика — и до того времени, пока не сдѣлалось извѣстнымъ наступленіе условія, съ тѣмъ однако, что дѣйствительное исполненіе резолютивнаго условія со стороны покупщика ipso jure влекло за собою уничтоженіе договора купли-продажи и возстановленіе status quo ante **). Такимъ образомъ до взноса въ установленный закономъ срокъ всей покупной суммы, вотчинное право покупщика имѣетъ всѣ признаки того вида собственности, которое въ теоріи носитъ названіе: dominium revocabile, widerruf'liches Eigenthum.

Не встрѣчая въ сводѣ препятствій къ такой конструкціи, я тѣмъ болѣе считалъ ее возможной, что отчасти могу опираться на авторитетъ К. П. Побѣдоносцева, который въ § 33 вотчин-

---

*) Утвержденіе Сенатомъ торговъ въ такомъ случаѣ, когда имѣніе подверглось публичной продажѣ исключительно по казеннымъ взысканіямъ, размѣры которыхъ не превышаютъ сумму вырученную на торгахъ, равносильно суспензорному условію (2142, п. 2. 2162. 2164, 2 ч. X т.).

**) Windscheid I § 90. 91. Vangerov. I § 16. Авт.

наго права прямо примѣняетъ къ нашему праву принятое теоріею дѣленіе права собственности на dominium revocabile (поворотное:) и non revocabile. «Можетъ быть, говоритъ авторъ, еще такое владѣніе, которое, хотя и утверждается на правѣ собственности, хотя и продолжается законно, но по существу права съ симъ владѣніемъ соединеннаго, состоитъ подъ страхомъ, ибо можетъ подлежать отмѣнѣ и возвращенію, вслѣдствіе нѣкоторыхъ событій отъ владѣльца не зависящихъ или нѣкоторыхъ дѣйствій самого владѣльца. Таково напримѣръ владѣніе лица пріобрѣтшаго имѣніе по безусловному дару.... таково владѣніе покупщика, пріобрѣтшаго родовое имѣніе продавца.... (dominium revocabile).

Мнѣніе, нами защищаемое, на первый взглядъ какъ бы опровергается статьею, 2172, 2 ч. X т. Сдѣлаемъ попытку примиренія кажущихся противоположностей. Начальныя слова этой статьи «мѣста и лица производящія публичную продажу имуществъ..... обязаны въ три дня по внесеніи покупателемъ всей покупной суммы, сдѣлать надлежащее постановленіе объ утвержденіи за покупателемъ проданнаго имущества и посему постановленію войти немедленно въ сношеніе съ кѣмъ слѣдуетъ о написаніи крѣпостнаго акта»..... какъ будто противорѣчатъ тексту и смыслу ст. 2133 (имущество утверждается окончательно за тѣмъ изъ торгующихся, кто на переторжкѣ предложилъ высшую противъ другихъ цѣну»).

Мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ вопросомъ о толкованіи двухъ законоположеній не согласующихся между собою или по невѣрности или по неточности выраженія. Чтобы выйти изъ затрудненія, причиненнаго крайне неудачной редакціею, приложимъ начала, выработанныя герминевтивкой **).

Предположимъ, что въ данномъ случаѣ выраженіе закона невѣрное, т. е., что слово не соотвѣтствуетъ идеи законодателя, и что потому слѣдуетъ отвергнуть одинъ изъ двухъ законовъ. Въ такомъ случаѣ, я не поколебался бы отдать предпочтеніе ст. 2133, потому что она во 1) рѣшаетъ вопросъ прямымъ образомъ, между тѣмъ какъ другая даетъ мѣсто только обратному толко-

---

*) Ср. Windscheid, I § 165. Annal. 5. и Комментарій Bonnier къ art. 16 54 C. c. Arrêt de la Ccour de Paris 19 fevr. 1844. y Sirey 44. II 115.

**) Ср. Savigny, system I § 35. 37 § 42. § 45.

ванію; во 2) въ результатѣ болѣе согласно съ другими законами (примѣч. къ ст. 2176) и въ 3) болѣе соотвѣтствуетъ справедливости. Однако поправлять законодателя и приписывать ему невѣрное выраженіе мы вправѣ лишь при отсутствіи всѣхъ другихъ способовъ придти къ какому нибудь удовлетворительному выводу. Способъ этотъ можетъ состоять въ томъ, что мы прилагаемъ къ ст. 2172 ограничительное толкованіе. Изъ предписанія присутственному мѣсту сдѣлать по внесеніи всей суммы надлежащее постановленіе объ утвержденіи за покупщикомъ имущества, не слѣдуетъ еще съ необходимостью, что право собственности на проданное имѣніе не перешло на покупщика и до производства платежа, т. е. здѣсь неумѣстно всякое обратное заключеніе. Правопріобрѣтательнымъ фактомъ не представляется постановленіе присутствія, но переходъ вещнаго права происходитъ ipsoj ure окончаніемъ переторжки. Приговоръ присутственнаго мѣста служитъ только оффиціальнымъ подтвержденіемъ этого послѣдняго событія и объявленіемъ, что со стороны покупщика исполнены всѣ условія договора, и что потому не имѣется дальнѣйшихъ препятствій для выдачи ему крѣпостнаго акта.

Впрочемъ, я охотно соглашусь съ тѣмъ, что сдѣланная нами попытка къ соглашенію указанныхъ двухъ законовъ, могла бы быть болѣе удовлетворительною при допущеніи, что временемъ установленія правъ собственности является не моментъ окончанія переторжки, а взноса всей покупной суммы, ибо въ такомъ случаѣ будетъ сохранено согласіе судебныхъ уставовъ съ постановленіемъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы обращаемся.

Сила слѣдующихъ соображеній должна привести къ убѣжденію, что судебныя мѣста, руководящіяся новыми уставами, не могутъ не признать изъясненнаго нами правила. 1) Статья 1509 зак. гр., какъ норма матеріальнаго права, не отмѣнена уставомъ гр. судопроизводства. 2) По смыслу ст. 1097 и 1128 уст. гражд. судопр. за прежнимъ владѣльцемъ описаннаго имѣнія остается право владѣнія, полученія доходовъ и управленіе только до окончанія публичной продажи, но такъ какъ эти права не могутъ остаться безъ субъекта, то очевидно, они переходятъ съ момента утвержденія торга къ покупщику. Объемъ предъявленныхъ ему правъ, такимъ образомъ, вполнѣ будетъ гармонировать съ ограниченіемъ, выставленнымъ ст. 1509 зак. гр.

Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что въ мотивахъ къ ст. 1165 сказано, что данная свидѣтельствуетъ только о пріобрѣтеніи съ торга недвижимой собственности, но не говорится, будто, она есть способъ перенесенія вотчиннаго права на лицо покупщика.

Опредѣливъ время, съ котораго установляется право собственности покупщика съ публичнаго торга, мы въ состояніи будемъ указать, въ главныхъ чертахъ, на объемъ тѣхъ правъ, которыя принадлежатъ пріобрѣтателю еще до выдачи ему данной, и важнѣйшія юридическія послѣдствія, изъ такихъ правоотношеній вытекающія.

Съ утвержденіемъ торговъ (окончаніемъ торговъ) покупатель имѣетъ право на всѣ доходы, приращенія и всѣ выгоды съ имѣнія; можетъ заключить арендный договоръ, между тѣмъ какъ арендные контракты прежняго владѣльца ipso jure должны прекратиться *), онъ можетъ требовать представленія отчетовъ съ лицъ, управлявшихъ имѣніемъ до ввода его во владѣніе, можетъ предпринимать, самостоятельно или черезъ присутственныя мѣста всѣ мѣры, необходимыя для охраненія своей собственности отъ поврежденій и убытковъ;

въ частности же, застраховать имѣніе, предъявлять иски за потравы, порубки лѣса, для перерыва давности противъ незаконнаго владѣльца частей; но на его страхъ падаетъ и гибель и уменьшеніе цѣнности имѣнія;

новый законъ, издаваемый въ періодъ времени отъ окончанія переторжки (утвержденія торговъ) до выдачи покупщику или его наслѣдникамъ данной, и ограничивающій или съ субъективной или съ объективной стороны правоспособность покупщика на пріобрѣтеніе недвижимостей не можетъ препятствовать укрѣпленію за этимъ послѣднимъ купленнаго имѣнія **);

---

*) К. Р. 27. М. 1875 г. № 928, 929, 1872 г.

**) Такой вопросъ имѣлъ практическое значеніе по дѣлу Махницкаго. Махницкій купилъ съ публичныхъ торговъ имѣніе 28 іюля 1865 года. Въ силу Высочайшаго повелѣнія 10 декабря 1865 г. о воспрещеніи лицамъ польскаго происхожденія вновь пріобрѣтать недвижимыя имѣнія въ западномъ краѣ. Подольская Гражданская палата отказала Махницкому въ выдачѣ данной на купленное имѣніе. Д. Общ. Соб. Права Сен. 1869 г. № 267.

покупщикъ, умершій въ промежуткѣ времени, съ окончанія переторжки (утвержденія торговъ) до полученія крѣпостнаго акта, не оставляетъ въ наслѣдство обязательное право—право требованія передачи ему имѣнія, но вещное право,—недвижимость; и наконецъ въ рукахъ законныхъ наслѣдниковъ покупщика, не дожившаго до выдачи ему данной, имѣніе будетъ родовымъ.

А. Ливенъ.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

1876 года марта 27 дня, по указу Его Императорскаго Величества, Московскій окружной судъ, по V отдѣленію, въ публичномъ засѣданіи, открытомъ подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя В. Н. Лаврова, въ составѣ членовъ: П. Л. Дружинина, С. С. Перфильева, слушалъ: 1) дѣло по иску старшаго учителя Якова Ивановича Гринчакъ къ коллежскому ассессору Владиміру и дѣвицѣ изъ дворянъ Варварѣ Александровымъ Мономаховымъ и къ малолѣтнимъ дѣтямъ Екатерины Александровны Сыробоярской о признаніи недѣйствительнымъ завѣщанія жены истца Варвары Хрисанфовны Гринчакъ и 2) заключеніе товарища прокурора. Обстоятельства дѣла: присяжный повѣренный Громницкій по довѣренности Владиміра Мономахова, при прошеніи поданномъ московскому окружному суду 8 мая 1875 г. представилъ къ утвержденію домашнее духовное завѣщаніе жены учителя Варвары Гринчакъ, писанное 22 апрѣля 1875 года коллежскимъ регистраторомъ Николаемъ Ивановичемъ Никласъ, подписанное завѣщательницею Гринчакъ и 3-мя свидѣтелями: Сазоновичемъ, Слѣпцовымъ и Княземъ Шаховскимъ. Завѣщаніе это слѣдующаго содержанія: «Во имя отца и Сына и Святаго Духа Аминь. Будучи въ здравомъ умѣ и твердой памяти завѣщаю симъ послѣ смерти моей слѣдующее: все мое движимое имѣніе, въ какихъ бы видахъ не заключалось оно, должно быть раздѣлено на три равныя части, изъ коихъ одну часть предоставляю я родному брату моему по матери коллежскому ассессору Владиміру Александровичу Мономахову, другую часть родной сестрѣ моей по матери, дѣвицѣ изъ дворянъ Варварѣ Александровнѣ Моно-

маховой, и третью часть всѣмъ малолѣтнымъ дѣтямъ покойной родной сестры моей по матери Екатерины Александровны урожденной Мономаховой, а по замужеству Сыробоярской, 1875 года апрѣля 22 дня. Сіе духовное завѣщаніе писалъ со словъ завѣщательницы коллежскій регистраторъ Николай Ивановичъ Никласъ. Жена старшаго учителя Лицея Цесаревича Николая Варвара Хрисанфовна Гринчакъ. Что сіе духовное завѣщаніе лично мнѣ предъявленное самою завѣщательницею, женою старшаго учителя Лицея Цесаревича Николая, Варварою Хрисанфовною Гринчакъ, состагленное ею въ здравомъ умѣ и твердой памяти и собственноручно ею подписано, въ томъ свидѣтельствую и подписуюсь коллежскій совѣтникъ Михаилъ Сергѣевъ Созоновичъ. Что сіе духовное завѣщаніе подписано рукой жены старшаго учителя Лицея Цесаревича Николая Варварою Хрисанфовной Гринчакъ, при чемъ она находилась въ здравомъ умѣ и твердой памяти, въ томъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ губернскій секретарь Аркадій Александровъ Слѣпцовъ. Что сіе духовное завѣщаніе лично мнѣ предъявлено самой завѣщательницею женою старшаго учителя Лицея Цесаревича Николая Варварою Хрисанфовною Гринчакъ, составлено ею въ здравомъ умѣ и твердой памяти и собственноручно ею подписано въ томъ свидѣтельствую и подписуюсь артиллеріи Штабсъ-капитанъ князь Александръ Владиміровъ Шаховской.» Цѣну завѣщанному Громницкій опредѣлилъ въ 25.064 руб. 10 коп. Завѣщательница умерла 30 апрѣля 1875 года, какъ въ этомъ удостовѣряетъ выпись изъ метрической книги Московской Знаменской за Покровскими воротами церкви, отъ 5 мая 1875 года. Въ виду предъявленія спора со стороны мужа завѣщательницы, окружной судъ, 19 мая 1875 г. постановилъ: «охранительное дѣло объ утвержденіи духовнаго завѣщанія Гринчакъ пріостановить, а исковому прошенію Гринчакъ дать ходъ въ порядкѣ общаго судопроизводства. Повѣренный Гринчакъ—присяжный повѣренный Герике въ исковомъ прошеніи, поданномъ 16 мая 1875 года, между прочимъ изложилъ, что завѣщательница, подписавшая лично завѣщаніе, не только въ день подписанія завѣщанія, но еще за нѣсколько дней до этого времени потеряла зрѣніе, не возвращавшееся къ ней до самой смерти, подтвержденіемъ чего служитъ, какъ собственное заявленіе умершей о слѣпотѣ ея нѣкоторымъ лицамъ, такъ и другіе факты, доказавшіе ея слѣпоту, къ послѣднимъ относится вскрытіе трупа умершей Варвары Гринчакъ, совершенное въ при-

сутствіи лѣчившаго ея врача Гугенбергера и подтвердившее потерю зрѣнія, а также и характеристическія особенности подписи ея подъ духовнымъ завѣщаніемъ. По статьѣ 919 X т. ч. 1 зак. гр. для дѣйствительности домашняго акта составленнаго слѣпымъ необходимо, чтобы таковой былъ подписанъ не самимъ слѣпымъ, а лицомъ которому онъ довѣряетъ; въ виду не соблюденія таковой закономъ установленной формы, завѣщаніе Гринчакъ должно быть признано недѣйствительнымъ, поэтому Герике, опредѣливъ цѣну иска въ 25064 руб. 10 коп. просилъ окружной судъ признать домашнее духовное завѣщаніе Варвары Хрисанфовны Гринчакъ, по недѣйствительности, не подлежащимъ утвержденію, и вызвать въ качествѣ свидѣтелей въ подтвержденіе факта слѣпоты Гринчакъ: доктора Ѳедора Карповича Гугенбергера, акушерку Наталью Серебренникову, Александру Ушкову, солдатку Василису Рябчикову, крестьянку Фіону Кузмину, унтеръ офицера Ѳедора Кучеркова и крестьянина Ивана Сучкова. Повѣренный отвѣтчиковъ, присяжный повѣренный Варѳоломѣевъ повѣренный Владиміра Мономахова какъ наслѣдника по завѣщанію и опекуна малолѣтныхъ Сыробоярскихъ, въ отвѣтѣ, поданномъ суду 26 іюня, отвергалъ предъявленный искъ, при чемъ указалъ на то, что 919 ст. X т. ч. 1. зак. гражд. къ данному дѣлу не относится, такъ какъ для духовныхъ завѣщаній есть спеціальная статья 1053, которая требуетъ подписи завѣщанія другимъ лицомъ вмѣсто завѣщателя, тогда только, когда онъ не умѣетъ или за болѣзнію не можетъ подписать завѣщанія, а не тогда еще, когда онъ слѣпъ, такъ какъ вообще слѣпота завѣщателя и особенно временная передъ его смертію можетъ и не лишать его способности подписать завѣщаніе. Смыслъ 919 ст. X т. ч. 1 зак. гражд. въ связи съ 816, 874 и 882 ст. того же тома и части и 113 ст. полож. о нот. части указываетъ тотъ случай, когда лицо вовсе не можетъ подписать акта. Кромѣ того духовное завѣщаніе, какъ это утверждаетъ и истецъ, подписано самою Варварою Гринчакъ, которая не была совершенно слѣпа, а по случаю болѣзни обладала только слабымъ зрѣніемъ. Въ возраженіи, поданномъ 14 іюля 1875 года, Герике опровергалъ доводы повѣреннаго отвѣтчиковъ по слѣдующимъ соображеніямъ: значеніе и требованіе 919 ст. X т. ч. 1 не уничтожается 1053 ст. вторая половина послѣдней статьи заключаетъ въ себѣ правила, о томъ какимъ условіямъ долженъ соотвѣтствовать рукоприкладчикъ и какъ должно писаться самое

рукоприкладство, т. е. о необходимости обозначенія причинъ, почему завѣщаніе не подписано самимъ завѣщателемъ, это-то правило, заключающееся во второй половинѣ 1053 ст. объясняетъ появленіе этой спеціальной статьи, такъ какъ въ общей 919 ст. гдѣ указано только за кого должно быть рукоприкладство не указано кто и въ какихъ случаяхъ можетъ быть рукоприкладчикомъ и какимъ образомъ рукоприкладство должно писаться; и такъ какъ лица за которыхъ должно совершаться рукоприкладство уже поименованы всѣ въ 919 ст., то законодатель и не имѣлъ необходимости снова переименовывать ихъ всѣхъ безъ исключенія въ статьѣ 1053, имѣя въ виду, что спеціальная статья не уничтожаетъ общей въ данномъ случаѣ. Со взглядомъ повѣреннаго отвѣтчиковъ, что рукоприкладство за слѣпаго не обязательно, нельзя согласиться, такъ какъ статьи на которыя ссылается повѣренный редактированы въ дѣйствительности не такъ какъ онъ ихъ излагаетъ въ своемъ отвѣтѣ: изъ буквальнаго смысла 919 ст. и другихъ очевидно, что законодатель слѣпаго уравниваетъ съ безграмотнымъ, и, признавая, какъ одного такъ и другаго неправоспособными къ подписи актовъ, не представляетъ право дѣйствовать такъ или иначе, а положительно предписываетъ поступать извѣстнымъ опредѣленнымъ образомъ. Далѣе въ подтвержденіе того, что завѣщательница дѣйствительно была слѣпа Герике указываетъ на слѣдующія обстоятельства. 7 апрѣля 1875 года Варвара Гринчакъ уже больная составляетъ духовное завѣщаніе, которое пишетъ сама все отъ начала до конца, подписываетъ своею рукою и проситъ подписать въ качествѣ свидѣтелей близко имъ знакомыхъ лицъ, этимъ завѣщаніемъ она все свое состояніе оставляетъ мужу; о чемъ и разсказываетъ знакомымъ. Спустя четырнадцать дней болѣзненное состояніе Гринчакъ ухудшилось, такъ что 19 и 20 апрѣля Гринчакъ была уже не въ состояніи подняться съ постели и потеряла зрѣніе. 22 апрѣля во время отсутствія мужа въ квартиру г-жи Гринчакъ являются супруги Никласъ и съ ними будто бы другія три лица, не бывшія до этого времени въ домѣ Гринчака и здѣсь при содѣйствіи этихъ лицъ возникаетъ новое духовное завѣщаніе написанное мужемъ Никласъ, подписанное слѣпою г-жею Гринчакъ и тремя свидѣтелями, завѣщаніе совершенно противоположное завѣщанію 7 апрѣля и по которому она мужу ничего не оставляетъ. Нѣсколько дней спустя въ присутствіи общаго знакомаго коллежскаго ассессора Антона Григорьевича Се-

меновича завѣщательница обращается къ мужу съ просьбою, чтобы онъ не забылъ послѣ смерти ея раздать 100 руб. бѣднымъ, 100 рублей отправилъ бы на Аѳонъ и не забылъ сиротъ племянниковъ ея Сыроболярскихъ, которымъ выдалъ бы 1000 р. серебромъ. Подобная просьба со стороны Гринчакъ не могла быть обращена къ мужу, если бы она дѣйствительно знала содержаніе той бумаги, которую подписывала 22 апрѣля, такъ какъ въ ней мужу ничего не отказывалось. Такое противорѣчіе перваго завѣщанія со вторымъ и разговоръ бывшій съ мужемъ послѣ составленія втораго завѣщанія, приводятъ къ несомнѣнному убѣжденію, что дѣйствительно содержанія завѣщанія, отъ 22 апрѣля, подписаннаго ею слѣпою, она не знала, и что кромѣ того во время подписанія втораго завѣщанія она уже не обладала полною сознательностію дѣйствій. Ненормальность умственнаго состоянія завѣщательницы подтверждается также актомъ анатомическаго вскрытія трупа г-жи Гринчакъ, указывающимъ на такія прижизненныя патологическія измѣненія въ области головы, при которыхъ полное присутствіе здраваго ума признано быть не можетъ. Въ виду изложеннаго Герике просилъ окружной судъ, въ дополненіе къ спросу свидѣтелей, выставленныхъ въ исковомъ прошеніи по предмету слѣпоты, допросить этихъ свидѣтелей по вопросу объ умственныхъ способностяхъ Гринчакъ, а также и по обстоятельствамъ, касающимся составленія, какъ перваго, такъ и втораго духовнаго завѣщанія, и вызвать въ качествѣ свидѣтелей по тѣмъ же предметамъ: коллежскаго ассессора Семеновича и доктора медицины Нейдинга, допустить экспертизу врачей спеціалистовъ по глазнымъ болѣзнямъ—по вопросу о слѣпотѣ г-жи Гринчакъ и экспертизу врачей спеціалистовъ по душевнымъ болѣзнямъ для опредѣленія умственнаго состоянія г-жи Гринчакъ. При этомъ Герике представилъ копію съ акта судебно-врачебнаго осмотра, составленнаго 1875 года мая 3 дня въ 9 часовъ утра въ присутствіи гг. врачей: Нейдинга, Клейна и Гугенбергера, изъ котораго видно, что единоутробный братъ г-жи Гринчакъ, г. Мономаховъ, 28 апрѣля сего года, заявилъ г. товарищу прокурора московскаго окружнаго суда Муравьеву о жестокомъ обращеніи съ его, Мономахова, сестрою мужа ея г. Гринчакъ, это заявленіе подтвердилось показаніями гг. Никласъ, давно знавшими г-жу Гринчакъ и людьми, находившимся у нея въ услуженіи; что г-жа Гринчакъ въ январѣ мѣсяцѣ сего года вышла замужъ и вскорѣ

послѣ брака сдѣлалась больна, будто бы, отъ непріятностей, которыя г-жа Гринчакъ испытывала отъ своего мужа. Докторъ Гугенбергеръ лѣчившій г-жу Гринчакъ, и увидѣвшій ее въ первый разъ въ мартѣ нашелъ ее беременною, при чемъ наблюдалъ у ней слѣдующіе болѣзненные припадки: сначала была ничѣмъ не удержимая рвота, которая смѣнилась сильнымъ слюнотеченіемъ, вмѣстѣ съ этимъ у ней наблюдалось постепенное ослабленіе внѣшнихъ чувствъ, зрѣнія, слуха и обонянія, впрочемъ ослабленіе чувства обонянія у ней замѣтно было еще съ 13-го лѣтняго ея возраста. Слабѣя все болѣе и болѣе больная Гринчакъ 30-го апрѣля умерла. А.) Наружный осмотръ: трупъ слабаго тѣлосложенія, роста средняго, 22 лѣтъ, весьма изнуренный. Общій цвѣтъ трупа блѣдно желтоватый,—на животѣ и бокахъ зеленый. Трупная окоченѣлость незначительная. Лице блѣдное изнуренное; глаза закрытые вѣками, соединительная оболочка ихъ блѣдна, роговица потускнѣла, зрачки умѣренно расширены. Шея длинная, тонкая, вообще при наружномъ осмотрѣ трупа знаковъ внѣшняго механическаго насилія и уродливостей не замѣчается. В) Внутренній осмотръ: 1) полость черепа. Мягкіе покровы головы блѣдны, малокровны, кости свода черепа довольно толсты, на внутренней ихъ поверхности свѣжія костечныя отложенія, встрѣчающіяся въ первый періодъ беременности (бархатистые остеофиты). Твердая мозговая оболочка приросла къ костямъ свода черепа, преимущественно соотвѣтственно теменной области; сосуды твердой мозговой оболочки умѣренно полнокровны, въ продольной ея пазухѣ рыхлые фибринозные свертки; въ пазухахъ на основаніи черепа отчасти жидкая, отчасти полусвернувшаяся кровь, сосуды мягкой мозговой оболочки умѣренно полнокровны. Существо большаго мозга въ разрѣзѣ представляется очень мягкимъ и усѣяно небольшимъ количествомъ мелкихъ точекъ отъ перерѣзанныхъ сосудовъ; въ боковыхъ желудочкахъ мозга нѣсколько капель серозной жидкости, сосудистыя сплетенія умѣренно полнокровны. Правый обонятельный нервъ совершенно атрофированъ, въ видѣ тонкой бѣловатой нити, а лѣвый представляется нѣсколько приплюснутымъ, впрочемъ относительно развитъ хорошо. Оба зрительные нерва представляются размягченными и уплощенными и надъ мѣстомъ перекреста зрительныхъ нервовъ существо мозга, на пространствѣ величиною въ лѣсной орѣхъ, представляется размягченнымъ и усѣяннымъ красными точками. Всѣ во-

обще части головнаго мозга умѣренно полнокровны. Въ костяхъ черепа никакихъ поврежденій. Принимая во вниманіе все изложенное въ актѣ вскрытія, слѣдуетъ заключить, что смерть Варвары Хрисанфовны Гринчакъ послѣдовала, сколько можно судить о томъ при значительной степени гнилости трупа, отъ отека легкихъ и болѣзненнаго состоянія мозга, при общемъ истощеніи и при беременности. Въ засѣданіе 17 ноября явились повѣренные тяжущихся Герике и Варфоломѣевъ, представившій подлинную довѣренность, выданную Мономаховымъ Громницкому. Герике представилъ: 1) духовное завѣщаніе г-жи Гринчакъ составленное ею 7 апрѣля 1875 года и подписанное тремя свидѣтелями: главнымъ надзирателемъ Лицея Цесаревича Николая Петромъ Дмитріевичемъ Писаревымъ, австрійскимъ подданнымъ Евгеніемъ Евгеньевичемъ Бачинскимъ и коллежскимъ ассесоромъ Антономъ Григорьевичемъ Семеновичемъ; 2) копію съ заявленія Никласъ на имя московскаго оберъ-полиціймейстера о жестокомъ обращеніи Якова Гринчакъ съ его женою; 3) копію съ рапорта частнаго пристава Срѣтенской части о произведенномъ дознаніи по заявленію Никласъ и 4) копію съ удостовѣренія отъ прокурора Московскаго окружнаго суда въ томъ, что заявленіе о жестокомъ обращеніи Якова Гринчакъ съ женою оставлено безъ послѣдствій. Въ словесномъ объясненіи Герике, повторивъ изложенное въ исковомъ прошеніи и въ возраженіи на отвѣтъ, просилъ судъ допросить указанныхъ имъ въ исковомъ прошеніи свидѣтелей, а также экспертовъ врачей какъ относительно слѣпоты, такъ и состоянія умственныхъ способностей Гринчакъ во время составленія завѣщанія отъ 22 апрѣля. Достовѣрными экспертами, по мнѣнію Герике, могутъ быть врачи. Варфоломѣевъ, считая спросъ свидѣтелей и экспертовъ излишнимъ, возражалъ, что 919 ст. X т. ч I зак. гр. къ настоящему случаю не относится въ виду 1053 ст. того же тома, въ которой говорится, что если завѣщатель не успѣетъ или за болѣзнію не можетъ подписать своеручно завѣщанія, то сверхъ свидѣтелей, по просьбѣ завѣщателя, должна быть подпись другаго лица. По мнѣнію Варѳоломѣева до подписей завѣщаній относится лишь 1053 ст. X т. ч I зак. гражд., 919 статья же того же тома, какъ помѣщенная въ другомъ раздѣлѣ, не должна быть примѣняема при обсужденіи вопроса о подписяхъ на завѣщаніяхъ. Что же касается до умственныхъ способностей Гринчакъ, то въ виду производства медицинскаго осмотра тру-

на Гринчакъ, при значительной его гнилости, заключеніе экспертовъ объ этомъ обстоятельствѣ не должно заслуживать особаго вниманія. Герике объяснилъ, что 919 ст. возникла изъ Высочайшаго указа отъ 21 марта 1823 года за № 29.373, состоявшагося по вопросу о подписи слѣпаго на духовномъ завѣщаніи. Разстройство же умственныхъ способностей Гринчакъ не подлежитъ сомнѣнію, вслѣдствіе найденныхъ при вскрытіи ея трупа измѣненій въ мозгу. Варфоломѣевъ въ прошеніи, поданномъ суду 1-го декабря, объяснилъ, что въ концѣ апрѣля 1875 года, послѣ составленія и подписанія Варварою Гринчакъ 22 того же апрѣля завѣщанія, которое нынѣ оспариваетъ, мужу ея былъ присланъ въ московскій почтамтъ изъ сердобской почтовой конторы денежный пакетъ на имя помянутой Гринчакъ отъ капитана гвардіи Дмитрія Павловича Свиридова и что этотъ денежный пакетъ былъ полученъ ею черезъ посредство ея мужа настоящаго истца по ея же уполномочію. Такой фактъ вполнѣ доказываетъ, что самъ истецъ Гринчакъ признавалъ свою жену Варвару Гринчакъ и послѣ означеннаго 22 апрѣля, т.-е. по совершеніи ею оспариваемаго нынѣ завѣщанія правоспособною и обладающею умственными способностями. Въ засѣданіи суда 15 декабря, назначенномъ по поводу этого прошенія, Герике находилъ, что свѣдѣнія, могущія быть доставленными г. Варфоломѣевымъ, нисколько не измѣняютъ положенія дѣла, такъ какъ полученіе денегъ изъ почтамта состоялось безъ участія г-жи Гринчакъ. Г. Гринчакъ написалъ на объявленіи довѣренность г-жѣ Усиковой, которая и получила эти деньги изъ почтамта. Согласіе же г-жи Гринчакъ на полученіе ея денегъ было дано мужу еще до 22 апрѣля. Затѣмъ 24 января Герике и Варфоломѣевъ въ общемъ прошеніи объяснили, что за отказомъ почтамта отъ доставленія объявленія, они, для выиграніе времени, пришли къ взаимному признанію факта, что на двухъ объявленіяхъ почтамта на имя г-жи Гринчакъ дѣйствительно имѣются подписи мужа ея въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „По сему объявленію довѣряю получить Александрѣ Ѳедоровой Усиковой“ Варвара Хрисанфовна Гринчакъ. Сію довѣренность писалъ по просьбѣ жены Варвары Хрисанфовны Гринчакъ, не могущей писать по причинѣ болѣзни, мужъ ея старшій учитель Лицея Цесаревича Николая Яковъ Ивановичъ Гринчакъ 29 апрѣля 1875 года. Это прошеніе заслушано было въ публичномъ засѣданіи 23 февраля и судъ постановилъ: назначить экспертами профес-

соровъ Императорскаго Московскаго университета дѣйствительнаго статскаго совѣтника Густава Ивановича Брауна, надворнаго совѣтника Алексѣя Яковлевича Кожевникова и надворнаго совѣтника Михаила Петровича Черинова. Экспертъ докторъ медицины Чериновъ на судъ 23 марта не явился, но такъ какъ стороны изъявили согласіе довольствоваться показаніемъ двухъ явившихся экспертовъ гг. Брауна и Кожевникова, то въ это засѣданіе допрошены были свидѣтели при чемъ показали: 1) докторъ Гугенбергеръ, что онъ лѣчилъ г-жу Гринчакъ; былъ нѣсколько разъ съ 24-го марта по 5 апрѣля, когда онъ прекратилъ визиты по желанію г-на Гринчакъ. Затѣмъ видѣлъ больную 26 апрѣля и лѣчилъ ее до конца. 26 апрѣля онъ нашелъ г-жу Гринчакъ сильно перемѣнившеюся, при чемъ убѣдился, что она не видитъ, но она была въ здравомъ умѣ до конца. Вскрытіе трупа, на которомъ онъ присутствовалъ, вполнѣ подтвердило его мнѣніе о ходѣ болѣзни. 2) Г. Нейдингъ, что г-жу Гринчакъ при жизни никогда не видалъ, вскрытіе трупа подтвердило беременность г-жи Гринчакъ и, кромѣ отека легкихъ и признаковъ общаго истощенія и малокровія, не открыто рѣзкихъ измѣненій въ органахъ; поэтому нужно полагать, что смерть послѣдовала отъ болѣзни, обусловившей общее истощеніе организма. Размягченіе головнаго мозга надъ перекрестомъ зрительныхъ нервовъ представлялось воспалительнаго свойства и произошло вѣроятно не задолго до смерти, т.-е. за нѣсколько дней. Между размягченіемъ мозга и размягченіемъ зрительныхъ нервовъ была вѣроятно связь и можно допустить, что размягченіе послѣднихъ послѣдовало за размягченіемъ мозга. Самое размягченіе мозга, по причинѣ незначительнаго разстройства, по мнѣнію свидѣтеля не могло имѣть значительнаго вліянія на отправленіе всего головнаго мозга. 3) Серебренникова знала г-жу Гринчакъ еще въ дѣвицахъ, каждый разъ бывала по приглашенію лѣчившаго ее доктора. Бывши у нея въ пятницу на святой недѣлѣ, нашла ее поправившеюся, но увидавъ въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ, нашла ухудшеніе въ состояніи ея здоровья; окна были закрыты; вообще было очень темно и свѣтъ проходилъ черезъ дверь, больная жаловалась на боль въ глазахъ и на то, что почти ея не видитъ. На вопросъ свидѣтельницы о причинахъ взволнованнаго ея состоянія г-жа Гринчакъ объяснила, что у нея непріятности съ мужемъ и выразила желаніе лечь въ Екатерининскую больницу.

Придя къ больной за два или за три дня до ея смерти, свидѣтельница убѣдилась, что г-жа Гринчакъ не видитъ, но не можетъ утверждать, чтобы больная была въ безсознательномъ положеніи. 4) Усикова знала Варвару Гринчакъ со 2-го апрѣля, была при ней до 20 апрѣля. Пріѣхавши снова 23 апрѣля оставалась до ея смерти. На слѣпоту Гринчакъ стала жаловаться на святой недѣлѣ; до 20 апрѣля плохо видѣла, книгу брала на оборотъ, при закрытыхъ ставняхъ свѣтъ лампы ее безпокоилъ, говорила, что видитъ только тѣнь свидѣтельницы, а не различаетъ вещей. Послѣ 23 апрѣля завѣщательница заговаривалась, смѣшивала дни и не узнавала свидѣтельницы. Вообще и прежде она была страннаго характера: говорила одно, дѣлала другое. Свидѣтельница 19 апрѣля писала письмо отъ имени Гринчакъ по ея порученію, такъ какъ она говорила, что слѣпа и ни писать, ни подписать не можетъ. Въ это время свидѣтельница показывала больной голубой бантъ, цвѣтъ котораго она различить не могла. 5) Рябчикова жила у г-жи Гринчакъ до ея замужества 4 года 3 мѣсяца послѣ свадьбы, за недѣлю до смерти г-нъ Гринчакъ ее удалилъ. Все время при ней больная не заговаривалась; свидѣтельница видѣла какъ писалось послѣднее завѣщаніе. Первое завѣщаніе писалось два раза, одно было составлено зимою въ пользу мужа и брата. Затѣмъ, вслѣдствіе непріятностей со стороны мужа, который бранилъ и брата и г-жу Гринчакъ, было составлено второе завѣщаніе въ пользу одного мужа, наконецъ послѣднее завѣщаніе было составлено на Ѳоминой недѣлѣ. О двухъ первыхъ завѣщаніяхъ разсказывала свидѣтельницѣ сама г-жа Гринчакъ. Предъ составленіемъ послѣдняго завѣщанія свидѣтельница, по порученію г-жи Гринчакъ, опустила письмо къ Никласу въ почтовый ящикъ, 22 апрѣля въ 12 часовъ явились къ г-жѣ Гринчакъ г. Никласъ и другіе. Писалъ г. Никласъ, потомъ г-жа Никласъ писала сама, при чемъ рукою ея никто не водилъ и не наставлялъ, писала сидя на постелѣ. Затѣмъ писали другіе и свидѣтельница принесла лампу, поставила на столъ, у котораго г-жа Гринчакъ писала; гг. Слѣпцова и Шаховскаго видѣла прежде. Г. Слѣпцовъ, былъ у Гринчака, а Шаховскій у г-жи Гринчакъ, когда она была еще дѣвицею. О г-нѣ Созоновичѣ свидѣтельница ничего не знаетъ, но слышала отъ г-жи Гринчакъ, что она его знаетъ. Сколько времени были писавшіе—свидѣтельница не помнитъ, но г-нъ Гринчакъ при этомъ не былъ.Ког-

да гости ушли, то были отворены форточки, чтобы вышелъ дымъ потому что они курили и г-жа Гринчакъ не велѣла говорить объ этомъ г-ну Гринчакъ. Во время составленія завѣщанія г-жа Гринчакъ была въ своемъ умѣ, при свидѣтельницѣ не заговаривалась, особенно капризна не была. Когда лампу 22 апрѣля вносили въ комнату больная не жаловалась на боль въ глазахъ, и прежде не жаловалась. Ставни были закрыты, чтобы нѣсколько ослабить шумъ съ мостовой. При жизни свидѣтельница у г-жи Гринчакъ послѣдняя видѣла книги, не читала, а вещи, которыя ей подавались она видѣла, напр. чашку чая. Ночью даже сама воду наливала, а свидѣтельницу не будила. Успкову г-жа Гринчакъ удалила, потому что не хотѣла при ней составлять завѣщанія. Объ этомъ г-жа Гринчакъ сама говорила ранѣе составленія завѣщанія; съ Усиковой особенно дружна Гринчакъ не была, потому что она жаловалась много мужу и часто по пустому, напр. что она капризна и дерзко съ ней обращается. Мужъ обнжалъ больную и она плакала чрезъ нее. 22 апрѣля г-жа Никласъ принимала съ чернаго входа прежде и потомъ сказала, что придутъ другіе немного спустя. Остальныя лица вошли чрезъ парадное крыльцо. О томъ что г-жа Гринчакъ слѣпая подписывала завѣщаніе, свидѣтельница никому не говорила, а говорила г-ну Гринчакъ, что она была тогда слѣпая, когда онъ завязалъ ей глаза платкомъ. Кѣмъ было подписано первое завѣщаніе изъ свидѣтелей, свидѣтельница не знаетъ. Хозяйствомъ распоряжалась сама г-жа Гринчакъ, хотя была и въ постелѣ. Обѣдъ заказывала г-жа Гринчакъ. 6 и 7) Кузмина и Кучерековъ показали что при нихъ Рябчикова говорила г-ну Гринчаку о подписи г-жи Гринчакъ завѣщанія въ состояніи слѣпоты. Противъ этого Рябчикова возразила, что она сказала, что барыня была тогда слѣпа, когда ей глаза платкомъ завязывали, объяснивъ, что когда г-нъ Гринчакъ открылъ ставни, то больная жаловалась, что не можетъ выносить свѣта и г-нъ Гринчакъ завязалъ ей платкомъ глаза. Кромѣ того Кузьмина показала, что она слышала, какъ говорила барыня, и что говорила толково, она была слѣпа, но не совсѣмъ,—плохо видѣла. 8) Семеновичъ показалъ: г-жу Гринчакъ зналъ со свадьбы, бывалъ у нихъ довольно часто. Замѣтнымъ сдѣлалось ея болѣзненное состояніе скоро послѣ свадьбы. Объ умственныхъ способностяхъ ничего не можетъ сказать. Слѣпоту ея замѣтилъ за два дня до смерти. Свидѣтель вошелъ въ комнату съ мужемъ, она не отвѣтила на поклонъ.

Ставни не были закрыты; это было часа 3 дня. Разговоръ о выдачахъ денегъ былъ въ этотъ день. Г-нъ Гринчакъ спрашивалъ сначала не нужно ли ей что нибудь, затѣмъ она сказала, что ей ничего не нужно, а потомъ объяснивъ, что чувствуетъ приближеніе смерти, просила раздать бѣднымъ, послать деньги на Аѳонъ и не забыть родственниковъ Сыробоярскихъ. Разстройства умственныхъ способностей не замѣтилъ. Сперва видѣлъ 8 или 9-го апрѣля и тогда она обладала зрѣніемъ. Въ это время она просила свидѣтеля подписать собственноручно писанное завѣщаніе. 9). Слѣпцовъ г-жу Гринчакъ зналъ дѣвочкою. Былъ у нея въ квартирѣ, когда она была невѣстою и затѣмъ при подписаніи завѣщанія пригласилъ его г. Никласъ къ нему на квартиру. Ранѣе о завѣщаніи слышалъ отъ г-жи Никласъ. Созоновичъ кажется уже былъ у Никласа, а потомъ пріѣхалъ г. Шаховскій. Свидѣтель раньше пріѣхалъ къ г-жѣ Гринчакъ; его сейчасъ же приняла завѣщательница, и говорила съ нимъ. Потомъ пришелъ Никласъ и сѣлъ около постели. Г. Никласъ объяснилъ, что привезъ завѣщаніе. Г-жа Гринчакъ спрашивала г-на Никласъ о завѣщаніи. Затѣмъ г-нъ Никласъ пробовалъ читать завѣщаніе, но такъ какъ въ комнатѣ было не совсѣмъ свѣтло, а г-нъ Никласъ старикъ, то сталъ читать неразборчиво. Свидѣтель предложилъ свои услуги и прочелъ вслухъ завѣщаніе, передавъ его по прочтеніи завѣщательницѣ, которая держала его предъ собой и кажется въ это время услыхала голоса двухъ прочихъ свидѣтелей въ смежной комнатѣ и кажется испугалась, спрашивала г-на Никласъ кто это говоритъ; г. Никласъ объяснилъ, что это свидѣтели требуемые закономъ о завѣщаніяхъ. Тогда она, обратившись къ столу и взявъ перо спросила, какъ надо подписать. Свидѣтель видя ея болѣзненное состояніе, сказалъ: пишите имя и фамилію, но она не согласилась и сказала: нѣтъ, меня мужъ заставлялъ всегда подписываться жена старшаго учителя Лицея Цесаревича Николая, я и тутъ такъ подпишу. На это свидѣтель отвѣчалъ: если можете, тѣмъ лучше. Но завѣщательница подписи не кончила, сказавъ, что темно, потребовала лампу, и когда лампа была принесена, докончила подпись. Г. Никласъ подписанное ею завѣщаніе вынесъ въ смежную, болѣе свѣтлую комнату и когда свидѣтель вышелъ за нимъ вслѣдъ, то увидѣлъ, что другіе свидѣтели разсматриваютъ подпись завѣщательницы. Затѣмъ г. Никласъ возвратилъ завѣщаніе завѣщательницѣ, и когда онъ, Слѣпцовъ, вошелъ съ прочими

свидѣтелями къ ней въ комнату, то видѣлъ завѣщаніе въ ея рукахъ, при чемъ она, обратясь къ свидѣтелямъ, сказала, что это ея завѣщаніе и просила подписать. Свидѣтели, поговоривши съ ней, стали выходить въ другую комнату и подписываться въ томъ порядкѣ, какъ значится на завѣщаніи. Потомъ вторично вошли въ комнату завѣщательницы, разговаривали съ ней, при чемъ завѣщательница объявила имъ, что она желаетъ, что бы духовное завѣщаніе хранилось у г-на Никласъ до ея выздоровленія; въ случаѣ выздоровленія онъ обязанъ ей завѣщаніе возвратить. Мы стали прощаться, но завѣщательница воротила меня и г. Никласа. Меня проспла не позабыть ее и навѣщать, а г. Никласа ее перекрестить. Предъявленное ему, Слѣпцову, завѣщаніи то самое, которое онъ читалъ г-жѣ Гринчакъ и имъ подписано. О нормальномъ состояніи ея умственныхъ способностей свидѣтель убѣдился изъ ея разсказа объ обстоятельствахъ, которыя ему были отчасти извѣстны. Подпись произведена ею лежа въ постели, на столѣ, около постели. Кромѣ полотенца ничего тяжелаго въ руки не брала. Руку ея на бумагу никто не ставилъ. Очевидцемъ составленія послѣдняго чернованаго завѣщанія свидѣтель не былъ. Она присылала кажется горничную къ г-ну Никласъ, но о томъ какъ Никласъ вообще узналъ о намѣреніи Гринчакъ совершить завѣщаніе свидѣтель не знаетъ. Вопросъ о слѣпотѣ при подписаніи завѣщанія не возникалъ, но послѣ подписи больная говорила, что нѣсколько дней не читала и не писала, и что она теперь, при подписаніи завѣщанія, начинаетъ замѣчать, что она хуже видитъ и прибавила: неужели къ моей болѣзни прибавится еще и слѣпота? Это ужасно! 10). Шаховскій показалъ, что подпись подъ завѣщаніемъ его; сдѣлана она по просьбѣ г-жи Гринчакъ, которой онъ прежде и послѣ подписи завѣщанія не видѣлъ; былъ онъ приглашенъ къ ней въ домъ г. Никласъ, который, представляя его, объяснилъ ей, что свидѣтель мужъ ея пріятельницы, тогда г-жа Гринчакъ просила его подойти поближе, и когда онъ исполнилъ ея просьбу, она сказала: «теперь хорошо, я Васъ видѣла». О нормальныхъ умственныхъ способностяхъ свидѣтель заключилъ какъ изъ этого разговора, такъ и изъ того, что ничего не указывало на ненормальность ея способностей. 11). Созоновичъ: я зналъ г-жу Гринчакъ еще дѣвочкою, но у нея не бывалъ. Былъ свидѣтелемъ по просьбѣ г. Никласъ. Пріѣхалъ кажется часовъ въ 12 съ Шаховскимъ. Слѣпцовъ находился уже тамъ.

При подписи завѣщанія г-жею Гринчакъ не былъ. Затѣмъ вошелъ въ комнату, гдѣ лежала г-жа Гринчакъ, и она просила его подписать завѣщаніе, при чемъ извинялась, что дурно подписала завѣщаніе. Подписывалъ завѣщаніе въ сосѣдней комнатѣ. Потомъ подписали завѣщаніе другіе свидѣтели и пошли къ ней и тутъ она заявила о желаніи, чтобы завѣщаніе хранилось у г. Никласъ. Когда она подписывала завѣщаніе, Слѣпцовъ былъ у нея въ комнатѣ. О плохомъ зрѣніи свидѣтель могъ заключить по подписи и потому, что она просила подать ей лампу. Вообще плохую подпись свидѣтель приписывалъ физической слабости. Комната была затемнена цвѣтными сторами. Когда вошелъ, то лампа горѣла. Комната производила впечатлѣніе глубокихъ сумерокъ. Около г-жи Гринчакъ, на столѣ, какъ помнится, стояла лампа и были чернила. Содержанія завѣщанія г-жи Гринчакъ при немъ и ечитали; г-жа Гринчакъ сама просила свидѣтеля подписать завѣщаніе и послѣ подписи завѣщанія благодарила. На поставленные экспертомъ вопросы: 1) была ли слѣпа завѣщательница Гринчакъ во время подписанія 22 апрѣля 1875 года завѣщанія и 2) была ли она въ это время въ здравомъ умѣ и твердой памяти, эксперты отвѣчали, что опредѣленный отвѣтъ на вопросъ, «была ли слѣпа завѣщательница Гринчакъ во время подписанія 22 апрѣли 1875 года духовнаго завѣщанія,» можно было бы дать только тогда, еслибы имѣлось подробное и правильное изслѣдованіе органа зрѣнія при жизни, или же микроскопическое изслѣдованіе зрительныхъ нервовъ и глазныхъ оболочекъ послѣ смерти. Правильнаго и полнаго изслѣдованія глазъ при жизни не было сдѣлано. Результаты же, добытые вскрытіемъ относительно зрительныхъ нервовъ не полны, а на внутреннія ткани глазъ не обращено никакого вниманія. Обозначенныя въ протоколѣ вскрытія измѣненія зрительныхъ нервовъ и незначительной части мозга надъ перекресткомъ зрительныхъ нервовъ не могутъ дать точнаго понятія о состояніи зрѣнія какъ вообще, такъ и въ частности во время подписанія завѣщанія. На основаніи этихъ измѣненій можно только заключить, что зрѣніе должно было находиться въ упадкѣ, но когда именно этотъ упадокъ наступилъ и до какой степени онъ дошелъ во время подписанія завѣщанія опредѣлить не возможно. Обращаясь для разъясненія вопроса къ свидѣтельскимъ показаніямъ, эксперты встрѣтили между ними только два, къ которымъ можно отнестись съ полномъ довѣріемъ, это

именно показанія г-жи Серебренниковой и доктора Гугенбергера; г. Серебренникова видѣла завѣщательницу Гринчакъ 21 апрѣля. Г-жа Гринчакъ жаловалась въ этотъ день на боль въ глазахъ, что она почти не видитъ свидѣтельницу и что свидѣтельница представляется ей, какъ въ туманѣ; при этомъ комната была не обычнымъ образомъ освѣщена. Докторъ Гугенбергеръ видѣлъ завѣщательницу 26 апрѣля, и изслѣдуя зрѣніе, убѣдился, что г-жа Гринчакъ совершенно слѣпа. Но при этомъ изслѣдованіи не было употреблено глазное зеркало и поэтому осталось не извѣстнымъ какими анатомическими измѣненіями внутреннихъ оболочекъ глазъ обусловливалась слѣпота. Такимъ образомъ оказывается, что зрѣніе завѣщательницы находилось 21 апрѣля 1875 года въ упадкѣ, а 26 апрѣля, того же года оно было уже совершенно потеряно. Но не зная, когда появились первые признаки упадка зрѣнія; не зная съ какою быстротою увеличился этотъ припадокъ, а главнѣйшимъ образомъ, не зная отъ какихъ анатомическихъ измѣненій зависѣла потеря зрѣнія, замѣченная докторомъ Гугенбергеромъ 26 апрѣля 1875 года—нѣтъ возможности сказать въ какомъ именно состояніи находилось зрѣніе завѣщательницы 22 апрѣля того же года. Для рѣшенія втораго вопроса была ли г-жа Гринчакъ во время подписанія ею 22 апрѣля 1875 года духовнаго завѣщанія въ здравомъ умѣ и твердой памяти имѣются данныя двухъ родовъ: съ одной стороны обстоятельства дѣла вмѣстѣ съ свидѣтельскими показаніями, а съ другой результаты вскрытія тѣла г-жи Гринчакъ. Если бы въ данномъ случаѣ не было сдѣлано вскрытія трупа, то съ медицинской точки зрѣнія едвали могло бы быть какое нибудь сомнѣніе относительно нормальности умственныхъ способностей завѣщательницы въ сказанное время, потому что въ обстоятельствахъ дѣла нѣтъ ни однаго факта, который бы указывалъ на ненормальность въ этомъ отношеніи, и въ тоже время свидѣтели на судѣ всѣ единогласно показали, что никто изъ нихъ никогда не замѣчалъ у г-жи Гринчакъ какихъ нибудь признаковъ умственнаго разстройства. Имѣется одинъ только фактъ, который могъ бы навести на сомнѣніе относительно нормальнаго состоянія, по крайней мѣрѣ, памяти у г-жи Гринчакъ, это то что, послѣ того какъ 22 апрѣля она духовнымъ завѣщаніемъ отказала все свое состояніе родственникамъ, 28 апрѣля она проситъ мужа въ присутствіи г. Семеновича, выдать изъ ея денегъ нѣкоторую сумму бѣднымъ, послать на Аѳонъ и дать

ея племянникамъ; но очевидно, эти слова г-жи Гринчакъ могутъ имѣть весьма разнообразное толкованіе, и ни въ какомъ случаѣ не указываютъ на неправильное состояніе умственныхъ способностей ея даже въ это время, т.-е. 28 апрѣля, потому что тотъ же г. Семеновичъ въ тоже время свидѣтельствуетъ, что онъ не замѣтилъ у нея тогда никакого умственнаго разстройства; можетъ быть, г-жа Гринчакъ, скрывши отъ мужа составленіе втораго духовнаго завѣщанія, хотѣла до конца оставить его въ невѣдѣніи относительно этого предмета. Но кромѣ этихъ данныхъ въ дѣлѣ имѣются еще результаты вскрытія, произведеннаго 3 мая (чрезъ три дня послѣ смерти) при чемъ были найдены нѣкоторыя измѣненія со стороны мозга, и потому рождается вопросъ: не указываютъ ли эти измѣненія на то, что у г-жи Гринчакъ необходимо должно было быть умственное разстройство во время подписанія ею духовнаго завѣщанія 22 апрѣля. Самое главное изъ этихъ измѣненій было слѣдующее какъ сказано въ протоколѣ вскрытія: надъ мѣстомъ перекрестка зрительныхъ нервовъ существо мозга на пространствѣ величиною съ лѣсной орѣхъ представлялось размягченнымъ и усѣяннымъ красными точками. Какого рода это измѣненіе по краткости описанія нѣтъ возможности съ точностію опредѣлить, а еще менѣе можно рѣшить вопросъ о томъ, когда оно началось. Но во всякомъ случаѣ изъ того, что при вскрытіи найдено вышесказанное измѣненіе мозга, никакъ нельзя сдѣлать заключенія, что здѣсь должно было быть непремѣнно разстройство умственныхъ способностей: многочисленныя наблюденія показываютъ, что разстройства психической дѣятельности далеко не идутъ паралельно съ анатомическими измѣненіями,—не рѣдки случаи, гдѣ при самыхъ незначительныхъ анатомическихъ явленіяхъ психическія разстройства очень велики, но также часты случаи и противуположные, гдѣ не смотря на существованіе очень обширныхъ и глубокихъ измѣненій въ мозгу, душевная дѣятельность человѣка при жизни не представляла уклоненія отъ нормы, такъ что никогда почти по однимъ анатомическимъ признакамъ нельзя навѣрное сказать, страдало ли данное лицо психическимъ разстройствомъ или нѣтъ, и для рѣшенія этого вопроса въ отдѣльныхъ случаяхъ прямыя указанія на то, какъ обнаруживалась психическая дѣятельность у извѣстнаго лица, гораздо важнѣе анатомическихъ данныхъ. Въ этомъ же случаѣ измѣненіе мозга какъ по протяженію, такъ и по степени было незначительно,

и въ тоже время лица, видѣвшія г-жу Гринчакъ во время ея послѣдней болѣзни, единогласно свидѣтельствуютъ, что она почти до самой смерти, т.-е. до 30 апрѣля, никогда не представляла никакихъ признаковъ разстройства умственныхъ способностей. Такимъ образомъ результаты вскрытія не доказываютъ существованія у г-жи Гринчакъ психическаго разстройства; показанія же свидѣтелей, особенно нѣкоторыя, представляютъ положительныя доказательства того, что 22 апрѣля и даже послѣ умственныя способности ея были въ нормальномъ состояніи; такъ г. Слѣпцовъ, имѣвшій случай довольно долго говорить съ г-жею Гринчакъ во время самаго подписанія ею духовнаго завѣщанія, показалъ что разсказъ ея былъ вполнѣ вѣренъ и логиченъ; докторъ Гугенбергеръ, видѣвшій ее 26 апрѣля и въ слѣдующіе дни, постоянно находилъ умственныя ея способности нормальными, что подтвердилъ и г. Семеновичъ относительно 28 числа. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ съ высокой степенью вѣроятія заключить, что г-жа Гринчакъ во время подписанія ею 22 апрѣля 1875 года духовнаго завѣщанія была въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Объясненіе сторонъ и товарища прокурора подробно записаны въ протоколѣ. Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, окружной судъ находитъ, что обсужденію его подлежитъ домашнее духовное завѣщаніе Варвары Хрисанфовны Гринчакъ, писанное 22 апрѣля 1875 года., со словъ завѣщательницы г. Никласъ и подписанное тремя свидѣтелями. Этимъ духовнымъ завѣщаніемъ г-жа Гринчакъ все свое имѣніе завѣщала единоутробнымъ своимъ родственникамъ. Мужъ умершей наслѣдодательницы предъявилъ противъ этаго духовнаго завѣщанія споръ на двухъ основаніяхъ потому: 1) что завѣщательница, какъ въ день подписанія завѣщанія, такъ и за нѣсколько дней до того, потеряла зрѣніе, невозвращавшееся къ ней до самой ея смерти и 2) что она не обладала полною сознательностію дѣйствій происходившей отъ ея беременности, болѣзни и слѣпоты, т.-е. была не въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей. Доказательствомъ этаго, по мнѣнію истца, должны служить: актъ вскрытія трупа умершей Гринчакъ и показанія свидѣтелей. По первому предмету, т.-е. относительно слѣпоты г-жи Гринчакъ, въ актѣ посмертнаго вскрытія сказано, что оба зрительные нерва представляются размягченными и уплощенными, и надъ мѣстомъ перекрестка зрительныхъ нервовъ существо мозга, на пространствѣ величиною въ

лѣсной орѣхъ представляется размягченнымъ и усѣяннымъ красными точками. Изъ показанія свидѣтелей въ семъ отношеніи видно: 1) докторъ Нейдингъ, производившій вскрытіе трупа и незнавшій до того г-жу Гринчакъ, объяснилъ, что замѣченныя имъ и описанное въ актѣ осмотра размягченіе незначительной части мозга, представлялось воспалительнаго свойства, и произошло, вѣроятно, не задолго до кончины, т. е. за нѣсколько дней. Между этимъ размягченіемъ мозга и размягченіемъ зрительныхъ нервовъ, вѣроятно, была связь, но въ чемъ она была, опредѣлить онъ не можетъ. 2) Докторъ Гугенбергеръ пользовавшій умершую врачъ, показалъ, что былъ у больной съ 25 марта до 5 апрѣля, когда ему было отказано. 15 апрѣля по собственной инціативѣ, заѣхалъ навѣстить больную, но мужъ ее не допустилъ къ ней, сказавъ что все идетъ хорошо и что жена его спитъ. Былъ позванъ къ больной 26 апрѣля и тогда убѣдился, что она совершенно слѣпа. 3) Серебренникова (повивальная бабка) показала, что была у г-жи Гринчакъ въ пятницу на святой недѣлѣ (18-го апрѣля) и нашла ее поправлявшеюся; окна были открыты; но въ понедѣльникъ на Фоминой недѣлѣ (21 апрѣля) состояніе здоровья г-жи Гринчакъ было хуже, окна были закрыты; она жаловалась на боль въ глазахъ, и говорила, что почти ее не видитъ, что она передъ нею какъ бы въ туманѣ. На это свидѣтельница не обратила вниманія, такъ какъ г-жа Гринчакъ глазами страдала и прежде. 4) Усикова показала: что отъ 20 до 23-го апрѣля при г-жѣ Гринчакъ не была, что еще до 20 апрѣля больная говорила ей что совершенно не видитъ, и что голосъ ее кажется ей страннымъ. 19 апрѣля писала по порученію ея письмо и подписалась за нее, такъ какъ г-жа Гринчакъ говорила ей что слѣпа и ни писать письма, ни подписать его неможетъ; книгу брала на оборотъ; цвѣтъ голубаго банта опредѣлить не могла. Въ это время въ комнатѣ было совершенно свѣтло и ставни были открыты по распоряженію доктора. 5) Рябчикова (горничная) состояла при г-жѣ Гринчакъ до 23 апрѣля, когда была уволена г. Гринчакъ, показала, что при ней г-жа Гринчакъ слѣпою не была и объяснила подробности, при которыхъ духовное завѣщаніе было составлено, совершенно совпадающія съ показаніями свидѣтелей, подписавшихся подъ духовнымъ завѣщаніемъ. 6 и 7). Свидѣтели Кучерковъ и Кузьмина уличали Рябчикову въ томъ, что она при нихъ г. Гринчаку говорила, что

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ В. Ж. К.

барыня подписывала завѣщаніе слѣпою, но это Рябчикова не признала правильностію. Свидѣтели, подписавшіе духовное завѣщаніе, не только не замѣтили слѣпоты завѣщательницы, но удостовѣрили, что по мнѣнію ихъ, она была зрящею ибо при одномъ (Слѣпцовъ) сама подписывала завѣщаніе въ два пріема безъ лампы и при лампѣ; другаго (князь Шаховскій) внимательно разсматривала, желая хорошенько увидать мужа своей пріятельницы; третьему (Созоновичъ) извинялась, что дурно подписала завѣщаніе. Приведенныя выше обстоятельства, служащія, по мнѣнію истца, доказательствомъ слѣпоты г-жи Гринчакъ 22-го апрѣля 1875 года вопреки 366 ст. Уст. Гражд. Суд., не подтверждаютъ это объясненіе. 1) Актъ осмотра, взятый въ связи съ объясненіемъ докторовъ Нейдинга и Гугенбергера, приводитъ къ убѣжденію, что г-жа Гринчакъ умерла слѣпою, но не доказываетъ того, что бы она была слѣпа 22 апрѣля, т. е. за 8 дней до кончины. Всѣ свидѣтели участвовавшіе въ составленіи духовнаго завѣщанія въ сущности показываютъ что она была зрящею. Изъ остальныхъ всѣхъ свидѣтелей только одна, Усикова, считаетъ ее слѣпою съ 19 апрѣля. Всѣ же прочіе или считаютъ что она видѣла еще 22 апрѣля (Рябчикова) или не могутъ удостовѣрить, чтобы она была въ этотъ день слѣпа, такъ какъ ее не видали. Показанію Усиковой судъ не придаетъ полной вѣры, какъ противорѣчащему показаніямъ всѣхъ прочихъ свидѣтелей; да если бы и придать ему вѣру, то оно на столько неясно, что не можетъ дать полнаго убѣжденія суду признать слѣпоту г-жи Гринчакъ 22 апрѣля, когда самой Усиковой въ домѣ не было. Не признавая по этому доказаннымъ то обстоятельство, что г-жа Гринчакъ слѣпою подписывала послѣднее свое духовное завѣщаніе, Окружный судъ находитъ безполезнымъ входить въ обсужденіе возбужденнаго истцемъ вопроса о томъ — могутъ ли слѣпые сами подписывать духовныя завѣщанія? Обращаясь ко второму вопросу о состояніи умственныхъ способностей г-жи Гринчакъ при подписаніи ею духовнаго завѣщанія, Окружный Судъ находитъ, что экспертъ, докторъ Кожевниковъ, удостовѣрилъ здравое состояніе ее въ это время. Такъ какъ по 533 ст. Уст. Гражд. Судопр., судъ подчиняется мнѣнію свѣдущихъ людей, согласному съ достовѣрными обстоятельствами дѣла; а мнѣніе Кожевникова согласно съ показаніями всѣхъ свидѣтелей и осталось безъ опроверженія со стороны тяжущихся лицъ, то слѣ-

дуетъ признать что завѣщаніе 22 апрѣля 1875 года подписано г-жею Гринчакъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Признавая по этому искъ г-на Гринчакъ недоказаннымъ и принимая во вниманіе: 1) что при составленіи, храненіи и явкѣ духовнаго завѣщанія Варвары Гринчакъ соблюдены правила, установленныя 1046, 1048, 1053, 1058, 1060 и 1063 ст. X т. I ч. 2) что подписавшіе завѣщаніе свидѣтели подтвердили на судѣ требуемое 24-ю ст. прав. о завѣщ. и 1050 ст. X т. I. ч. 3) что гербовыхъ пошлинъ по сему завѣщанію, согласно приложенія къ 4 ст. V т. Уст. о пош., по цѣнѣ оставшагося имущества на 25064 р. 10 коп., слѣдуетъ взыскать 65 руб. 4) что крѣпостныя пошлины должны быть взысканы съ $^2/_3$ завѣщаннаго имущества. т. е. съ 16709 руб. 32 коп.—668 руб. 38 коп., а съ $^1/_3$ завѣщанной брату умершей взыскивать не слѣдуетъ (372 ст. т. V уст. о пошл.) 5) что кромѣ того, по силѣ 442 ст. V т. и 30 ст. прав. о завѣщ. должно быть взыскано актовыхъ 3 руб. и на публикацію 1 руб. 50 коп; руководствуясь 867 и 868 ст. уст. Гражд. Суд., Окружный судъ опредѣляетъ: въ искѣ Якову Гринчаку отказать, а духовное завѣщаніе Варвары Гринчакъ, писанное 22 апрѣля 1875 года, утвердить къ исполненію и выдать наслѣдникамъ, по уплатѣ гербовыхъ пошлинъ 65 руб., крѣпостныхъ 668 р. 38 коп., актовыхъ 3 р. и на публикацію 1 р. 50 коп. Судебныя издержки обратить на истца. Рѣшеніе это не подлежитъ предварительному исполненію.

Рязанскій Окружный Судъ.

ГОРОДЪ ПРОНСКЪ 19-ГО АВГУСТА 1876 Г.

А.

Обращеніе крестьянской избы въ публичную молельню преслѣдуется 206 ст. Улож. о Нак. и тогда, когда молельня эта не имѣетъ полной обстановки молитвеннаго дома и продолжаетъ служить для жилья семейству хозяевъ той избы.

Рязанскій окружный судъ, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Д. П. Тихомирова, при участіи члена суда Е. С. Пантелеева и почетнаго мироваго судьи Плюскова, разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, изложенныя въ составленномъ товарищемъ прокурора С. П. Чернявскимъ и обнаруженныя на судебномъ слѣдствіи, находитъ, что дѣло это, начавшееся по требованію Рязанской духовной консисторіи, имѣетъ предметомъ своимъ обвиненіе исповѣдующаго старообрядческую вѣру крестьянина деревни Кутуковой, Пронскаго уѣзда, Матвѣя Васильева Гаврикова, 57 лѣтъ, въ обращеніе имъ своей избы въ публичную молельню т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 206 ст. Улож. Гавриковъ объяснилъ, что онъ и прежде судился за устройство въ своемъ селѣ публичной раскольнической молельни, и что со времени запечатанія оной полиціею, моленія происходятъ въ его избѣ, но только кругъ молящихся ограничивается исключительно его семейными, посторонніе же раскольники доступа къ нему не имѣютъ. Совсѣмъ въ другомъ видѣ представляется дѣло по словамъ свидѣтелей очевидцевъ. Священникъ Орловъ показалъ, что у Гаврикова въ избѣ собираются раскольники для моленія человѣкъ приблизительно около 15-ти и что сборища эти имѣютъ вліяніе на совращеніе православныхъ въ расколъ. Далѣе изъ словъ другаго присяжнаго свидѣтеля старообрядца

Зимина видно, что до запечатанія прежней молельни единовѣрцы его молились въ ней, но когда она была опечатана, то они собирались на молитву въ разныхъ домахъ, въ томъ числѣ и въ домѣ Гаврикова. Такимъ образомъ исчезаетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что изба Гаврикова не была публичною молельнею, ибо въ ней сходились не одни только его семейныя, а и постороннія лица. Хотя въ этой же избѣ, какъ говоритъ Зиминъ, живутъ всѣ семейные Гаврикова, но это обстоятельство нисколько не умаляетъ сдѣланнаго вывода, потому что для преслѣдованія кого-либо по ст. 206 Улож. о Нак. не требуется непремѣнно, что бы изба, обращенная въ молельню, исключительно служила бы только для этой одной цѣли и не могла бы въ то-же время быть жилымъ помѣщеніемъ для ея хозяина. Правда это можетъ быть не совсѣмъ удобно для собирающихся на молитву, а равно стѣснительно для самихъ хозяевъ, но понятіе объ удобствѣ не имѣетъ серьезнаго значенія въ настоящемъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что характеръ публичности означенной выше молельни представляется доказаннымъ показаніемъ того же свидѣтеля Зимина, объяснившаго, что раскольники собираются по временамъ и въ избѣ Гаврикова и что онъ самъ бываетъ у него на моленіяхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что такая молельня, которая открыта была для всѣхъ безъ особыхъ приглашеній, должна быть признана публичною. За симъ нельзя упускать изъ виду и показаніе сотскаго о томъ, что онъ видалъ какъ раскольники изъ разныхъ сосѣднихъ деревень сходились по праздникамъ въ деревню Кутукову, гдѣ жилъ Гавриковъ, и слышалъ что сборища у нихъ бывали въ домѣ подсудимаго. На сборищахъ этихъ свидѣтель Зиминъ видѣлъ раскольниковъ, читающихъ разныя книги. Слѣдовательно, въ молельнѣ Гаврикова находились и нѣкоторыя необходимыя для молитвенныхъ собраній принадлежности. Въ виду всѣхъ сихъ обстоятельствъ, Окружный судъ находитъ, что Гавриковъ достаточно изобличается въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 206 ст. Улож. о Нак. За преступленіе это назначается по закону опредѣленное въ 1 степ. ст. 38 наказаніе, которое и слѣдовало бы опредѣлить Гаврикову, но во вниманіе отчасти къ его сознанію въ преступленіи и невѣжеству той среды, въ которой онъ живетъ, наказаніе это, на основаніи 134 и 135 ст. Ул. о Нак., должно быть понижено ему на двѣ степени съ назначеніемъ онаго въ мѣрѣ нисшей (3 степ. 38 ст. Улож. о Нак.). Что же касается послѣд-

ствій сего наказанія, то оныя должны заключаться въ сломкѣ означенной молельни и въ продажѣ матеріаловъ въ пользу мѣстнаго земства. Посему Окружный судъ опредѣлилъ: признавая крестьянина Матвѣя Васильева Гаврикова, виновнымъ въ томъ что въ маѣ 1874 г. обратилъ свою избу въ публичную раскольничью молельню, заключить его за сіе въ тюрьму на два мѣсяца, а все устроенное имъ для молельни сломать и матеріалы продать въ пользу мѣстнаго земства.

Б.

Евреи за производство внѣ черты назначенной для постояннаго ихъ жительства, не дозволенной имъ торговли,—подвергаются преслѣдованію по 1171 ст. Улож. о Нак.

Рязанскій окружный судъ въ томъ же составѣ, по разсмотрѣніи дѣла, нашелъ, что Оршанскій мѣщанинъ Янкель Баруховъ Лесинъ, по требованію Рязанской казенной палаты, былъ подвергнутъ судебному преслѣдованію по обвиненію въ нарушеніи 128 ст. 2 ч. XI т. Уст. Торг., такъ какъ онъ, Лесинъ, въ содержимой имъ въ г. Пронскѣ лавкѣ торговалъ такими товарами, на торговлю коими евреи не имѣютъ права внѣ мѣстъ назначенныхъ для постояннаго ихъ жительства, на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта отъ 28 іюня 1865 г. помѣщеннаго въ Общемъ собраніи закон. подъ № 42.264. Хотя въ преступленіи этомъ Лесинъ не сознается, объясняя, что торговлю краснымъ товаромъ въ означенной лавкѣ не производилъ, а находился въ оной лишь для помощи женѣ своей Эстрѣ Яковлевой, служившей тогда прикащицей у еврея безсрочно-отпускнаго рядоваго Левенсона, который и состоитъ настоящимъ хозяиномъ той лавки, но объясненію этому вѣры дать нельзя. Свидѣтель Васильевъ показалъ подъ присягой, что лавку, гдѣ прежде былъ винный складъ, нанялъ у него Лесинъ, который и сдѣлалъ затѣмъ всѣ необходимыя приспособленія для торговли краснымъ товаромъ, распоряжался работами и производилъ самую торговлю вмѣстѣ съ своей женой. Другой свидѣтель Шумилинъ объяснилъ также подъ присягой, что ему извѣстно, что помѣщеніе у Васильева подъ лавку нанято было Лесинымъ по словесному условію для торговли краснымъ товаромъ. Данныхъ этихъ совершенно достаточно, чтобы

признать незаслуживающимъ значеніе показанія свидѣтеля еврея Левенсона о томъ, что будто Лесинъ все это дѣлалъ по его порученію и что на самомъ дѣлѣ лавка съ находящимся въ ней товаромъ принадлежала ему. Невѣроятность такого объясненія видна еще и изъ того обстоятельства, что Левенсона никто и никогда не видалъ въ той лавкѣ, чего нельзя ожидать, если бы онъ былъ хозяиномъ оной. Показаніе Левенсона, что онъ не хлопоталъ по устройству лавки потому, что находился въ ссорѣ съ собственникомъ оной означеннымъ Васильевымъ, опровергается объясненіемъ сего послѣдняго, что никакой ссоры съ Левенсономъ у него не было. Относительно покупки товара Лесинъ самъ не отвергаетъ, что покупалъ его въ первый разъ, когда нужно было открывать лавку, въ Москвѣ безъ всякаго участія Левенсона. Очевидно, если бы послѣдній былъ хозяиномъ, то безъ сомнѣнія онъ позаботился бы о первоначальномъ обзаведеніи лавки, что, какъ извѣстно, составляетъ главное условіе всякой начинающейся торговли. Довѣрять же эту операцію Лесину ему не представлялось основанія, такъ какъ самъ же онъ говоритъ, что Лесинъ былъ винокуръ и не имѣлъ понятія въ торговлѣ краснымъ товаромъ. Правда, во второй разъ за покупкою товара въ Москву ѣздилъ вмѣстѣ съ Лесинымъ и Левенсонъ, но опять не видно какую роль въ этой поѣздкѣ игралъ Левенсонъ: не видно, чтобы онъ давалъ Лесину денегъ для покупки товара и даже чтобъ принималъ какое либо участіе въ покупкѣ самыхъ товаровъ. Между тѣмъ свидѣтель еврей Израильтинъ удостовѣрилъ, что знакомый ему Лесинъ обращался къ нему съ просьбой указать мѣсто гдѣ бы можно было купить съ выгодой красный товаръ, объяснивъ при этомъ, что счета на оный писались на имя его свидѣтеля, а не на имя Левенсона. Обстоятельство это во всякомъ случаѣ достойно вниманія, какъ указывающее на желаніе Лесина и означенныхъ двухъ свидѣтелей скрыть настоящаго владѣльца товара, находящагося въ лавкѣ снятой Лесинымъ въ Пронскѣ. Равнымъ образомъ и другія еще соображенія подтверждаютъ взводимое на Лесина обвиненіе. При открытіи лавки Лесинъ получилъ изъ пронской управы прикащичье свидѣтельство 2-го класса, въ чемъ ему не предстояло никакой надобности, если вѣрить бы его словамъ, что онъ до пріисканія мѣста винокура желалъ только помогать въ торговлѣ своей женѣ Эстрѣ Яковлевой, ибо для этого не требовалось никакого оффиціальнаго

разрѣшенія. Эстра Яковлева показала, что торговала въ лавкѣ отъ имени Левенсона, у котораго была прикащицей,—мужъ же ея Лесинъ былъ ея помощникомъ. Но показаніе это, хотя подтверждается Левенсономъ, не можетъ однако внушать къ себѣ довѣрія: тогда ей достаточно было бы пріобрѣсти одно прикащичье свидѣтельство, между тѣмъ изъ дѣла видно, что на 1875 годъ она записались во вторую гильдію и при содѣйствіи своего мужа получила изъ пронской управы купеческое свидѣтельство, которое вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ ея мужа, было прибито въ лавкѣ на видномъ мѣстѣ. Вотъ почему болѣе правдоподобнымъ является показаніе названнаго выше свидѣтеля Васильева, объяснившаго, что торговлю въ лавкѣ производилъ Лесинъ съ женой, каковое обстоятельство и слѣдуетъ признать доказаннымъ. Дѣяніе Лесина предусмотрѣно 1171 ст. Улож. о Нак., разъясненной рѣшеніемъ Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента 1874 года за № 731 и 469. Опредѣленному въ этомъ законѣ наказанію и слѣдуетъ подвергнуть подсудимаго. Руководствуясь изложенными соображеніями Окружный судъ опредѣляетъ: мѣщанина еврея Лесина немедленно выслать изъ Пронска, подвергнувъ конфискаціи весь товаръ, находящійся въ открытой имъ лавкѣ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

942—945 ст. Уст. Гражд. Суд.

Приведенными узаконеніями опредѣляется вообще какимъ порядкомъ судебный приставъ приступаетъ къ исполненію рѣшенія или переходитъ отъ одного способа исполненія къ другому и наконецъ какимъ образомъ онъ сносится со взыскателемъ и отвѣтчикомъ. Эти узаконенія разсчитаны преимущественно на то, что судебное рѣшеніе обыкновенно приводится въ исполненіе въ дѣйствительномъ мѣстѣ жительства отвѣтчика. Между тѣмъ, наше законодательство допустило: *изъятіе изъ общихъ правилъ о подсудности* для исковъ личныхъ противъ лицъ безвѣстно отсутствующихъ, или пребывающихъ за границею (ст. 210 Уст. Гражд. Суд.); *вызовъ отвѣтчика чрезъ публикацію*, когда вызовъ чрезъ повѣстку не возможенъ (тамъ же ст. 293, 295, 297 и 298); *постановленіе заочнаго рѣшенія* въ случаѣ неявки отвѣтчика (тамъ же ст. 359 и 1 п. 718); *публикацію резолюціи заочнаго рѣшенія*, постановленнаго противъ отвѣтчика, мѣсто жительства котораго не было указано истцемъ; *вступленіе такого заочнаго рѣшенія въ законную силу*, когда на оное не было принесено, въ установленный срокъ, ни отзыва, ни апелляціи (тамъ же 2 п. 892 ст.) Вслѣдствіе чего и въ виду, указанныхъ намп 942—945 ст. Уст. Гражд. Судопр. возникалъ неоднократно въ нашей судебно-исполнительной практикѣ вопросъ, какимъ порядкомъ судебный приставъ можетъ приступить къ исполненію судебнаго рѣшенія, постановленнаго *заочно* противъ отвѣтчика, вызывавшагося чрезъ публикацію, и мѣсто жи-

тельство котораго не могло быть указано истцемъ и во время исполнительнаго производства?

Принимая въ соображеніе что, при неизвѣстности мѣста жительства отвѣтчика, сообщеніе послѣднему лично или по мѣсту его жительства повѣстки объ исполненіи (ст. 942—943 Уст. Гражд. Суд.) представляется дѣйствіемъ невозможнымъ, что къ отвѣтчику, *не получившему такой повѣстки*, не могутъ, будто-бы, быть примѣнены правила, изложенныя въ 944 и 955 ст. того же Уст. и что, по общему правилу, *исполненіе можетъ производиться не прежде, какъ по объявленіи о томъ лицу, состоящему въ отвѣтѣ* (Объяс. Запис. къ проекту Гражд. Суд. ч. 2 стр. 99), судебные пристава не находили возможнымъ приступать, при такихъ условіяхъ, къ исполненію рѣшенія. И такъ взыскатель, даже *при возможности обращенія взысканія* на выкупныя процентныя бумаги, акціи и облигаціи, на капиталы или иное движимое имущество должника, находящіеся у третьяго лица, на капиталы должника, находящіеся въ правительственномъ или судебномъ мѣстѣ, или кредитномъ установленіи, за *неявкою отвѣтчика* и *по неизвѣстности ни его мѣста жительства, ни временнаго пребыванія*, долженъ ожидать удовлетворенія до тѣхъ поръ, пока счастливый случай не обнаружитъ ихъ; судебное рѣшеніе, вошедшее въ законную силу, должно остаться безъ всякаго дѣйствія на неопредѣленное время, быть можетъ, навсегда. Такой результатъ не смущалъ однако ни исполнителей, ни судей. Первые успокоивались тѣмъ, что, по мнѣнію ихъ, Уст. Гражд. Судопр. не содержитъ въ себѣ прямого правила для даннаго случая, вторые находили, что исполненіе рѣшенія, безъ сообщенія объ этомъ отвѣтчику, могло бы привести къ злоупотребленіямъ со стороны взыскателя и что, по закону, если смерть должника должна пріостановлять начатое противъ него исполненіе, то и безвѣстное отсутствіе должно имѣть такое же юридическое дѣйствіе. Но очевидно, что вопросъ, имѣющій практическое значеніе, не могъ оставаться безъ его, такъ или иначе, разрѣшенія. Прежде всего, какъ намъ не разъ пришлось слышать отъ нѣкоторыхъ юристовъ-практиковъ, всего бы лучше воспользоваться существующими правилами въ исковомъ процессѣ относительно вызова отвѣтчика, мѣсто жительство котораго истцу неизвѣстно, чрезъ публикацію, и распространить ихъ на подобный же случай во время исполнительнаго производства. Едва ли такое рѣшеніе занимающаго насъ вопроса привело бы

къ цѣли. Какой, въ самомъ дѣлѣ, можно ожидать пользы отъ повторенія *формальности*, въ исполнительномъ производствѣ, не приведшей, въ исковомъ процессѣ, къ ожидаемому результату, т. е. къ *явкѣ* отвѣтчика на судъ, къ *подачѣ отзыва* или къ *обжалованію* посредствомъ апелляціи поставленнаго противъ него рѣшенія? Къ тому же подобная мѣра въ правилахъ объ исполненіи рѣшеній дѣйствительно не предусмотрѣна и исполнителямъ пришлось бы прибѣгнуть къ *толкованіямъ*, на которыя они, какъ органы полицейской власти, не уполномочены закономъ, да къ тому же наибольшая часть ихъ не получила юридическаго образованія. Установленные въ исковомъ процессѣ *сроки* на явку по публикаціи, по своей продолжительности, едва ли могли бы быть примѣнены къ исполнительному производству, не терпящему медленности. Затѣмъ вслѣдствіе жалобы взыскателя на отказъ одного изъ судебныхъ приставовъ приступить къ исполненію судебнаго рѣшенія, постановленнаго противъ отвѣтчика, мѣсто жительства котораго неизвѣстно было истцу, мы можемъ указать въ судебной практикѣ на опредѣленіе IV отд. Московскаго окружнаго суда, которымъ судъ призналъ такой отказъ судебнаго пристава неправильнымъ, поставя послѣднему на видъ, что *повѣстка объ исполненіи*, въ подобномъ случаѣ, могла быть имъ оставлена въ канцеляріи мѣстнаго окружнаго суда, или мироваго съѣзда, на основаніи 945 ст. Уст. Гражд. Судопр. Это весьма удобно, но правильно ли?

Да, кажется правильно, отвѣчаемъ мы, и вотъ почему:

1) При обсужденіи въ 1862 году основныхъ положеній гражданскаго судопроизводства имѣлось въ виду согласованіе нашего исполнительнаго производства съ характеромъ *состязательнаго* процесса посредствомъ допущенія участія тяжущихся: а) въ обращеніи рѣшенія къ исполненію; б) въ самомъ исполненіи и в) въ наблюденіи за правильностью исполненія.

2) Но это *участіе* тяжущихся въ исполнительномъ производствѣ, подобно тому какъ и въ исковомъ процессѣ, обусловлено цѣлымъ рядомъ *факультативныхъ* дѣйствій и отсутствіе или укрывательство отвѣтчика не можетъ парализовать исполнительныхъ дѣйствій, какъ это доказывается уже и тѣмъ, что неявка кого-либо изъ тяжущихся не останавливаетъ ареста движимаго имущества (ст. 972 Уст. Гражд. Суд.); что взыскатель или должникъ *неявившіеся* къ описи движимаго имущества, не

имѣетъ впослѣдствіи права подавать жалобы на неправильность ея производства (тамъ-же ст. 999); что судебный приставъ въ журналѣ о производствѣ торга означаетъ присутствовалъ-ли при продажѣ должникъ, или заступающій его мѣсто (тамъ-же ст. 1056); что должникъ, *непредставившій* до окончанія описи недвижимаго имущества документовъ и актовъ, не имѣетъ права жаловаться на происшедшую вслѣдствіе сего неправильность описи (тамъ-же 1112 ст); что торговый листъ подписывается взыскателемъ и должникомъ, *если они при торгѣ присутствовали* (тамъ-же 2 п. 1159 ст.) и проч.

3) Что наше законодательство, не игнорируя различія между добровольнымъ и принудительнымъ способомъ исполненія рѣшенія, по возможности оградило отвѣтчика отъ злоупотребленій со стороны взыскателя; но при этомъ весьма понятно, что гарантія отвѣтчика неизвѣстно пребывающаго, ограничивается исключительно публикаціею во время искового процесса; далѣе этого и не мыслимы иныя гарантіи, не нарушая въ тоже время правъ взыскателя. Процессъ удостовѣренія въ безвѣстномъ отсутствіи и взятіе имущества въ опеку (1451—1454 ст. Уст. Гражд. Суд.) или учрежденіе опеки по просьбѣ взыскателя, примѣняясь къ 959 ст. того-же Устава, суть такія мѣры, распространеніе которыхъ на случай нами разсматриваемый не разрѣшено.

4) Явка на судъ и избраніе тяжущимися, по явкѣ, мѣсто пребыванія, для нихъ *обязательны* (тамъ-же ст. 309). Бумаги и повѣстки на имя тяжущагося, который не заявилъ въ канцеляріи суда объ избранномъ имъ мѣстѣ пребыванія въ томъ городѣ, гдѣ находится судъ, оставляются въ канцеляріи суда (тамъ-же ст. 311). По содержанію этихъ узаконеній, всѣ бумаги и повѣстки на имя отвѣтчика, вызываемаго чрезъ публикацію, также должны быть оставляемы въ канцеляріи суда.

Ст. 945 Уст. Гражд. Суд., по нашему мнѣнію, составляетъ примѣненіе изложеннаго правила и къ исполнительному производству. Отвѣтчикъ вызывавшійся чрезъ публикацію, во время искового процесса, неявившійся на судъ, вопреки 309 ст. и не избравшій по этому и *мѣстопребыванія*, долженъ почитаться и въ исполнительномъ производствѣ, не исполнившимъ своихъ обязанностей и поэтому порядокъ сношенія съ нимъ судебнаго пристава, исполняющаго рѣшеніе, при невозможности врученія повѣстки лично или въ мѣстѣ жительства, по необходимости долженъ быть ограниченъ формальностями, установленными приведенной 945 ст.

5) Установленныя 1 п. 1078 и 1079 ст. правила, требующія указанія въ повѣсткѣ третьему лицу или административному, или судебному или кредитному установленію, *времени посылки должнику повѣстки объ исполненіи*, въ разсматриваемомъ случаѣ, сводятся къ указанію времени *объ оставленіи такой повѣстки въ канцеляріи мѣстнаго окружнаго суда или мироваго съѣзда.*

и 6) Начало, по которому *исполненіе можетъ производиться не прежде какъ по объявленіи о томъ лицу, состоящему въ отвѣтѣ*, совершенно сходно съ началомъ, выраженнымъ въ 4 ст. Уст. Гражд. Суд. Но если законодательство по отношенію къ отвѣтчику, мѣсто жительство котораго не можетъ быть указано истцемъ, признало возможнымъ допустить форму вызова чрезъ публикаціи, заочное рѣшеніе и опубликованіе резолюціи, то спрашивается, на какомъ основаніи въ исполнительномъ производствѣ стало-бы оно считать присутствіе отвѣтчика безусловно обязательнымъ? «*Имущественное взысканіе по исполнительному листу*, по словамъ Г. Малышева (курсъ Гражд. Судопр. т. 2 стр. 90), *представляется несомнѣннымъ; оно тяготѣетъ на самомъ имуществѣ и, пока не удовлетворено, нисколько не зависитъ отъ произвола должника*».

Въ заключеніе нашей замѣтки мы не можемъ не выразить желаніе, что-бы по этому предмету установилось единомысліе въ судебной практикѣ. Судебныя рѣшенія не должны оставаться безъ исполненія; иначе самое право судебной защиты, въ разсмотрѣнномъ нами случаѣ, сдѣлалось-бы пустымъ призракомъ.

А. Фальковскій.

2) *„Обращеніе крестьянской избы въ публичную молельню преслѣдуется 206 ст. Улож. о нак. и тогда, когда молельня эта не имѣетъ полной обстановки молитвеннаго дома и продолжаетъ служить для жилья семейству хозяевъ той избы“.* (Приговоръ Рязанскаго окружнаго суда по дѣлу крестьянина Гаврикова). 52

и 3) *„Евреи за производство внѣ черты, назначенной для постояннаго ихъ жительства, недозволенной имъ торговли,—подвергаются преслѣдованію по 1171 ст. Улож. о нак.“* (Приговоръ того же суда по дѣлу мѣщанина Бориса Лесина). 34

VIII. — ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ:

942—945 ст. Уст. гражд. суд.—*А. М. Фальковскаго.* . . 57

IX — ОБЪЯВЛЕНІЯ:

а) Отъ книжнаго магазина **И. П. Анисимова**. 1
б) Отъ редакціи газеты-журнала *„Гражданинъ“*. 3
в) Отъ редакціи Донской газеты. 6
г) Отъ редакціи газеты *„Музыкальный свѣтъ“* 7

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЮРИД. ВѢСТНИКУ:

ОСНОВАНІЕ ЗАЩИТЫ ВЛАДѢНІЯ—ПЕРЕСМОТРЪ УЧЕНІЯ О ВЛАДѢНІИ. Тайнаго совѣтника и профессора правъ Геттингенскаго Университета Рудольфа Іеринга (перев. со втораго дополненнаго исправленнаго изданія на нѣмец. языкѣ). 17

Редакція считаетъ обязанностью повторить, что оригинальныя сочиненія строго-научнаго содержанія, по всѣмъ отдѣламъ права, предлагаемыя для напечатанія въ журналѣ, будутъ, по желанію авторовъ, вознаграждаемы отъ 50 до 75 рублей за каждый печатный листъ, а за переводныя отъ 15 до 25 рублей, смотря по достоинству перевода. Статьи, пересылаемыя безъ заявленія о гонорарѣ будутъ сочтены доставленными для безмезднаго помѣщенія ихъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ.

Юридическій Вѣстникъ

ВЫХОДИТЪ ВЪ 1876 ГОДУ ЕЖЕМѢСЯЧНО КНИЖКАМИ ОТЪ 5 ДО 8 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ И БОЛѢЕ.

Цѣна за годовое изданіе **5** р., съ пересылкою **6** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ **Москвѣ**: въ редакціи Юридическаго Вѣстника на Малой Бронной, въ д. Фальковской. Въ книжныхъ магазинахъ: И. П. Анисимова на Никольской улицѣ; А. Л. Васильева на Страстномъ бульварѣ; А. И. Глазунова на Кузнецкомъ мосту и И. Г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ.

Въ **С.-Петербургѣ**: Въ книжномъ магазинѣ И. П. Анисимова рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекою.

Авторы статей, доставляемыхъ въ редакцію для печатанія, благоволятъ присовокуплять къ нимъ и условія, на которыхъ желаютъ печатать.

Редакторы: В. Н. ЛЕШКОВЪ.
А. М. ФАЛЬКОВСКІЙ.

00083598
ЮФ СПбГУ